

А 218
1579

СВЯТЫЕ

ВОЛОГОДСКАГО КРАЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Коноплева.

МОСКВА.

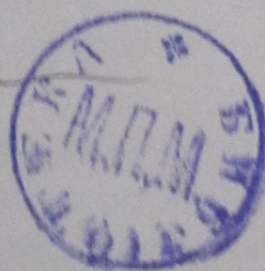
—
1895.

Р 1-78
12868

СВЯТЫЕ ВОЛОГОДСКАГО КРАЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Коноплева. +

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1895.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя **А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго**.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

ВВЕДЕНІЕ.

Агіобіографическія произведенія, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія, съ самаго начала христіанства на Руси были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались цѣлыми массами, такъ что едва ли есть другой видъ древнерусской письменности, болѣе обильный памятниками, чѣмъ житія святыхъ. Но, составляя сравнительно богатый матеріалъ въ количественномъ отношеніи, памятники эти, въ сожалѣнію, являются весьма скудными и неудобными въ качественномъ отношеніи историческими источниками.

Прототипомъ русской агіобіографіи является агіобіографія восточная. Характеръ восточной агіобіографіи отразился еще въ первомъ русскомъ агіобіографическомъ произведеніи—въ житіи святыхъ мучениковъ—князей Бориса и Глѣба, принадлежащемъ перу лѣтописца Нестора. Повѣсть объ убіеніи этихъ мучениковъ вошла въ составъ его лѣтописи. Здѣсь, въ фактическомъ отношеніи, она является болѣе подробною, чѣмъ въ житіи. Въ послѣднемъ, взаимѣ этого, вставлены подробные разказы о характерѣ св. братьевъ и ихъ мученической кончинѣ, сопровождаемые похвалами благовѣрію князей и общими назидательными отступленіями¹. Назидательность, составлявшая отличительную черту восточной агіобіографіи, въ этомъ житіи впервые явилась пересаженною на русскую почву и здѣсь глубоко пустила свои корни.

Послѣдующая русская агіобіографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агіобіографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго. Это обуславливалось отчасти и историческими обстоятельствами. Вопервыхъ, далеко не всѣ послѣдующіе агіобіографы находились въ положеніи Нестора, хорошо

¹ Памятники древнерусской письменности, изданные въ Православномъ Соборѣ за 1858 г., ч. I, стр. 578—604.

знавшего исторію жизни мучениковъ-князей, совершившуюся почти на его глазахъ. Въ большинствѣ случаевъ, по недостатку ли способныхъ людей или по другимъ причинамъ, біографія святаго составлялась, спустя цѣлыя столѣтія по преставленіи святаго, на основаніи темныхъ рассказовъ „памятуховъ“ или какихъ нибудь краткихъ историческихъ записокъ о жизни святаго. Это само собою располагало біографа пробавляться въ своемъ рассказѣ общими назидательными разсужденіями, похвалами святому, чего главнымъ образомъ требовали отъ житія и его читатели. Повторяясь, исторія свидѣлствуетъ, что въ большинствѣ случаевъ составленіе житій святыхъ приурочено было къ какимъ-либо важнымъ моментамъ ихъ посмертной исторіи, напримеръ, къ открытію мощей, устройству въ честь ихъ церкви и прочее. Это также панегирически настраивало біографа и изъ подъ его пера выходилъ родъ похвалений праведнику, патетическихъ восклицаній и всевозможныхъ риторическихъ отступленій, за которыми совершенно скрывался историческій образъ святаго.

Далѣе, отдаленность біографа отъ времени жизни описываемаго имъ лица была причиною и еще одного явленія, такъ часто наблюдаемаго въ древнерусской агіографической литературѣ. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостающее при помощи источника, не имѣющаго ничего общаго съ исторіей. Такимъ источникомъ являлась легенда, такъ обычная на первыхъ порахъ христіанства, когда прежнія понятія приходили въ столкновеніе и перепутывались съ новыми.

Окончательное завершеніе такого склада русской агіографіи совершилось, какъ извѣстно, въ XV вѣкѣ и опять подъ сильнымъ вліяніемъ востока. Около этого времени съ востока къ намъ, вмѣстѣ съ агіографическими образцами, начинаютъ проникать и литературные таланты. Таковы были: митрополитъ Кипріанъ, Епифаній Премудрый и Пахомій Логоветъ. Теперь похвала праведнику дѣлается чуть ли не исключительною цѣлію житія,—похвалою оно начиналось, ею же и оканчивалось. Мѣсто біографическихъ чертъ заступаетъ здѣсь развѣ навсегда составленный аскетическій идеалъ, который весьма удобно было переносить съ одной личности на другую. Такъ напримеръ: (святый) „родися отъ благочестиву родителю, воспитанъ бысть въ добрѣ ученіи и благочестіи, юнъ сый на игры пустышныя отнюдь не хождаше, но благую часть избираше,—въ церкви Божіей прежде всѣхъ обрѣташеса“ и проч.¹

¹ Подробно объ этомъ можно читать въ сочиненіи В. О. Ключевскаго:

Но, достигнувъ здѣсь своего апогея, искусственно-реторическое направленіе древне-русской агіографіи, въ силу нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, стало мало-по-малу приходить къ упадку. Являясь въ нѣкоторомъ родѣ перломъ древне-русского краснорѣчія, произведенія риторическаго витійства были по плечу далеко не всѣмъ русскимъ грамотеямъ и требовали значительной подготовки и начитанности. Между тѣмъ, развитіе монастырской колонизаціи въ XIV и XV вѣкахъ выставило необозримый рядъ подвижниковъ, основавшихъ свои колоніи въ лѣсныхъ пустыняхъ, гдѣ средства къ образованію и побужденія къ нему были далеко не такъ сильны, какъ въ большихъ городахъ и монастыряхъ, служившихъ обыкновенно агіографическими центрами. Поэтому, по мѣрѣ удаленія агіографіи отъ этихъ центровъ, начинаютъ тускнѣть ея краски, рассказъ ея дѣлается простымъ, приближаясь къ разговорной рѣчи, содержаніе становится болѣе фактическимъ, типичныя мѣста—болѣе сокращенными. Вмѣсто прежняго панегиризма, здѣсь часто писатель руководился иною цѣлію—сберечь и записать черты жизни подвижника, пока онъ свѣжи въ памяти, и чрезъ это упрочить то благоговѣйное воспоминаніе, которое оставлялъ по себѣ подвижникъ въ братіи и окрестномъ населеніи. Вслѣдствіе этого, житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ подчасъ являются болѣе удобными для историческаго анализа и болѣе обильными исторіографическимъ матеріаломъ.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и здѣсь этому развивавшемуся исторіографическому направленію шло навстрѣчу очень важное препятствіе, затормозившее дальнѣйшее его развитіе. Препятствіе это заключалось опять-таки въ недостаткѣ способныхъ и образованныхъ людей. Преданіе о святомъ часто успѣвало уже забыться, прежде чѣмъ находило своего исторіографа. Последнему сообщали двѣ-три черты изъ забытаго преданія о святомъ съ просьбою на основаніи ихъ составить житіе и чудеса святаго, „да въ конецъ въ забысть не пріидуть“. При такихъ обстоятельствахъ и здѣсь агіографу волея-неволей приходилось прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ жизни сѣверныхъ подвижниковъ,—и здѣсь, мало по малу, вырабатывался литературный идеалъ сѣвернаго подвижника.

Литературный типъ сѣвернаго подвижника составляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе аскетическаго идеала произведеній риторическаго

„Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. М. 1871 г. — и г. Иконтова:

„Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“. Казань 1881.

вѣтійства. Если тамъ писатель стремился воспыть панегирикъ аскетическимъ подвигамъ святаго вообще, то здѣсь, по преимуществу, онъ хотѣлъ изобразить его какъ колонизатора лѣсной пустыни, составлявшей равнѣ обиталище бѣсовъ, теперь же превратившейся въ святое мѣсто. По его возрѣнію, такая метаморфоза пустыни изъ демонскаго жилища „въ мѣсто свято“ могла совершиться не иначе, какъ при участіи сверхъ-естественной помощи, органомъ которой, обыкновенно, и является святой подвижникъ. Мѣсто, гдѣ ему нужно было создать монастырь, заранѣе обозначено ему появленіемъ чудеснаго свѣта, „сіяющаго паче солнечныхъ лучъ“, или чудеснаго звона „по обычаю монастырскому“. Послѣ избранія этого мѣста ему нужно было выдержать не менѣе чудесную борьбу съ демонами, которые, „видѣвши себе изгонимы, вельми зѣло подвигошася на брань и (святѣй) многа нечестива пріять досажденія, хотяще его разлучити отъ мѣста того“¹. Нужно ли святому создать церковь—ему также внушится это свыше: „въ едину отъ ношей, молящуся святому въ обычномъ своемъ правилѣ, въ сонѣ топокъ сведенъ бысть, зрѣти нѣкоего юношу красна зѣло, глаголюща: подобаетъ ти церковь создать“². Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святой чудесно укрощаетъ его: „сви-рѣный звѣрь, кровоедецъ акудъ, рекомый медвѣдь, на единомъ отъ скотъ сотвори пакость, хотяше убить его. Святѣй же звѣря молитвою связа и повелѣ ученику своему поученіе дати, да впредь пакости не дѣетъ. Ученикъ, взявъ лозу, бѣаши звѣря, звѣрь же поклонися нмѣ до земли, ничтоже зла сотвори“³. Наконецъ, иногда даже Самъ Спасъ сходитъ съ небесе для бесѣды со святымъ, научая его, какъ избѣжать сѣтей вражнихъ⁴.

Всего сказаннаго достаточно для вывода, что агіобиографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ. Такой взглядъ на нихъ и былъ высказанъ еще первыми ихъ изслѣдователями-археологами. Въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія нашъ знаменитый археологъ Строевъ писалъ слѣдующее: „житія святыхъ русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополнен-

¹ Ркп. житіе преподобнаго Павла Обнорскаго Соловецкой бібліотеки № 818, л. 394. Ср. ркп. житіе Сергія Нуромскаго, Іоаннѣя Гаушницкаго, Арсенія и Корнелія Комельскихъ.

² Ркп. житіе преп. Діонисія Гаушницкаго Солов. библ. № 984, л. 257.

³ Ркп. житіе преп. Арсенія Комельскаго.

⁴ Ркп. житіе преп. Іоасафа Каменскаго.

ныя, представляютъ богатый запасъ для исторіи обществя, мнѣній и повѣрствъ древней Руси, и даже въ нихъ много есть фактовъ, не намѣченныхъ бытописателями“¹. Взглядъ этотъ послѣдовательно повторили изслѣдователи русской литературы: профессоръ Шевыревъ въ своей „Исторіи русской словесности“², профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ въ „Очеркахъ русской народной словесности и искусства“³ и наконецъ профессоръ Некрасовъ—въ сочиненіи „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ“⁴.

Но если агіобиографическія памятники являются весьма любопытными и привлекаютъ къ себѣ симпатіи изслѣдователя-литератора, видящаго въ нихъ зарожденіе національной литературы, то далеко не такими представляются они взору церковнаго историка. Вотъ съ какими отзывами объ этихъ памятникахъ приходится встрѣчаться въ трудахъ первыхъ нашихъ изслѣдователей житій святыхъ, какъ агіобиографическихъ источниковъ: „сочиненія Васильевы, пишетъ архіепископъ Филаретъ объ одномъ древнемъ писателѣ, большею частію бесполезны для исторіи. Смѣлость клирика въ вымыслахъ, оскорбляющихъ исторію, хронологію, здравый смыслъ и святую вѣру, изумительна. По всему видно, что Василій былъ охотникъ поговорить, но былъ человекъ ограниченный въ смыслѣ и скудный въ познаніяхъ, позволявшій себѣ говорить всякую ложь, лишь бы освятить любимую“⁵. Характеризуя дѣятельность Пахомія, составлявшаго повѣсть о Василіи и Константинѣ Ярославскихъ, этотъ же авторъ добавляетъ: „по этой повѣсти видно, что многогрѣшный Пахомій былъ съ родни безтолковому Василію“⁶. Подобнымъ же образомъ митрополитъ Макарій въ своемъ „Введеніи въ исторію русской церкви“ отказалъ многимъ фактамъ изъ древнихъ житій въ историческомъ значеніи⁷.

Съ одной стороны, столь невысокое качественное достоинство древне-русскихъ житій, какъ историческихъ источниковъ, а съ другой—вся важность заключающагося въ нихъ исторіографическаго матеріала, дѣлающая ихъ единственными въ своемъ родѣ историческими источниками, вызвали самый строгій и тщательный анализъ этихъ памят-

¹ Н. П. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, стр. III.

² Томъ III, стр. 57.

³ Томъ II, стр. 154 и слѣд.

⁴ Записки Новороссійскаго университета, т. I, стр. 1—134.

⁵ „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 146.

⁶ „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 147.

⁷ См. стр. XVI.

никовъ въ трудѣ почтеннаго профессора Василія Осиповича Ключевского „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Результаты его изслѣдованія кратко можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество исторіографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими данными: во первыхъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу (въ однихъ случаяхъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ—иноки позднѣйшихъ временъ); во вторыхъ,—тѣми источниками, которыми располагаютъ біографы (для однихъ такими источниками служили рассказы современниковъ, для иныхъ—рассказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ, и наконецъ какія-либо записки о жизни святаго); въ третьихъ,—тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (заключалась-ли эта задача въ томъ, чтобы сохранить дорогія для братіи и окрестнаго населенія черты жизни святаго, или въ томъ, чтобы воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ риторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, означенный изслѣдователь приходитъ къ тому выводу, что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благопріятствовавшихъ обилію въ немъ исторіографическаго матеріала. Вслѣдствіе-ли малаго знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, исторіографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Таковъ характеръ матеріала, подлежащаго изслѣдованію агіобіографа. Очевидно, всякое требованіе по отношенію къ нему—создать на основаніи такого матеріала въ собственномъ смыслѣ біографію святаго—не можетъ имѣть мѣста. „Житіе и біографія, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи профессоръ Ключевскій, смотрятъ на лицо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица насъ занимаетъ болѣе всего борьба вѣчно борющихся историческихъ стихій, личности и среды, ее окружающей; взаимное отношеніе той и другой стороны служитъ лучшей характеристикой ихъ обоихъ. Совсѣмъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходитъ святой, разсматривается только, какъ внѣшняя помѣха, ничего не дающая лицу, и настолько слабая, что святой еще въ колыбели становится выше ея“¹⁴. Изслѣ-

¹⁴ „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, стр. 435.

дователь, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ даже составить болѣе или менѣе полный сводъ біографическихъ чертъ одной только личности святаго, безъ всякаго ея отношенія къ окружающей дѣйствительности. Весьма часто изъ всей массы матеріала, заключающагося въ житіи, можно выдѣлить двѣ-три біографическія черты; все же остальное является матеріаломъ совершенно постороннимъ, къ дѣлу не относящимся.

Въ виду всего сказаннаго, задача, которую можетъ намѣтить себѣ агіобіографъ, можетъ быть сведена къ слѣдующему.

1. Изложить біографическія сказанія о святыхъ по сохранившимся агіобіографическимъ памятникамъ, критически очищая ихъ отъ постороннихъ наслоеній и выдѣляя изъ всей массы агіобіографическаго матеріала исторіографическій элементъ.

2. Такъ какъ исторіографическій матеріалъ, извлекаемый изъ этого рода источниковъ, является не всегда вѣрнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностію, то это налагаетъ на агіобіографа другую задачу: тамъ, гдѣ возможно, провѣрять этотъ матеріалъ показаніемъ другихъ, болѣе надежныхъ, источниковъ, напримѣръ, лѣтописей; сопоставлять между собою сказанія различныхъ редакцій одного и того же житія, сопоставлять сказанія различныхъ житій объ одномъ и томъ же предметѣ.

3. Наконецъ, въ виду того, что цѣнность исторіографическаго матеріала агіобіографическихъ памятниковъ опредѣляется, главнымъ образомъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу и его источниками, то, дабы точнѣе опредѣлить степень достовѣрности сообщаемыхъ агіобіографическихъ свѣдѣній и чрезъ то дать возможность прагматикѣ правильнѣе относиться къ нимъ, изслѣдователь долженъ предпослать изложенію агіобіографическихъ сказаній тщательно собранныя свѣдѣнія о писателѣ древняго житія и его источникахъ, каковыя свѣдѣнія, по общему агіобіографическому обычаю, заключаются почти въ каждомъ житіи.

Изучая древне-русскія житія Вологодскихъ святыхъ, изслѣдователь не могъ не придти къ мысли, что наиболѣе цѣнный и сравнительно обильный заключающійся въ нихъ исторіографическій матеріалъ относится къ исторіи монашества и исторіи сѣверно-русской колонизаціи. Поэтому, излагая біографическія свѣдѣнія о святыхъ Вологодскаго края, авторъ преимущественно имѣлъ цѣлю, насколько возможно, прослѣдить по нимъ соответствующую часть исторіи сѣверно-русскаго монашества и монастырской колонизаціи.

Источниками, на основаніи которыхъ авторъ излагалъ содержанія своего изслѣдованія, служили рукописи Соловецкой библіотеки (при Казанской Духовной Академіи) и рукописи нѣкоторыхъ мѣстныхъ Вологодскихъ библіотекъ: Вологодскаго кафедральнаго собора и монастырей: Спасо-Прилуцкаго, Арсеніева и Корниліева Комельскихъ, Павло-Обнорскаго, бывшаго Авнежскаго (теперь приходская церковь), Спасо-Суморина Тотемскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

ГЛАВА I.

Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые святыи, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Кипріанъ и Проконій Устюжскіе.

Территорія Вологодскаго края, вмѣстѣ съ Архангельскою и Пермскою, входила въ составъ древней Біарміи или Великой Перміи. Первоначальными жителями этой страны были народы финскаго племени, называвшіеся то Чудью¹, то Чудью Заволоцкой или Бѣлоглазой². Дѣйствиельныя богатства страны очень рано стали привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ сосѣдей ея, новгородцевъ. Новгородскіе повольники наиболѣе удобными путями проникали сюда и по берегамъ рѣкъ основывали свои колоніи, обозначая такимъ образомъ свой путь къ востоку. Трудно указать время первоначальнаго завоеванія этой страны новгородцами. Полагаютъ, что они овладѣли ей еще до Рюрика³.

Въ княженіе Владиміра жители Печоры были уже данниками новгородцевъ⁴. При Ярославѣ новгородцы, во главѣ съ княземъ Глѣбомъ, въ 1032 году, проникли до „желѣзныхъ вратъ“, которыя, по изысканію извѣстнаго финнолога Шегрена, находились въ 80 верстахъ отъ нынѣшняго Устьсысольска, въ селеніи Водса⁵. На основаніи этого можно думать, что къ XII вѣку вся Вологодская страна была уже покорена Новгородцами.

Съ этого времени соперникомъ вольному Новгороду въ дѣлѣ владычества на русскомъ сѣверѣ является старый Ростовъ, дѣдъ земли Залѣсской. Въ XII вѣкѣ Ростовско-Суздальскіе князья Юрій Долгору-

¹ Карамзинъ, Исторія государства русскаго, т. I, глава 2. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. III, стр. 1.

² Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества, ч. XXII, стр. 11.

³ Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. I, стр. 157.

⁴ Двинской лѣтописецъ въ Трудахъ вольн. русскаго. Собр. т. I, стр. 114.

⁵ Н. Костомаровъ, „Сѣв.-рус. народоправство“, Монографіи т. VII, стр. 409.

кій и сынъ его—Андрей Боголюбскій не разъ отправляли свои рати, чтобы перехватить Новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ югорской данью⁶. Около этого-же времени Ростовъ имѣлъ уже довольно значительную колонію въ Вологодской землѣ—городокъ Гледенъ, основанный на берегу рѣки Юга, на горѣ Гледенѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Впослѣдствіи, въ концѣ XII вѣка, часть жителей Гледена переселилась на устье рѣки Юга и положила здѣсь основаніе городу Устюгу⁷, который съ теченіемъ времени сдѣлался опаснымъ соперникомъ вольному Новгороду и постоянно перехватывалъ новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ печорской и югорской данью.

Вѣсть съ покореніемъ Вологодскаго края и русскою его колонизаціе начиналось и просвѣщеніе его свѣтомъ христіанства. Въ XII вѣкѣ изъ новгородскихъ колоній извѣстна Вологда, существовавшая тогда въ видѣ посада съ церковію Воскресенія Христова, какъ гласитъ объ этомъ отрывокъ древней лѣтописи, занесенный въ сказаніи о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ. Въ XII вѣкѣ новгородскій князь Святославъ Ольговичъ своею грамотою установилъ Новгородскому архіепископу Нифонту получать дань съ Новгородскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ⁸. Еще яснѣе слѣды христіанства въ ростовскихъ колоніяхъ. Въ Гледенѣ въ XII вѣкѣ существовалъ уже Троицкій монастырь⁹. Въ Устюгѣ, скорѣ послѣ его основанія, созданъ былъ Михаило-Архангельскій монастырь. Въ началѣ XIII вѣка городъ этотъ, по сказанію житія Прокопія Устюжскаго, сіялъ уже многими церквами.

Русскія колоніи Вологодскаго края, какъ увѣряетъ преданіе, записанное въ позднѣйшее время, сдѣлались мѣстомъ подвиговъ болѣе раннихъ сѣверныхъ подвижниковъ.

Первымъ изъ такихъ подвижниковъ является преподобный Герасимъ Вологодскій. Къ сожалѣнію, древность очень мало сохранила намъ свѣдѣній объ этомъ подвижникѣ. Скудость свѣдѣній о преподобномъ Герасимѣ дала возможность нѣкоторымъ изслѣдователямъ сомнѣваться, если не относительно исторической дѣйствительности его лица,

⁶ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1883 г., стр. 275.

⁷ Устюжскій лѣтописецъ—въ Исторіи Карамзина, т. III, примѣч. 186.

⁸ Вотъ подлинный текстъ этой грамоты: „...урядилъ есмь азъ св. Софья и написалъ... князь новгородскій Святославъ... на Ракулѣ три сорочка, у Путей—сорочекъ, у Чудина—полъ-сорочка, у Вели—два, у Вектензѣ—два“. Исторія Государства Россійскаго—Карамзина, т. II, примѣч. 267.

⁹ Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 694.

то, по крайней мѣрѣ, относительно времени его существованія¹⁰. Всѣ свѣдѣнія, какія только можно почерпнуть о преподобномъ, заключаются въ позднѣйшемъ сказаніи о посмертныхъ чудесахъ его, которыя, по свидѣтельству этого сказанія, начали записываться съ XVII вѣка¹¹. Въ началѣ своего сказанія писатель дѣлаетъ такое замѣчаніе: „о свидѣтельствѣ его (преподобнаго Герасима), коликими трудами подвизался и коего града урожденіемъ и какова рода саномъ былъ, того мы не обрѣтехомъ, прехожденія ради многихъ лѣтъ и отъ раззоренія невѣрныхъ града Вологды. Но слухи наши простираются отъ древнихъ челоувѣкъ, что въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ пишеть сиче, что преподобнаго отца сего Герасима служба вся съ поліелеомъ и чудеса его написаны были для празнества на память преподобнаго предложены. И егда Божіимъ поущеніемъ грѣхъ ради нашихъ прииде раззореніе на градъ Вологду отъ невѣрныхъ, тогда житіе святаго и съ службою безвѣстно утратиса“, (л. 33). Все, что могъ узнать онъ о преподобномъ изъ цитуемаго имъ лѣтописца, заключается въ слѣдующемъ: „... въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ о приходѣ преподобнаго пишеть сиче: въ лѣто 6655 (1147), августа въ 19 день, на память св. мученика Андрея Стратилата, прииде преподобный отецъ Герасимъ отъ Богоспасаемаго града Кіева, тоя же

¹⁰ Профессоръ Е. Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви“ по поводу извѣстія о приходѣ преподобнаго Герасима на Вологду замѣчаетъ слѣдующее: „Существовала или не существовала Вологда въ это время, во всякомъ случаѣ въ періодъ до-монгольскій она должна быть представляема торговою колоніею новгородскою, съ населеніемъ изъ самихъ новгородцевъ, только въ небольшомъ количествѣ, и главнымъ образомъ изъ туземныхъ инородцевъ—чуды пермской и зырянъ. Предполагать, что уроженецъ кіевскій могъ имѣть желаніе пойти въ инородческую и некрещеную мѣстность, гдѣ онъ не могъ надѣяться найти себѣ товарищей въ монашествованіи и гдѣ онъ вовсе не могъ ожидать благосклоннаго приема—весьма сомнительно“. Часть I, 2 половина, стр. 638. Однако, такое мнѣніе почтеннаго ученаго является слишкомъ голословнымъ: на такихъ основаніяхъ можно сомнѣваться въ существованіи и такихъ подвижниковъ, какъ Феодоритъ Кольскій и Трифонъ Печенгскій.

¹¹ Списокъ этого, рѣдко встрѣчающагося, сказанія находится въ рукописномъ сборникѣ житій святыхъ бібліотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 (по монастырской описи), л. 33. Заглавіе его: „Чудеса и дѣянія и преславная новоявленная творенія преподобнаго и приснопамятнаго отца нашего Герасима, иже у Пресвятыи Троицы, вверхъ посаду съ поля отъ Прилука, что у Кайсарова ручья“. Начало сказанія: „Рече Господь, яко прославляющаго Ма прославляю“. Чудесъ 37.

весь Глушенского монастыря постриженникъ, " къ Вологдѣ рѣцѣ, еще до зачала града Вологды, на великій лѣсъ, на средній посадь Воскресенія Христова, Лѣвивыя площадки малаго торжку и создалъ пречестенъ монастырь во славу Пресвятыя Троицы, отъ рѣки Вологды разстояніемъ за волю-поприща, и оттолѣ поживе тутъ преподобный лѣтъ 31 и скончался въ лѣто 6686 (1178), марта въ четвертый день, на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Йорданѣ" (л. 33). Остальная часть сказанія занимается описаніемъ чудесъ. Къ этому сказанію нѣкоторые историки присоединяютъ сомнительной подлинности разсказъ, заимствованный, вѣроятно, изъ преданія, о состязаніи преподобнаго изъ за обладанія мѣстомъ подь монастырское строеніе съ владѣльцемъ—мѣщаниномъ Патышевымъ ¹².

Изъ Ростовскихъ колоній въ Вологодской землѣ, сдѣлавшихся мѣстомъ подвижничества святыхъ, на первомъ планѣ выступаетъ предъ нами Великій Устюгъ, центръ Ростовскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ. Лѣтописи, ведущія свое начало отъ основанія Устюга, начинаются сказаніями о его подвижникахъ. Первымъ изъ нихъ былъ преподобный Кипріанъ. Вотъ его лѣтописная біографія.

„Въ 1212 году, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Устюжскаго уѣзда, Двинской трети, Уфтыжской волости, нѣкто земледѣлатель, презрѣвъ красная міра сего, воспріялъ на ся монашескій образъ и наречеса имя ему Кипріанъ. Сей, по воспріятіи монашества въ городѣ Устюгѣ Великомъ, по желанію и усердію гражданъ, убѣжденъ создати святую обитель при градѣ Устюгѣ, на удобномъ мѣстѣ. Онъ же, обходя градъ, и разсматривая приличная къ таковому населенію монашествующихъ мѣста, избралъ мѣсто при езерахъ, за острожною насыпью, на которомъ сперва поставилъ себѣ малую келейцу, а потомъ, въ лѣто 1212, вышеупомянутый монахъ Кипріанъ началъ созидати обитель во имя Введенія Пресвятыя Богородицы и св. Архистратига Михаила. Таковое его богоугодное дѣло видѣвши граждане, многая отъ изживеній

¹² Къ сожалѣнію, это сказаніе является единственнымъ источникомъ, дающимъ свидѣніе о существованіи Глушенскаго монастыря. Это обстоятельство даетъ поводъ ко всевозможнымъ поправкамъ и догадкамъ, напримѣръ, архіепископъ Филаретъ мѣсто Глушенскаго монастыря подставляетъ Гиндечій.

¹³ Вслѣдъ за Карамзинымъ (Исторія Г. Р., т. IV, примѣч. 117) ее повторытъ: архіепископъ Филаретъ (Русскіе святые, 4 марта), Муравьевъ (Житія святыхъ, 4 марта) и Погодинъ (въ своемъ Вологодскомъ дневникѣ — въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1868 г., стр. 69).

своихъ потребная на сооруженіе и содержаніе той обители приносили, а нѣкоторые и жителство свое начали оттолѣ вкупѣ съ нимъ препровождати. Онъ же всѣхъ принималъ съ радостію и любовію, наставляя многотруднымъ и непорочнымъ своимъ житіемъ... А потомъ, все свое наслѣдственное имѣніе, движимое и недвижимое, т. е. села, деревни, пашенную и непашенную приложилъ землю, которую онъ имѣлъ въ Уфтыжской волости и прочихъ многихъ волостяхъ. И тако оттолѣ та святая обитель начала распространяться и всякимъ довольствомъ изобилovati, а преподобный отецъ, монахъ Кипріанъ, нареченъ бысть начальникомъ той обители".

„Въ 1216 году попеченіемъ начальника, инокъ Кипріана, созданная въ Устюгѣ деревянная обитель, въ семь году постройкою окончена".

„Въ 1276 году, Сентября 29 дня, въ субботу ¹⁴, преставился Архангельскаго монастыря начальникъ, инокъ Кипріанъ, и погребенъ близъ св. вратъ того монастыря. Черезъ протеченіе нѣкогда времени надъ гробомъ его сдѣлана деревянная часовня, а въ 1711 году и церковь каменная; гробъ же его—внутри церкви и надъ нимъ устроена гробница, которая и до-нынѣ всѣми видима".

„Въ память его и по сіе время въ монастырѣ хранится небольшой камень, который, по преданію, преподобный держалъ въ рукахъ своихъ тогда, какъ, по немочи человеческой, преодолевая будучи сномъ, и испустивъ камень изъ рукъ, возбуждался стукомъ онаго къ бодрствованію и молитвѣ" ¹⁵.

Одновременно съ преподобнымъ Кипріаномъ въ Устюгѣ подвизался блаженный Прокопій юродивый.

Блаженный Прокопій представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи русскаго подвижничества: во-первыхъ, „это былъ переселенецъ отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли", а во вторыхъ—онъ первый изъ русскихъ подвижниковъ шелъ по пути юродства. Тѣмъ не менѣ исторія его жизни остается совершенно темною. Житіе Прокопія, написанное спустя нѣсколько столѣтій послѣ его преставленія, весьма скудно въ факти-

¹⁴ Такъ какъ 29 сентября 1276 г. падало не на субботу, то Карамзинъ (И. Г. Р., т. III, примѣч. 186) полагаетъ, что или годъ преставленія въ лѣтописи обозначенъ невѣрно, или днемъ кончины преподобнаго было 26 число этого мѣсяца.

¹⁵ Устюжскій лѣтописецъ—въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 626—629.

чуждомъ отношеній и въ поддѣльных редакціяхъ является въ высшей степени искаженнымъ легендами и выписками изъ другихъ житій. Профессоръ Ключевскій отзывается о немъ такимъ образомъ: «житіе Устюжскаго юродиваго Проконія, плохо написанное, составлено изъ отдѣльных эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчіями... Это рядъ легендъ, сложившихся изъ различныхъ мѣстныхъ воспоминаній, независимо одна отъ другой, и не подвергнутыхъ въ житіи искусной обработкѣ»¹⁶. Впрочемъ, чтобы правильно смотрѣть на этотъ отрывъ почтеннаго исследователя, нужно имѣть въ виду, что онъ сдѣланъ на основаніи изслѣдованія послѣдней, распространенной редакціи житія Проконія. Но едва ли какое другое житіе имѣетъ большее число редакцій и болѣе длинную исторію, чѣмъ житіе Проконія. Эта исторія является лучшей и единственно возможной его критической оцѣнкой.

Намъ извѣстно пять редакцій житія Проконія¹⁷, но едва ли этимъ числомъ исчерпывается вся совокупность ихъ. Первая изъ нихъ представляетъ простой разсказъ объ избавленіи Устюга отъ огненной тучи, появленіе которой было предсказано блаженнымъ Проконіемъ, съ скудными биографическими замѣчаніями о лицѣ блаженнаго и нѣсколькими его посмертными чудесами. Вотъ ее разсказъ съ небольшими сокращеніями.

«Во градѣ Устюгѣ бысть иѣкій мужъ, юродивый Христа ради, именемъ Проконій, живаше на паперти у церкви Пресвятыя Богородицы. О лицѣ и одеждѣ никакже нечалишеса, отъ приносящихъ ему пош

¹⁶ Житія святыхъ, стр. 277.

¹⁷ Списки житія: 1-я редакція — рукописная четья-миней Соловецкой библиотекы № 635/517, л. 66. Начало: «Во градѣ Устюгѣ бысть иѣкій мужъ, юродивый Христа ради, именемъ Проконій». Чудеса 7. 2-я редакція: рукописный четъ-минейный сборникъ Соловецкой библиотекы № 642/826, л. 476. Начало: «Повѣсть душеполезна, иже Христа ради юродиваго Проконія, устюжскаго чудотворца». Чудеса 18. 3-я редакція на страницахъ Вологодскаго лѣтописца — въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 645—648. 4-я редакція отдѣльная рип. книга Соловец. библи. № 581/220, содержащая въ себѣ житія Проконія и Іоанна Устюжскихъ. Начало предисловія: «Искони убо божественное писаніе глаголетъ о божественныхъ и приснопамятныхъ юродивыхъ мужѣхъ». Начало житія: «Сей убо блаженный и приснопамятный Проконій...». Чудеса 25. 5-я редакція — рукоп. Солов. библи. № 582/221 — содержитъ въ себѣ житіе, только вмѣсто одной лѣтѣ похвалы Проконію, а въ концѣ ее помѣщая статьи о писателяхъ житія.

тоже прииманіе; имаше бо въ себѣ прозорливъ даръ, отъ Бога явленіе. Бысть же на утрѣ въ день недѣльный, егда воздвизаютъ честныя кресты и собирашася вси людѣ, блаженный мужъ возвестити видѣніе, бывшее ему, глаголя: аще не покается грѣховъ своихъ и Господа не умоляете за беззаконіе наше, то аѣ погибнетъ градъ сей. Они же не послушася глаголемыхъ отъ него... Видѣвъ же блаженный онъ мужъ непослушаніе людей тѣхъ рыдалъ и плачае непрестанно о погибелѣ града того... Бысть же въ другую недѣлю отъ полудне тма и мракъ и недоумѣваху людѣ, что се есть. И по семъ явися восходящъ огнь со вся страны и грому убо страну быти, слышавшимъ бо другъ ко другу, что глаголати, яко и земли колебаться непрестанно, огненныя же тучи хоташе соступитися въ мѣсто. И бышу же зною велику отъ огня того и разумѣша людѣ и потребленіе града и свою погибелъ. И собрашася въ церкви вси людѣ, мужи и жены, богати и убои, раба и свободни... и прикрывша лица, и очи воздвигше горѣ, и руцѣ воздвигше на высоту, глаголюще: помилуй насъ, Боже... и въ той часъ бысть тишина велія и грому преставиша и разводящися облаци огненныя на вся страны и поидоша на мѣста пустынная и попалиша дебри на пустынныхъ и каменіемъ побива¹⁸. Бысть же радость велія, во веселишася людѣ и воздаша хвалу Богу... Уставиша же таковой праздникъ праздновати мѣсяца Іюля въ 8 день, на память св. великомученика Проконія».

Къ этой повѣсти присоединяется здѣсь разсказъ о построеніи церкви надъ гробомъ блаженнаго Проконія и семь чудесъ.

Такимъ образомъ, все содержаніе этой редакціи группируется около повѣсти объ огненной тучѣ. Эта повѣсть, встрѣчающаяся иногда въ отдѣльности¹⁹, и послужила, безъ сомнѣнія, основою житія этой редакціи, что легко можно замѣтить при ея чтеніи.

Въ сказаніи о тучѣ не упоминается еще, чтобы Проконій былъ причисленъ къ лику святыхъ или чтобы онъ былъ чтимъ, хотя мѣстно. Въ концѣ сказанія замѣчено только, что граждане города Устюга установили праздновать день своего избавленія отъ огненной тучи 8 Іюля, въ память великомученика Проконія, не упоминая о памяти

¹⁸ Въ распространенныхъ редакціяхъ житія Проконія и Устюжскомъ лѣтописцѣ замѣчается, что мѣсто, на которомъ разразилась эта туча, была Котловская нѣва, въ двадцати поприщахъ отъ Устюга, которая и до сихъ поръ сохранила слѣды бывшаго въ ней разрушенія. См. списки №№ 220 и 221 Соловец. библи. и Устюжскій лѣтописецъ въ Вологод. епарх. вѣд. 1873 г. № 19.

¹⁹ См. наприм. рип. Солов. библи. № 826, л. 476.

Устюжского Прокопія, которая, какъ извѣстно, установлена была въ тотъ же день. Въ такомъ видѣ повѣсть эта перешла и въ первую редакцію житія Прокопія.

Что касается времени происхожденія этой повѣсти, то, вѣроятно, она появилась вскорѣ послѣ преставленія блаженнаго, прежде установленія мѣстнаго его почитанія. Можно даже думать, что она принадлежит перу очевидца, о чемъ, повидимому, свидѣлствуетъ живость разсказа, указывающая на непосредственность пережитыхъ впечатлѣній и нѣкоторыя подробности разсказа, какъ напримѣръ: „во утріе въ день недѣльный“, „въ день недѣльный отъ полудне“ и др.

Вторая редакція въ фактическомъ отношеніи новаго ничего не прибавляетъ къ первой. Она представляетъ изъ себя образецъ неумѣнія писать житіе при желаніи пользоваться искусственными приемами. Эта редакція начинается также повѣстью объ огненной тучѣ, которая здѣсь уже украшается „добрословіемъ“. За этою повѣстію слѣдуетъ „житіе и подвизи Прокопія, юродиваго Христа-ради, Устюжскаго чудотворца“. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь реторическое предисловіе, выписанное изъ житія преподобнаго Сергія Радонежскаго, составленнаго Епифаніемъ Премудрымъ. Вслѣдъ за этимъ повторяется разсказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженнаго, потомъ слѣдуетъ 18 чудесъ и похвальное слово блаженному.

На время происхожденія обѣихъ редакцій указываетъ не очень ясный намекъ объ устройствѣ церкви надъ мощами Прокопія. По свидѣтельству позднѣйшихъ редакцій устройство церкви совершилось около 1471 года. Впрочемъ, въ этихъ редакціяхъ дѣлается такая замѣтка: „и прежде сей церкви основана бысть церковь окрестъ камени того, на немъ же бѣ блаженный Прокопій при животѣ своемъ сидѣлъ и пророчествовалъ“²⁰. Объ устройствѣ какой церкви повѣствуютъ первыя двѣ редакціи—рѣшить трудно.

Болѣе интересной въ фактическомъ отношеніи является третья редакція, которой, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть въ подлинномъ видѣ, а потому пришлось воспользоваться ея сокращеніемъ на страницахъ Устюжскаго лѣтописца²¹. Фактъ ея существованія имѣетъ за себя болѣе или менѣе ясныя основанія. Простой и правдивый разсказъ ея, вошедшій цѣликомъ въ послѣдующія редакціи, никакъ не мирится съ исключительно легендарнымъ характеромъ этихъ позднѣйшихъ передѣлокъ и необходимо заставляетъ выдѣлять себя изъ этихъ

²⁰ См. наприм. рукоп. Солов. библи. № 221, л. 73.

²¹ Вологодскія епархіальныя вѣдомости 1873 г. № 19, стр. 645—648.

послѣднихъ. Пользуясь, съ одной стороны, указаніемъ Устюжскаго лѣтописца, а съ другой—содержаніемъ позднѣйшихъ редакцій, включившихъ въ себя содержаніе третьей редакціи, вѣроятно, безъ существенныхъ измѣненій, мы попытаемся по возможности возстановить подлинный текстъ ея.

Разсказъ начинается обычнымъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ, между прочимъ, указываетъ на свои источники: „ина убо слышахъ отъ чловѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашими“. Далѣе, въ отдѣлѣ: „о началѣ житія Прокопія“ писатель сообщаетъ весьма интересные свѣдѣнія о жизни его до прихода въ Великій Устюгъ. Блаженный Прокопій, „якоже о немъ повѣдаютъ вѣщми отъ чловѣкъ“, пришелъ въ В. Устюгъ изъ „пресловущаго“ Новгорода. По своему происхожденію онъ былъ „отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли“. Родителей его и юзикъ его и вѣры никтоже вѣсть, токмо единому Богу свѣдушу сія“. Пришедши въ возрастъ, онъ сталъ заниматься профессіей своею отца—торговлей. Въ одинъ разъ, нагрузивъ свой корабль, онъ приплылъ „въ пресловущій Новъ-градъ, съ прочею своею дружиною—съ латинниками“. Здѣсь онъ плѣнился „премногимъ церковнымъ украшеніемъ и пѣніемъ и звонъ велими“ и рѣшился принять православіе. „Посемъ отъиде отъ дружины своея, утаився и сохранився отъ ихъ, таже начатъ ходити по граду и монастыремъ и искати учителя мудра“. Странствуя такимъ образомъ, онъ отправился въ Хутынской монастырь: „тогда въ немъ игуменство имѣлъ преподобный отецъ нашъ Варлаамъ“²², который и сдѣлался его учителемъ. Наставленный въ истинахъ новой вѣры, Прокопій отъ руки Варлаама „пріялъ св. крещеніе (?), оставивъ идолу влекущее эллинское мудрованіе“. Потомъ, раздавъ свое имѣніе нищимъ и удѣливъ часть его на монастырь преподобнаго Варлаама, Прокопій избралъ для себя подвигъ юродства Христа ради. „Пребысть въ Новѣ-градѣ не мало времени“, онъ отправился „въ пустынное шествіе къ восточнымъ странамъ“. Проходя „многіе грады, и страны, и лѣсы, и дразги,

²² Это извѣстіе опровергаетъ хронологію всѣхъ редакцій житія Прокопія. Варлаамъ Хутынской, по свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, преставился въ 1192 году, а Прокопій Устюжскій, по одному сказанію—въ 1285 (Устюжскій лѣтописецъ въ приложеніи къ описанію Устюжскаго Махило-Архангельскаго монастыря П. Саввантова, стр. 40. Архіепископъ Филаретъ, Русскіе святые 8 июля и др.), по другому сказанію—въ 1303 году (рпк. житіе Прокопія въ распространенныхъ редакціяхъ, Устюжскій лѣтописецъ въ Исторіи Карамзина, т. IV, примѣч. 206, и въ изданіи г. Суворова).

и блата мокрѣя", блаженный терпѣлъ всюду „многу досаду, укореніе и біеніе и пханіе отъ безумныхъ чловѣкъ: снѣтый же, яко юродъ, вмѣнялся, яко безумецъ". Путешествуя такимъ образомъ, онъ пришелъ въ Устюгъ. Здѣсь онъ нашелъ себѣ убогій пріютъ „въ верхнемъ концѣ, во храминѣ ветхой". Блаженный любилъ этотъ городъ и навсегда избралъ его мѣстомъ своего жительства. День онъ страдалъ отъ людскихъ золь, а ночью обходилъ церкви и молился. Когда блаженный хотѣлъ „покой обрѣсти отъ многого труда своего и тогда на улицахъ, на гноищи или на сметыи пометаше себе единымъ токмо пагымъ тѣломъ лежаше на зимній морозъ и снѣгъ". Мѣстомъ его жительства была наперть Успенскаго собора. Дома гражданъ онъ не посѣщалъ ни лѣтомъ, ни зимой; обѣ одеждѣ и пищѣ не печалился: „принимаше себе малу пищу отъ богобоязливыхъ чловѣкъ, приходившихъ къ нему, отъ богатыхъ же ничтоже принимаше". Таково описаніе подвиговъ блаженного.

Далѣе передается, разсказъ объ избавленіи Устюга отъ каменной тучи. Приводить его здѣсь было бы повтореніемъ. Затѣмъ, съ вѣроятностію, этой редакціи можно приписать пророчество блаженного трехъ-лѣтней Маріи, матери св. Стефана Пермскаго. По крайней мѣрѣ источникъ этого разсказа совершенно согласенъ съ предисловіемъ: „еже, братіе, слышахомъ отъ древнихъ овѣхъ мужей"... Однажды, прииди къ соборной церкви Успенія Богородицы, обычному мѣсту своего обитанія, блаженный Прокопій встрѣтилъ у соборнаго храма молящуюся дочь одного посадскаго чловѣка, именемъ Марію. Блаженный началъ юродствовать „и, чрезъ обычай свой, сотвори той дочери поклоненіе земное", а потомъ во всеуслышаніе нарекъ ее матерью св. Стефана Пермскаго, къ всеобщему изумленію присутствовавшаго народа, ибо „въ то время еще въ Пермстѣмъ азыцѣ не было ни единого чловѣка, вѣрующаго во Христа, но вси убо помрачени бяху прелестію сатанинскою, поклоняющаеся болваномъ, жруще бѣсомъ и идоломъ".

Блаженный каждый день ходилъ по городу въ роздраномъ рубищѣ, имѣя у себя въ рукахъ три кочерги... „и внигда убо кочерги святаго биваху простерты главами впрямь, того лѣта бываеъ изобиліе веліе хлѣбу и всякимъ инымъ плодамъ, а егда кочерги бывають простерты главами вверхъ, тогда хлѣбная скудость являеъся".

Блаженный любилъ часто сидѣть на берегу рѣки Сухоны и смотрѣть на пловцовъ. Онъ просилъ и тѣло его по смерти положить подъ тѣмъ камнемъ, на которомъ онъ сидѣлъ здѣсь. Желаніе его было исполнено и могила его подъ любимымъ камнемъ.

Таково содержаніе этой редакціи, насколько можно судить по Устюжскому лѣтописцу. Въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ житіе начинается подвергаться сильной порчѣ. Скучное по содержанію и „не украшенное добрословіемъ" житіе болѣе раннихъ редакцій показалося неудовлетворительнымъ послѣдующему граматею. Онъ издумалъ пополнить недостающее и для вѣщей характеристики личности блаженного, по обычаю своего времени, сталъ исать красокъ въ житіяхъ другихъ подвижниковъ. Но такихъ красокъ не нашлось въ житіяхъ русскихъ подвижниковъ, ибо подвигъ юродства былъ еще такъ новъ на Руси, и агіобіографической литературы по этой отрасли подвижничества не существовало. Поэтому, за такими красками пришлось обращаться къ болѣе древнимъ образцамъ греческой литературы. Вниманіе граматея на этотъ разъ остановилось на житіи блаженного Андрея юродиваго Цареградскаго, которое, безспорно, можетъ считаться классическимъ созданіемъ въ области легендарной литературы. Изъ этого житія русскій авторъ позаимствовалъ цѣлый отдѣлъ, который показался ему очень подходящимъ для характеристики сѣвернаго подвижника, подъ заглавіемъ „о зимѣ и бѣдѣ", передѣлавъ заглавіе его такимъ образомъ: „о велицѣмъ зимѣмъ мразѣ и о терпѣніи блаженного Прокопія"²³. Но при этомъ авторъ какъ-бы вовсе не позаботился о литературной обработкѣ своей редакціи: заимствованный отдѣлъ онъ совершенно механически вставляетъ въ житіе Прокопія, не замѣчая того, что допускаетъ явныя хронологическія противорѣчія. Такъ, онъ не обратилъ вниманія даже на то, что свой отдѣлъ съ разсказомъ о посѣщеніи Симеона, отца святаго Пермскаго, помѣстилъ ранѣе предсказанія блаженного трехъ-лѣтней Маріи, матери преподобнаго Стефана. Особенно сильной порчѣ подверглись сказанія о чудесахъ блаженного Прокопія. Принадлежащее этому автору чудо о бѣсноватой Соломоніи является безиримѣрнымъ въ исторіи русской агіобіографіи, какъ по своему объему (100 листовъ), такъ и по своему легендарному содержанію. Безъ опасенія впасть въ ошибку, перу этого автора можно приписать и еще цѣлый рядъ чудесъ, начиная съ 20 и до конца (М. № 220 и 221 Соловец. б.). Общая характеристическая черта произведеній этого автора необычайная хронологическая точность и аккуратная ссылка на источники, подлинность ко-

²³ Ср. житіе Прокопія въ распространенныхъ редакціяхъ съ житіемъ Андрея Юродиваго, въ Макарьевскихъ Четыхъ-Минеяхъ, октябрь. (Изданіе Археологической комиссіи).

торых, повидимому, выше всякаго сомнѣнія. Глава 20 величѣмъ зимнемъ мразѣ" повѣствуетъ, что описанное въ ней совершилось въ 8-е лѣто по пришествіи въ Устюгъ блаженнаго. Въ заключеніе этого сказанія авторъ пишетъ: „рабъ Божій Симеонъ (которому блаженный открылъ тайну своихъ страданій, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не разглашать ее до смерти своей) скры тайныя его глаголы, яже бесѣдова съ нимъ и никому же повѣда о житіи св. Прокопія, донележе онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго все написа поразу, еже видѣ и слыша отъ святаго“. Такимъ образомъ, достоверность сказанія скрѣплена, повидимому, авторитетомъ отца великаго просвѣтителя Перми. Но обращаясь къ аналогичному эпизоду изъ житія Андрея Цареградскаго, читаемъ въ немъ тоже самое: „брате мой, (обращается Андрей къ другу своему и почитателю, которому также открылъ тайну своихъ страданій во время мороза) изженеть меня любви твоя и великая твоя милость пудитъ мя исповѣдати тебѣ (о страданіи моемъ); заклинаю тя Богомъ, дондеже есмь въ животѣ семъ, еже ти хочу повѣдати, не мози сего никому же повѣдати. Азъ же клялся ему ротою страшною, яко могу сохрании святыя твоя заповѣди“²⁴... Такая же точность замѣчается и въ чудесахъ этой редакціи. Каждому чуду предпосылается указаніе года, мѣсяца и дня его совершенія, а въ концѣ аккуратно указывается источникъ, изъ котораго заимствованъ рассказъ его (исцѣленный повѣдалъ освѣщенному собору, пришелъ въ монастырь и рассказалъ братіи и т. п.). Особенною же хронологическою точностію отличается рассказъ объ исцѣленіи бѣсноватой Соломови, а подлинность его запечатлѣна свидѣтельствомъ нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ: „азъ грѣшныи попъ Яковъ слышахъ у жены Соломоніи изъ самыхъ устъ ея при свидѣтеляхъ — духовнаго отца ея соборнаго священника Никиты и ея родившаго отца іерея Димитрія и записалъ повѣсть душеполезну и умиленія достойну“.

Рядъ странностей распространенной редакціи житія (№ 221 Солов. биб.) заканчивается статьею о писателѣ, которая до невозможности увеличиваетъ общую путаницу житія. Въ предисловіи, занесенномъ сюда изъ болѣе раннихъ редакцій, мы читаемъ объ источникахъ житія: „ина убо слышахъ отъ чловѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашими“, а въ послѣсловіи говорится, что житіе составлено на основаніи рассказовъ „самовидцевъ и памятуховъ“ (л. 207).

²⁴ Микарьевская Четъя-Миней, октябрь, столбецъ 97. (Изданіе Археологической комиссіи).

Кромѣ того, это послѣсловіе явно противорѣчитъ и самому себѣ. По его словамъ блаженный Прокопій жилъ то „въ послѣднія времена, во дни наша“, то „уже много лѣтъ преминуло послѣ его кончины“, то, наконецъ, житіе написано „по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ по преставленіи святаго“. Сдѣлавъ такіа противорѣчивыя замѣчанія, авторъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ повторять переданный уже въ житіи рассказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженнаго и написаніи образа его. Послѣдняя странность бросаетъ нѣсколько свѣта на происхожденіе послѣсловія. Тщательный разборъ житія приводитъ къ тому выводу, что оно составлено по частямъ, въ различное время и различными лицами. Кромѣ приведенныхъ уже доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, можно представить и то, что въ распространенныя редакціи вошли цѣликомъ рассказы изъ посмертной исторіи блаженнаго, объ устройствѣ часовни надъ его мощами, вскорѣ разметанной Устюжскими соборами, не вѣрившими въ неканонизованнаго еще Прокопія и рассказъ объ устройствѣ церкви надъ его гробомъ, заимствованные изъ Устюжскаго лѣтописца, о чемъ свидѣтельствуетъ точно обозначенное число и годъ, предвѣщающіе рассказъ (обычай лѣтописный). Подобнымъ же образомъ поступилъ, вѣроятно, и послѣдующій дополнитель житія. Имѣя предъ собою различныя редакціи житія, въ одной, болѣе ранней изъ нихъ (второй, по нашему обозначенію) онъ нашелъ предисловіе, не вошедшее въ составъ послѣдующихъ редакцій. И вотъ это предисловіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ помѣстилъ въ своемъ послѣсловіи. Покрайней мѣрѣ такая комбинація предисловія съ рассказомъ о построеніи церкви встрѣчается только во второй редакціи²⁵.

ГЛАВА II.

Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авижежскіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій.

Слѣдя за исторіей колонизаціи Вологодскаго края Новгородскими и Ростовскими повольниками, нельзя не замѣтить, что эта колонизація совершалась по мѣстамъ болѣе удобнымъ для поселенія, главнымъ

²⁵ Въ самыхъ распространенныхъ редакціяхъ, кромѣ этого, содержатся похвальное слово Прокопію дукса Симеона Шаховскаго, похвальное слово Варлааму Хутыискому, чудо отъ иконы Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Одиотрія, совершившееся у Соли Вычегодскія. См. Каталогъ рукописей Ундольскаго, № 362, стр. 249.

образомъ, по берегамъ большихъ рѣкъ. Такъ, Вологда расположена по берегамъ соименной рѣки, древній Гледенъ — на берегу рѣки Юга, Устюгъ — на берегу Сѣверной Двины и проч. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, Новгородскія и Ростовскія колоніи являются лишь слабыми начатками колонизаціи Вологодской страны; естественныя лѣса и безлюдныя пустыни по прежнему оставались незаселенными. Колонизація такихъ мѣстъ совершалась благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, положившихъ здѣсь основаніе многочисленнымъ монастырскимъ колоніямъ.

Къ сожалѣнію, исторія жизни и этихъ подвижниковъ также очень темна и отрывочна, въ особенности же это должно сказать о первыхъ изъ нихъ. Ранѣе другихъ странъ колонизована была Авнежская область, первыми подвижниками которой были св. Стефанъ Махрищскій и два ученика его — Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Печальная участь постигшая Авнежскую обитель, была причиною забвенія памяти Авнежскихъ подвижниковъ. Въ массѣ древнихъ рукописей мы встрѣчаемъ лишь сказаніе объ обрѣтеніи ихъ мощей и посмертныхъ чудесахъ, мы не находимъ житія ихъ. Кой-какія свѣдѣнія объ ихъ жизни можно почерпнуть изъ житія ихъ общаго учителя преподобнаго Стефана Махрищскаго, написаннаго Даниловскимъ игуменомъ Іоасафомъ, перу котораго принадлежитъ и сказаніе о явленіи мощей Авнежскихъ подвижниковъ. „Мнѣ же смиренному иноку“, пишетъ Іоасафъ въ предисловіи къ житію св. Стефана, „прежде написавшу о явленіи мощей и о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана, иже на Авнезѣ, прілучился написать и еще о житіи св. Стефана“¹. По собственнымъ словамъ автора, для составленія житія Махрищскаго подвижника онъ путешествовалъ въ Махрищскій монастырь и вопрошалъ о святомъ Махрищскаго игумена Варлаама, который, между прочимъ, по порученію митрополита Макарія, свидѣтельствовалъ мощи Авнежскихъ подвижниковъ. На его вопросъ принесли ему „отъ монастырскія кельи“ свитца, на хартіяхъ написаны бяху премнога времени отъ нѣкоего старца, саномъ пресвитера тоя обители, именемъ Серапіона, прадѣда бывша тому Варлааму, иже бысть самовидецъ преподобнымъ Сергію (Радонежскому) и Стефану и много еже о добродѣтеляхъ исправленіи ихъ своимъ очима видѣ той Серапіонъ, ина же отъ юности творимаа добродѣтели святыхъ Стефана и ученикъ его“ (л. 358). Разсказъ Іоасафа простой, внушающій довѣріе, а въ сказаніи

чудесахъ Авнежскихъ подвижниковъ обилеи и интересными подробностями.

Преподобный Стефанъ, по сказанію біографіи Іоасафа, былъ постриженникомъ Кіево-Печерской лавры; удалился изъ Кіевскихъ предѣловъ, когда послѣдніе подпали власти „богомерскихъ латинянъ“. Придя въ Москву онъ испросилъ себѣ позволеніе у великаго князя на созданіе обители въ Московскихъ предѣлахъ и, поселившись на Махрищѣ, основалъ здѣсь Троицкій общежительный монастырь. Въ разстояніи одного поприща отъ основанной имъ обители жилъ христілюбивый мужъ, именемъ Григорій. О немъ говорили, что онъ „отъ юности имѣлъ тѣлесную чистоту и незлобіе“. Узнавъ, что вблизи его поселился подвижникъ, основавшій обитель, онъ сталъ часто навѣщать его. Наконецъ, иноческая жизнь такъ привлекла къ себѣ его вниманіе, что онъ, отдавъ Стефану „селитву свою съ насѣянными нивами, молитъ его, еже сотворити инока“ (л. 308). Желаніе его было исполнено: онъ былъ постриженъ и подъ руководствомъ св. Стефана началъ свои иноческія подвиги. Замѣтивъ добродѣтельную жизнь его, выдѣлявшую его изъ ряда другихъ инокъ, св. Стефанъ вознамѣрился отличить своего любимаго ученика и послать его „къ архіерею, божественному Алексію (Суздальскому), да сотворитъ его пресвитера“.

Но вотъ на св. Стефана воздвигается гоненіе со стороны сосѣдей его обители, братьевъ Алексія, Θεодора, Ивана и Петра Юрковскихъ. Стефанъ за добродѣтельную жизнь былъ уважаемъ отъ людей и отъ самаго великаго князя Димитрія „и (тѣмъ) мняху себе, яко имать владѣти селомъ и нивами“. Кроткія увѣщанія св. Стефана еще болѣе ожесточили враговъ его, такъ что они „устремляются на святого, дышуще убійствомъ“ (л. 369). Тогда Стефанъ рѣшился оставить основанную имъ обитель и, поставивъ вмѣсто себя начальникомъ ея старѣйшаго священника Ілію, самъ, вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ Григоріемъ, пошелъ въ болота и дебри Вологодскія и поселился „во внутренней пустыни, близъ Сухоны, при потоцѣ Юрьевѣ“. Здѣсь подвижники поставили церковь во имя св. Троицы; спустя немного, создали и другую церковь во имя великомученика и побѣдоносца Георгія. Потомъ устроили трапезу и келіи для братіи, которая мало по малу стала стекаться къ нимъ. Близъ пустоши той жилъ нѣкій человекъ, „именемъ Костянкинъ, сынъ Дмитріевъ, рода честна и богата“. „Сей принесе Стефану имѣнія не мало на строеніе монастыря и братіи милостину довольну подаде и моли преподобнаго облещи его во иноческую“. Преподобный исполнилъ его просьбу и при по-

¹ Ркн. сборникъ Соловецкой бібліотеки, № 586 (79 Анзер. скит.), л. 358.

стриженіи нарекъ его Кассіаномъ. Священно-инокъ Григорій сдѣлался его руководителемъ во иноческомъ житіи. Такъ стали подвизаться вмѣстѣ три инока. Послѣ молитвы и богослуженія обычнымъ ихъ занятіемъ было, ходить по окрестностямъ, рубить и жечь лѣсъ и насѣвать ниву. Этими свѣдѣніями и заканчивается повѣсть о житіи Григорія и Кассіана въ біографіи св. Стефана. Далѣе писатель сообщаетъ, что великій князь Димитрій Іоанновичъ, узнавъ о новомъ мѣстѣ жительства преподобнаго Стефана, послалъ ему „милостину довольну и книги своя“, а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ ему придти въ Москву. Повинуясь волѣ самодержца, Стефанъ созвалъ къ себѣ братію, простился съ нею, вручивъ паству преподобному Григорію, а келарною службу блаженному Кассіану, навсегда покинулъ Авнежскую обитель.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Авнежской обители и ея подвижникахъ заключаются въ сказаніи объ обрѣтеніи ихъ мощей и восстановленіи разрушенной Авнежской обители. Последнее событіе совершилось около 1560 года повелѣніемъ Московскаго митрополита Макарія. По его порученію Махрищскій игуменъ Варлаамъ свидѣтельствовалъ мощи преподобныхъ и собиралъ свѣдѣнія о чудесахъ ихъ. Соборъ, на основаніи донесенія Варлаама, установилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ Даниловскому игумену Іоасафу написать сказаніе о нихъ².

² Списки: ркп. бібліотеки бывшаго Авнежскаго монастыря (теперь приходская церковь); ркп. сборникъ бібліотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 307—336; ркп. сборникъ Соловецкой библ. № 586 (79 Анзер. скит.), л. 396. Начало: „Коль благъ Богъ Израилевъ“. Въ списки одинаковы, только въ Соловецкомъ сборникѣ всѣ чудеса, соединенныя съ исторіею открытія мощей, помѣщены въ началѣ, тогда какъ послѣ предисловія, а въ другихъ онѣ помѣщены въ ряду прочихъ чудесъ (1, 4, 5, 23, 27, 30 и др.). Въ этомъ же сборникѣ недостаетъ послѣднихъ чудесъ, начиная съ 20. Заглавіе сказанія: „Слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана на Авнезѣ и воспоминаніе о чудесахъ ихъ. Списано смиреннымъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Даниловскимъ“. По поводу этого заглавія П. Саввантовъ хотѣлъ поправить архіепископа Филарета, который въ своемъ „Обзорѣ русской духовной литературы“ пишетъ: „Іоасафъ, игуменъ, а съ 1560 года епископъ Вологодскій, въ 1551 году сочинилъ житіе Григорія и Кассіана Авнежскихъ“. Въ мовой бібліотекѣ, возражаетъ Саввантовъ, есть... слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, уже на Авнезѣ, и воспоминаніе о чудесахъ ихъ. Списано быстъ смиреннымъ отцемъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря. Изъ этихъ словъ... видно, что Іоасафъ писалъ не житіе, а

Въ предисловіи къ этому сказанію Іоасафъ замѣчаетъ, что цѣль его труда — спасти чудеса преподобныхъ отъ того окончательнаго забвенія, которое постигло ихъ жизнь: „да небезпамятна будутъ явленія святыхъ и чудеса, якоже случися быти и о возрастѣ, и отверженіи отъ міра, ради многихъ лѣтъ, обносимыхъ безъ написанія, ради грѣхъ нашихъ и частыхъ находеній безбожныхъ и поганыхъ агарянъ, живущихъ въ Казанѣ, и Вятчанъ, блху бо Вятчана тогда не повинующися скипетромъ Россійскимъ... многія крови христіанскія проліяша церкви святыхъ сожигашу и монастыри разоряху... никому же ихъ таковое дерзновеніе возбравяюще или пресѣдающе, даже и до самаго града Вологды, близъ же достизаху оная веси, глаголемыя Авнеги, идѣже монастырь преподобныхъ... Церковь святаго великомученика Георгія безбожнии онія татарове сожгоша и мѣсто оное конечному заустѣвию предаша и во много время никтоже ту смѣяше жити... и на ономъ мѣстѣ заустѣвнѣ растяше лѣсъ величайшій“.

Такова исторія Авнежскихъ подвижниковъ по сказанію житія Іоасафа. Но есть другая редакція этого сказанія, нѣсколько расходящаяся съ сказаніемъ Іоасафа³. Эта редакція, по словамъ неизвѣстнаго автора ея, составлена на основаніи мѣстныхъ сказаній объ Авнежскихъ чудотворцахъ и является весьма интересною, сколько для исторіи сѣверно-русскаго подвижничества, столько и для обрисовки нравовъ обитателей древне-русскаго сѣвера. Вотъ ея содержаніе.

Сказаніе о явленіи мощей и чудесахъ Григорія и Кассіана. Житія ихъ еще и до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалось. См. въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, т. VI, стр. 95, ст. Саввантова „Нѣсколько примѣчаній къ „Обзору русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета“. Вторую поправку въ изслѣдованіи преосв. Филарета дѣлаетъ проф. В. О. Ключевскій: „утверждаютъ, что этотъ біографъ (Іоасафъ) съ 1560 г. сталъ Пермскимъ (вѣрнѣе Вологодскимъ и Великопермскимъ) епископомъ. Но ни въ одномъ трудѣ онъ не дѣлаетъ намека на свой епископскій санъ, напротивъ, въ сказаніи объ Авнежскихъ чудотворцахъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, называя себя смиреннымъ іеромонахомъ, онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а о Пермскомъ епископѣ, пріѣзжавшемъ въ 1560 г. въ Авнежскій монастырь, выражается въ третьемъ и рассказываетъ, что два чуда изложены на основаніи донесенія этого епископа. Наконецъ, есть грамота 1566 г., подъ которой, вмѣстѣ съ епископомъ Іоасафомъ, подписанъ „чернецъ Іоасафъ, игуменъ Даниловскій“. На основаніи сказаннаго этотъ изслѣдователь замѣчаетъ, что сказаніе о Григоріи и Кассіанѣ могло появиться не ранѣе 1560 г., а не въ 1551 г., какъ думаетъ архіепископъ Филаретъ. Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 278—279.

³ Эта редакція находится на первыхъ и послѣднихъ листахъ Авнежскаго епископа. Рукопись сильно обветшала и разбирается съ большимъ трудомъ.

Въ началѣ своей повѣсти авторъ замѣчаетъ, что онъ намѣренъ дать болѣе достовѣрныя, чѣмъ въ сказаніи Іоасафа, свѣдѣнія „о жизни преподобнаго Стефана Махрицкаго и учениковъ его священномучениковъ Григорія и Кассіана“, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ „отъ здѣшнихъ жителей“. Св. Стефанъ, родомъ „Кіевленинъ, постриженникъ Свято-Богоявленскаго монастыря, по Божію изволенію и наставленію, привде гдѣ нынѣ монастырь Махрицкой стоитъ и село преподобнаго отца нашего Григорія“, доставшееся по наслѣдію отъ родственниковъ его. Преподобный Григорій еще „молодымъ отрокомъ“ остался по смерти своихъ родителей. Его св. Стефанъ „восприемлетъ себя въ сына, и именуєтъ во св. крещеніи Гавріила, и научаетъ его книгамъ и страху Божію... и постригаетъ осминадцатилѣтня, преименовавъ его Григоріємъ. Не по мнозѣхъ дѣлѣхъ“, Стефанъ, изгнанный изъ Махрицы завистію злыхъ людей, оставляетъ Махрицу и вмѣстѣ съ Григоріємъ идетъ въ Авнену, поставивъ вмѣсто себя Махрицкимъ игуменомъ священника Ілію. Путники остановились близъ рѣки Сухоны, при потокѣ Юрьевѣ. „Здѣсь первѣе всего (они) приносятъ жертву Богу на камени (и нынѣ камень тотъ нерушимъ стоитъ, а сосудъ деревянный на Шуѣ цѣль лежитъ)“. Повторяя, строяху десятилѣтню церкву Живоначальныя Троицы, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и великомученика Георгія. Потомъ еще къ нимъ тугошній житель приходитъ, простолюдинъ, именемъ Костянтинъ и дается въ послушаніе, и скоро поемлетъ книжное ученіе, и двадцати трехъ лѣтъ приѣмлетъ постриженіе и преименованіе Кассіаномъ. И пожи богоугодно вси куино тридцать пять лѣтъ“, продолжая созидать „лазавское строеніе всякими монастырскими потребностями, лѣсъ сѣкуше, и нивы и поля насаждающе“. Далѣе, сказавъ вкратцѣ о возвращеніи преподобнаго Стефана, по волѣ великаго князя, въ Махрицкій монастырь, авторъ замѣчаетъ: „а болѣе о немъ (св. Стефанѣ) увѣдомиться не по чему, того ради, что здѣшніе жители не любопытствуютъ и въ нему не обыкоша“. „И о преставленіи и о погребеніи за дальностію не свѣдомо, токмо по свѣдѣтельству обрѣтенія мощей преподобнаго Стефана на Махрицѣ, падъ гробомъ преподобнаго пречудно израстоша три древа березы и случившееся по многимъ явленіямъ. Съ прочими достойнѣйшими богоугодными (людьми) прилучися преподобный Арсеній Комельскій самовидецъ быти нетлѣнныхъ мощей сподобиса и въ житіи своемъ пространно и ясно увѣдомилъ“⁴. „А по

⁴ Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго мы читаемъ слѣдующую записку: „преподобный отецъ нашъ игуменъ Арсеній отхождаше, Махрицкой

отшествіи отсюда преподобнаго Стефана, священномученики Григорій и Кассіанъ общее житіе имяху, другъ друга послушаніемъ и любовію почитаху, милостину нищимъ и сиротамъ и пришельцемъ милосердіе являху. Но благочестіемъ и ученіемъ здѣшняя страна не просвѣщена, а злобою, и завистію, и прелестію помрачена: по попущенію Божію, коварный супостатъ діаволъ, всѣхъ душъ человѣческихъ губитель, тогда самовластно живущимъ, малознающимъ, не боящимся Бога, вложи злую мысль чтобы ихъ (преподобныхъ) имѣнія разграбить и тѣлеса убить и огнемъ сожечь. Омрачашася піанствомъ, и несмытствомъ, и завистію и вскорѣ тѣмъ убіеніе священномученикамъ Григорію съ Кассіаномъ учиниша и огню предаша. И нигдѣ огонь чистительный (?) тѣлъ ихъ не явилъ, но по пятидесяти лѣтѣхъ и болѣе на томъ мѣстѣ многія чудеса являхуся. А по убіеніи ихъ въ томъ монастырѣ вселишася татіе, и разбойники, и душегубцы, яко тѣ угодники показующе исперва подъ видомъ лицемѣрства лукавое монашеское житіе, а всѣмъ злымъ дѣламъ совершителя: Васька Тяжоловъ — Канитъ, конеловъ Ванька, Чурчинъ баболдовъ и многія злыя дѣла и пакости дѣяху, грабаху насильно, убиваху и бабъ уводяху любодѣйствовати. И по многомъ томъ любодѣйствѣ и убійствѣ собравшася тутошнихъ жителей многолюдство, чтобы ихъ за то злое дѣло убить, и они познаша сіе, и все монастырское строеніе зажгоша, и сами бѣжаша, и гнашася до мѣста многонароднымъ собраніемъ, гдѣ имъ прежде пристанище — до сельца Росцина. Изъ того сельца видятъ множество варода спомоществуютъ тѣхъ убійцъ ко убіенію и потребиса память тѣхъ злоторцевъ съ шумомъ“. Въ дальнѣйшемъ содержаніи разсказъ представляетъ рядъ благочестивыхъ разсужденій автора, фактическаго ничего не дающихъ.

Таково содержаніе второй редакціи. Являясь по своему содержанію нѣсколько подробнѣе повѣсти Іосифа, она очень не во многомъ разнится отъ нея, указывая иное мѣсто постриженія Стефана (Свято-

монастырь посѣщаше, игумена и братію. Того Махрицкаго монастыря игуменъ Іона возиѣщаетъ ему видѣніе, еже видѣ надъ гробомъ св. Стефана: подъ деревомъ яко огонь горящъ и окрестъ того мѣста, яко лучъ солнечный сіяя на долгъ часъ. Святый же отецъ Арсеній.. разумѣваетъ быти не простой вещи... и повелѣ поставити гробницу надъ гробомъ св. Стефана и гробъ его покровомъ покрыти и свѣщу велику поставити. Самъ же преподобный соверши божественную службу соборѣ, игумена и братіи велми учредивъ и уставъ вселѣтнюю память св. Стефану“. Рукописное житіе преподобнаго Арсенія Комельскаго въ библиотекѣ Арсеніево-Комельскаго монастыря, л. 30.

Богоявленскій монастырь, вмѣсто Кіево-Печерской Лавры) и иных разорителей Авнежской обители и убійцъ ея основателей. И едва-ли эта редакція является не болѣе вѣроятною сказанія Іоасафа. Не нужно забывать, что послѣдній былъ современникомъ покорителя Казанскаго царства. Въ его трудѣ не мало отводится мѣста панегиризму въ честь Грознаго, по поводу этого событія. Вслѣдствіе этого, для него весьма естественно было, по аналогіи съ другими многочисленными случаями, заключить, что причина разоренія Авнежскаго монастыря—нашествіе татаръ, а чрезъ это дать себѣ лишній поводъ къ восхваленію „во царѣхъ достохвальнаго“⁴. Во всякомъ случаѣ мы видѣли уже, что отчасти сказаніе второй редакціи подтверждается свидѣтельствомъ другихъ источниковъ. Это-же мы увидимъ и нѣсколько ниже. Въ заключеніе сказанія объ Авнежскихъ подвижникахъ, мы приведемъ нѣсколько чудесъ изъ редакціи Іоасафа, именно тѣ изъ нихъ, которыя соединяются съ исторіей обрѣтенія ихъ мощей. Эти чудеса являются интересными столько же для историка церковнаго, сколько и гражданскаго. „Въ повѣсти о чудесахъ, предшествовавшихъ открытію мощей и возстановленію Авнежскаго монастыря, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи проф. Ключевскій, писатель сообщаетъ подробности, дѣлающія ее памятникомъ первостепенной важности для исторіи заселенія сѣверо-восточной русской окрестности“⁵.

Съ первымъ чудомъ соединяется разсказъ объ обрѣтеніи мощей. „Бысть-же въ лѣто 724 (1524) въ веси оной Авнезѣ человекъ нѣкій, именемъ Гавріилъ, посѣче лѣсъ, яко ту селитву сотворити хотѣше. Егда-же сему бывшу лѣсу посѣчену и иссохшу, тако хвастіе оно огнемъ запаливъ: всему-же хвастію окрестъ оного мѣста, идѣже святіи лежаху, сгорѣвъше, а идѣже древле бысть церковь и мощи святыхъ, ту хвастіе отъ огня не опалимо пребываше. Той же Гавріилъ собра множество хвастія и сотвори громаду велию и запалише громаду многачи, паче она угасаше; и приспѣвши нощи, отходитъ той Гавріилъ на ложе свое овочивати. Во утрій же день пришедъ и видя громаду разметану, удивися, не разуме, яже что хочетъ быти: по тако отребивъ оставшася хвастія, и разомъ разоравъ, и нивы насѣаше, и хранины себѣ постави близъ мѣста онаго. Не по мнзѣ же времени паки иидѣ отходитъ жити, во свое мѣсто оставляетъ нѣкоего человека, именемъ Θεодора. И тому живушу на ономъ мѣстѣ нѣколько время, абіе видѣ по вся нощи вечеръ и утро и сѣвцу горящу, идѣже мощи святыхъ лежаху. И удивляшеся сему Θεодоръ,

⁴ Стр. 279—280.

мняше бо привидѣніе и мечтаніе хочетъ быти или сокровищу нѣко-ему ту положену быти отъ древнихъ невѣрныхъ человекъ... Утаися нощію, шедше, окопавше землю на ономъ мѣстѣ, идѣже свѣща являхуся, и обретѣ ту два гроба и убояся зѣло, и паки покры ихъ землею и иде въ домъ свой, возлеже на одрѣ да почіетъ отъ труда. Спящу же ему, явился ему мужъ среднимъ возрастомъ, русъ власи, широку имѣя браду, священническія бѣлы ризы носяи, глагола ему: Θεодоре, иди въ настоящій день въ ближнюю весь, къ церкви Живоначальныя Троицы, ко игумену Мисаилу и приставнику великаго князя Симеона Іоанну, пореклому Рылу, и во вторую недѣлю иди къ церкви Николая Чудотворца, къ іерею Іерофею и приставнику благовѣрнаго князя Петра, Іоанну же именемъ, въ третію же недѣлю иди къ церкви св. пророка Ілія, такъ же священнику Никитѣ и всѣмъ людямъ оныхъ церквей и рцы имъ, да поставятъ церковь св. великомученика Георгія, иже бѣ прежде. Θεодору же вопросишу о имени его, повѣда ему имя Григорія, по сихъ же Θεодоръ, якоже речеся, шедъ, возвѣсти игумену и священникомъ и всѣмъ людямъ, они же не яша ему вѣры; преждепомянутіи же князи, господіе веси оной, князь Симеонъ и князь Петръ, въ то время въ домѣхъ своихъ не были и по сихъ улочи ихъ при домѣхъ, повѣда имъ сіе. Тѣи же князи идяста тамо, идѣже святіи лежаху, и повелѣша предъ собою копати оному Θεодору и видѣша князи два гроба цѣлы и нерушимы, во гробѣхъ же убояхуся смотрѣти и паки повелѣша покрыти и пѣти надъ ними молебная іереомъ, сами же пошли въ дома своя и паки оба князи поидоша противу поганыхъ на брань... Потомъ же явившася во снѣ преждепомянутому Іоанну Рылу два мужа, тожде слово рекоста ему, якоже и Θεодору“. На этотъ разъ было освящено мѣсто упокоенія святыхъ и поставлена надъ ними гробница, при чемъ трудившіеся въ этомъ дѣлѣ Іоаннъ Рыло и Троицкій игуменъ Мисаилъ получили исцѣленіе отъ болѣзни.

Замѣчательное событіе изъ исторіи открытія мощей Авнежскихъ чудотворцевъ передается въ чудѣ четвертомъ (по спискамъ Вологод. монастырей). „Искони ненавидай добра роду человеческому діаволъ вложи въ сердцѣ нѣкому человеку, Гавріилу именемъ, по реклому Ушакъ. Еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба святыхъ, бѣ бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ, глаголя: яко аще не престануть бывати чудеса отъ гроба святыхъ и паче множатися, имать мѣсто оное распространитися и состроится монастырь, и вселятся ту мниси, и азъ не токмо мѣсто оное себѣ наслѣдую, но и селѣ отцѣтитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Га-

риилъ Глушацкаго игумена Іоакима и старца Плипарха тогожде монастыря, саомъ суца священника. И сотвори на нихъ учрежденіе веліе, и съ ними о собѣ совѣтъ сотвори, и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идеже святіи лежаху. Обьюродеша пѣанствомъ, паче же завистию и несытствомъ разориша гробницу, иже надъ мощми святыми и святыя иконы, иже въ ней, повергше на землю и паки отыдоша... Гавриилъ поплатился за свою дерзость: „не по мнозѣхъ дѣлѣхъ возмаетеся умомъ своимъ, и нападе на нѣ страхъ и ужасъ, и во изступленіи ума хождаше по чащамъ лѣса, якоже дивіи звѣри. И тако ему страждущу десять мѣсяцевъ, едва въ себе пришедъ, позна свое согрѣшеніе, и пришедъ ко гробу святыхъ припадеша и со слезами моляся... и тако съ тѣлеснымъ здравіемъ обрѣте душевное, отходитъ въ домъ свой. Мисаилъ же игумень и приставникъ благовѣрнаго князя Симеона... шедше въ монастырь св. Димитрія, иже на Прилуцѣ и повѣда игумену Мисаилу тоя обители, какъ разорена бысть гробница и святыя иконы (ибо въ то время во градѣ Вологдѣ епископа не бѣ). Игумень-же Мисаилъ повелѣ паки поставити гробницу надъ мощми и внести святыя иконы.

Подобный разсказъ передается и въ пятомъ чудѣ. „Человѣкъ нѣкій, именемъ Онисимъ, сей помышляетъ въ сердцѣ своемъ, глаголя, яко идѣже гробъ святыхъ сокровище положено бысть нѣкое отъ древнихъ невѣрныхъ волхвованіемъ и сего ради бывають мечтанія и привидѣнія и не суть истинная чудеса. Се же ему помышляющу, шедъ къ ковачу и повелѣ ему сковати себѣ желѣзо въ длину яко сажени болѣ, конецъ же остръ и тако поимъ съ собою два человѣка, подобна себѣ и единомысленна на оное мѣсто, идѣже святіи лежаху. И никому же вѣдуще ихъ отшествіе, тако достиже въ пустыню, идѣже гробы святыхъ, чающимъ обрѣсти себѣ сокровище нѣкое, и тако концемъ желѣза водружаша острымъ въ землю, ищущемъ мнимаго имъ сокровища, и въ мощи святыхъ немилостивно прободаху, и внезапно же вситріе разслабѣша тѣлесными всѣми уды... Сынове же оного Онисима, поискавше отца своего, едва обрѣтоша его въ пустыни, лежаща на земли разслабленнымъ съ совѣтниками его“.

Пострадавъ два лѣта и шесть мѣсяцевъ, Онисимъ обратился съ молитвою къ успѣвшимъ уже прославиться Авнежскимъ чудотворцамъ и получилъ здравіе. Заключивъ свое сказаніе объ Онисимѣ, списатель замѣчаетъ: „его же (Онисима) и азъ самъ видѣхъ очима своими, суца въ величїи старости, якоже лѣтъ сто и множае, украшена иноческимъ одѣяніемъ и нареченна именемъ Антоніа“.

Такъ нѣсколько лѣтъ продолжали совершаться чудеса и слава объ Авнежскихъ подвижникахъ прошла „повсюду, даже и до самаго града Москвы и до Самодержца великія Россіи царя Іоанна Васильевича, во царѣхъ достохвальнаго. Онъ же, сія слышавъ, возвеселился сердцемъ и возрадовался душою: бѣ бо теплѣ вѣрою, еже ко святымъ... Той посылаетъ милостину довольну на монастырь св. Живоначальныя Троицы, что на Махрищѣ, и посылаетъ тамо Махрищскаго игумена Варлаама (бѣ бо мѣсто оно, идѣже святіи лежаху, отъ многихъ лѣтъ Махрищскаго монастыря баше) и вручаетъ тому игумену все, еже на строеніе святаго оного мѣста, всю утварь церковную: святыя иконы и сосуды церковныя отъ своея царскія казны и повелѣваетъ дати паволоку, сирѣчь покровъ, къ сѣмъ же села даетъ на пропитаніе тамо живущимъ монахомъ и повелѣваетъ поставити церковь св. Троицы и великомученика Георгія и повелѣ собрати монахи и устроить монастырь“.

„По повелѣнію благочестиваго царя и по благословенію преосвященнаго Макарія митрополита, той игумень Варлаамъ достигаетъ пустыни, идѣже святіи лежаху и основа церковь, идеже гробы святыхъ, въ лѣто 7331 (1560), индикта 4“.

Когда церковь была устроена, митрополитъ Макарій снова посылаетъ игумена Варлаама въ Авнегу для освященія церкви и при этомъ „хотя извѣстно разумѣти, еже истинна есть о чудесѣхъ слышанное“, поручаетъ ему „вопросити (о томъ) извѣстно ту сущихъ окрестъ мѣста оного“. Игумень въ праздникъ Покрова освятилъ церковь и при освященіи самъ сдѣлался свидѣтелемъ одного чуда (исцѣлился глухой Михаилъ), о чемъ и донесъ митрополиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему разсказы „отъ ту сущихъ жителей окрестъ мѣста того, истѣе слышавъ паче отъ нѣкоего старца, Антонія именемъ, иже бысть въ старости величїи, той самъ о себѣ сказавъ, како на ономъ мѣстѣ искавъ сокровища... и отъ пономаря ту суца, именемъ Алексія, о немъ же бысть чудо и исцѣленіе“.

„Преосвященный же митрополитъ Макарій собралъ архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и уставилъ праздновати святымъ и посла книги своя Пермскому епископу Іоасафу, да идетъ тамо, идѣже святіи лежаху. Епископъ же посла книги своя во вся монастыри, сущіе подъ нимъ, да идутъ съ нимъ вси игумены въ ту пустыню, по повелѣнію преосвященнаго митрополита, видѣти своими очима слышанная. Самъ же епископъ со тѣмъ же ефде въ ладницу, поимъ съ собою весь причетъ церковный и плыша тамо по рѣкѣ. Такожде и игумены, по повелѣнію епископа, тамо идуще. Въ нихъ

же бѣ игуменъ Иларіонъ Лопотова монастыря, яко тяжко сіе внять путное шествіе и якоже тщету нѣкую вмѣняя, глагола въ себѣ, бѣ бо яко маловѣріемъ одержимъ къ преподобнымъ, но бояшеся преслѣшати епископа... Егда же бысть близъ монастыря святыхъ разсирѣшася осли его и съ себѣ сокруши его (послѣ раскаянія онъ потомъ получилъ исцѣленіе). Егда же совершиша божественную леѣтургію, повелѣ епископъ раскопати землю, идѣже святіи лежаху, и обрѣте гробъ цѣлъ и открыша и видѣша мощи, составы перушими и не имуще дебелства тѣла, яко кожа присохла къ костѣмъ. Другіи же гробъ рушимъ отъ нѣкихъ, якоже и прежде писахомъ⁶...—Вторымъ почти современнымъ Григорію и Кассіану подвижникомъ Авнежской страны былъ преподобный Димитрій Прилуцкій. Мѣстомъ его кратковременныхъ подвиговъ была противоположная сторона Авнеги, такъ враждебно относившейся къ подвижникамъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ объ основателяхъ Авнежскаго монастыря. Житіе преподобнаго Димитрія представляетъ изъ себя гармоническое сочетаніе историческаго содержанія съ искусственно-агиографическою формою. Оно написано со словъ Пахомія, ближайшаго ученика и преемника по игуменству въ Прилуцкой обители, рукою Макарія, пятаго Прилуцкаго игумена. Подробности житія, по словамъ проф. Ключевскаго⁷, заставляютъ предполагать въ лицѣ списателя свидѣтеля жизни и трудовъ преподобнаго, хотя самъ онъ объ этомъ и не упоминаетъ⁸.

⁶ Стр. 270.

⁷ Списки житія: рп. житіе бібліотека Димитріевской Авнежской церкви. Начало: „Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Димитрій бысть родомъ Россійскаго царства, Московскія страны, отъ града Переяслава“. Это, по Ключевскому, первая редакція, безъ предисловія и похвальнаго слова, съ пятью чудесами. Въ особой припискѣ прибавлено здѣсь чудо при устройствѣ церкви послѣ пожара (1542 г.) и описаніе торжества срьтенія иконы преподобнаго, возратившейся изъ Казанскаго похода (1503 г.) и, наконецъ, еще 29 чудесъ. Рукоп. Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 48—57,—редакція болѣе распространенная (вторая по Ключевскому) съ предисловіемъ. Начало: „Аще бо иногда славистіа баснословцы и нечестивіи языци, иже Бога не знающе, праздники и поклоненіе иколанъ приносятъ... возлимаи на нѣмъ подобаетъ память святыхъ праздновати“. Рп. той же обители № 4/3, распространенная редакція (третья), съ предисловіемъ и двумя похвальными словами. Начало житія: „Отъ славнаго града Переяслава, отъ благочестиваго корене израсте добродѣльная розга“. Сюда же относится списокъ изъ Соловецкихъ сборниковъ №№ 627/508, 616/518. Нахо-

Повѣствованіе о жизни преподобнаго въ родительскомъ домѣ отличается въ житіи обычною краткостію. Св. Димитрій родился въ Переяславѣ Залѣсскомъ отъ богатыхъ „многу куплю творящихъ“, родителей. Но онъ не захотѣлъ продолжать ихъ профессіи и еще въ юности обнаружилъ иноческія наклонности. Придя въ возрастъ, онъ окончательно порвалъ свои связи съ міромъ и постригся „въ томъ же градѣ Переяславѣ, въ монастырѣ Пречистыя Богородицы, на Горичахъ“⁹. Здѣсь онъ началъ свои иноческіе подвиги и вскорѣ сподобился „священства даръ пріяти“. Впрочемъ, онъ скоро покинулъ мѣсто своего постриженія и самъ началъ устроить монастырь съ церковію въ честь святаго Николая, близъ Переяславскаго озера. Около того же времени неподалеку отъ обители Димитрія устроилъ свой монастырь преподобный Сергій Радонежскій. Святые скоро сдѣлались друзьями и стали навѣщать другъ друга, подавая взаимные совѣты „како-бы общее житіе управити“.

Разсказъ о жизни Димитрія въ Переяславѣ біографъ заключаетъ слѣдующими эпизодами. Преподобный Димитрій отъ юности обладалъ

ице, списокъ Соловецкой бібліотеки № 638/835 составляетъ четвертую (испорченную) редакцію. Общее заглавіе житія: „Житіе и подвизи и отъ чудесъ похваленіе преподобнаго отца нашего Димитрія, иже на Прилуѣ, Вологодскаго чудотворца. Твореніе той же обители игумена Макарія“. Первые три редакціи въ фактическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга. Здѣсь житіе дѣлается по первой редакціи.

⁹ По изысканію автора „Исторіи Россійской іерархіи“ „о началѣ Горичкаго Богородицкаго монастыря ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ существуетъ изъ давнихъ лѣтъ“ (III, 144). Но преосвященный Филаретъ, ссылаясь на Прологъ, утверждаетъ, что этотъ монастырь основанъ великою княгиней Евдокією, въ инокиняхъ Евфросинією, въ 1392 году, который считается годомъ смерти преподобнаго Димитрія. (Арх. Филаретъ, Русскіе святые, 11 февраля). Поэтому онъ, а за нимъ и другіе (г. Суворовъ въ „Описаніи Спасо-Прилуцкаго монастыря“, стр. 2, гр. Толстой въ „Разсказахъ изъ Русской церкви“, стр. 215), полагаютъ, что Димитрій постригся не въ Горичкомъ, а въ другомъ, существовавшемъ тогда, Нагорномъ-Борисоглыбскомъ монастырѣ. Но Прологъ изъ даваемого мѣста противорѣчитъ самому себѣ: допуская, что Горичій монастырь основанъ въ 1392 г., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что Димитрій постригся въ немъ (Прологъ, 11 февраля). Вотъ, дѣйствительно, Горичій монастырь, основанный княгиней Евфросинією, но княгиней Старицкою, Горичій Богородицкій, а не Воскресенскій; не мужской, а женскій. (Исторіи Россійск. іерарх., III, 741—742). Не это ли обстоятельство внесло въ заблужденіе составителя Пролога, а за нимъ и арх. Филарета?

„благородствомъ и красотою, подобно Іосифу Прекрасному“. Вслѣдствіе этого, онъ всегда имѣлъ обыкновеніе покрывать лице свое кулемъ, скрывая его отъ посторонняго взора. Но „нѣкоего мужа славна жена“, часто вмѣстѣ съ другими приходившая въ монастырь для молитвы „и слышащи прежнюю доброту, красоту и цѣломудріе преподобнаго, восхотѣ видѣти его“. Послѣ долгихъ тщетныхъ стремленій удовлетворить своему желанію, она, наконецъ, пустилась на хитрость: „нѣкогда по прилучаю с проста увидѣ святого, готовяща къ божественной службѣ“. Суровый взоръ подвижника привелъ въ смущеніе безстыдную жену „и абіе нападе на ню ужасъ великій и бысть разслаблена всѣмъ тѣломъ“. Но святой, видя раскаяніе жены, простилъ ее и, благословивъ, возвратилъ ей здравіе.

Стоустая молва разглашала о подвигахъ Димитрія, такъ что „и самый тогда предрѣшительначальство Россійскаго царствія благовѣрный и христілюбивый князь Димитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобіи, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради, и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго почиташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія и церковными дары почте и велию честь воздаде ему“.

„Видя себе преподобный въ величій славѣ отъ человѣкъ похваляема... сего ради изыде отъ Переяслави и отъ обители своея, поимъ съ собою единого ученика своего, достовѣрна и во всемъ подобна его житію, именемъ Нахомія, (иже той намъ много свидѣтельствова о житіи и чудесѣхъ его) и устремився къ сѣвернымъ странамъ... И походя въ непроходимыя лѣсы, и дебри пустыя, иже прилежаху града Вологды, обрѣте мѣсто пусто на рѣцѣ на Лежѣ и на Великой рѣцѣ⁹, ту и церковь воздвиге во имя Воскресенія Христова“¹⁰. Однако преподобный не могъ долго оставаться здѣсь: „люди не благодарны отъ прилежащія веси (Авнега зовомыя) подняли ропотъ велий на него, глаголюще: отче! не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиши бо въ себѣ, яко аще сей великій старецъ близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими). Слышавъ же святой ненависть ихъ и ропотъ, скоро возставъ, отъиде отъ туду и прииде на Вологду и видѣ градъ украшенъ многими святыми церквами... И возлюбилъ преподобный мѣсто на Прилуцѣ, отъ града за

⁹ Великая—притокъ рѣки Лежи.

¹⁰ Эта церковь существуетъ и доселѣ подъ именемъ Воскресенской Великой.

три поприща“. Это мѣсто и избралъ онъ для устройства своей обители. „И тамо сущіе жителіе—мужъ благонравный, именемъ Ілія, и сусѣды его—Исидоръ, зовомый Выпрягъ, дарствуютъ святому, по прошенію его, земли своея довольно, елико требуютъ на поставленіе обители, и за любовь свою, еже имяху къ нему, небрегутъ тогда и насѣянныя своя озимыя нивы, уже соверщенныя классы издавшия, но въ поспраніе ногамъ человѣческимъ быша“.

Такъ же радостно и вся Вологда привѣтствовала Переяславскаго подвижника: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и величїи, богати и убози, и всякъ возрастъ, другъ друга предвѣщаяще, течаху благословеніе отъ святаго прїяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей: и нѣ имѣнія, и нѣ древесна, а и нѣ потребныя церкви и монастырю, и вскорѣ великая церковь поставлена бысть въ честь честному и животворящему кресту (августа въ первый день)... И паче ту преподобный жительствовати съ братією вкупѣ и мнози иноци прїидоша къ нему и отъ древнія его обители, иже въ Переяслави. Слышавъ же и благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, прислаше ему довольно на потребу монастырскаго строенія. Такъ устроена была одна изъ знаменитыхъ сѣверныхъ обителей. Съ самаго же начала своего существованія она прославилась своею благотворительностію: „быше бо, замѣчаетъ бытописатель, обитель его (преп. Димитрія) на распутїяхъ многихъ и мимоходящїя отъ града Москвы даже и до великаго окіана-моря“ находили всегда радужный прїютъ въ ней.

Устроивъ, такимъ образомъ, вторую обитель, преподобный Димитрій снова предался своимъ обычнымъ подвигамъ. „Ризную худость толико любляше, замѣчаетъ его біографъ, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда носилъ на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпѣше... И по часту хождалъ на село свое, презирая тамо дѣлателя своего, именемъ Григорія, сѣющаго жита его... Толико воздержательный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣвалъ утѣшенію братіи быти, онъ не ядалъ, поставляему сущу предъ нимъ въ малѣ сосудѣ глиняномъ, тоцію едину воду теплу и велий паръ испущающую съ малою просфорой хлѣба—сїцева ядъ его всегда бываше“.

„Нѣкто отъ ближнихъ обители его жителей принесъ братіи ястіе и питіе. Преподобный не повелѣ прїяти (не брашно хуля, но приносящаго показуя, да будетъ совершенно милостивъ ко всѣмъ) рече къ нему: отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принесъ еси, и яже суть раби и сироты въ дому твоёмъ, сихъ паицай, да не гибнутъ голодомъ,

каждою и наготою и тѣхъ избытка нашей нищеты допеси. Онъ же общався тако сотворити и... едва умоли святаго, да возмутъ братія принесенная отъ него. По семъ святой мнози блага тому содѣла и отъ прилучившихся нѣкіа бѣды свободы его⁴.

Любя уединеніе, преподобный и въ церкви своей „повелѣ устроить себѣ мѣстце особно, близъ алтара на лѣвой странѣ... и тамо втайнѣ обычная молитвы къ Богу возсылая“.

Своими подвигами святой достигъ высшаго совершенства и удостоился дара пророчества. Такъ, онъ предсказалъ братіи: день кончины своего высокаго почитателя, великаго князя Димитрія Іоанновича, и гибель среди дикихъ людей купцу, брату своему, отправившемуся къ нимъ въ третій разъ для наживы и обогащенія.

Въ своихъ подвигахъ достигнувъ мастиной старости, преподобный преставился въ 1392 году, назначивъ себѣ преемникомъ по игуменству ученика своего Пахомія.

ГЛАВА III.

Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастырской колонизаціи сѣверной части Вологодскаго края.—Постриженныя его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменскій.—Преподобный Григорій Пельшемскій.

Многочисленные Ростовскія владѣнія въ Вологодской землѣ сдѣлались мѣстомъ подвижничества, кромѣ ранѣ упомянутыхъ, многихъ и другихъ подвижниковъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій и Іоасафъ Каменскій. Эти преподобные мѣстомъ своего постриженія и первоначальнаго подвижничества имѣли замѣчательный въ исторіи Спасо-Каменный монастырь.

Древность сохранила намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой обители, которыя заключаются въ лѣтописи ея, составленной знаменитымъ въ свое время старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ. Въ этой лѣтописи помѣщаются краткія біографическія свѣдѣнія и упомянутыхъ трехъ подвижниковъ. Въ виду важнаго значенія въ исторіи древне-русскаго подвижничества личности самого автора этой лѣтописи и въ виду той же важности Спасо-Каменной обители, мы предварительно позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ и о другомъ.

Свѣдѣнія о Паисіѣ очень отрывочны. Преосвященный Филаретъ, не указывая источника, сообщаетъ, что Паисій самъ былъ постриженникомъ Спасо-Каменной обители¹. Авторъ известнаго посланія о

¹ „Обзоръ духов. литературы“, I, § 106.

причинахъ вражды между монахами Кирилловскими и Іосифовскими сообщаетъ, что Паисій Ярославовъ былъ учителемъ Нила Сорскаго². На этомъ основаніи можно думать, что около половины XV вѣка Паисій былъ инокомъ въ Кирилловѣ монастырѣ. Послѣ преставленія преподобнаго Кирилла, по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, правы иноковъ Кирилловой обители стали сильно упадать. Даже сами настоятели, будучи „отъ инога монастыря, преданія и законы св. Кирилла не храняше и въ небреженіе полагаше“. Вслѣдствіе этого „старѣйшіи и большіи старцы вси отбѣгоша отъ монастыря, не терпя зрѣти святаго Кирилла преданія попираема и отметаема“³. Можетъ быть, какъ догадывается авторъ „матеріаловъ для біографіи Нила Сорскаго“⁴, въ числѣ такихъ старцевъ, „преданія святаго Кирилла теплѣ хранившихъ“, былъ и Паисій Ярославовъ. Какъ бы то ни было, по нѣскольکو позднѣе мы видимъ его уже въ Троицкомъ-Сергіевѣ монастырѣ. Во время игуменства Спиридона (1467—1474) онъ пишетъ здѣсь для сего послѣдняго житіе преподобнаго Кирилла, что явствуетъ изъ самаго списка этого житія⁵. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстенъ великому князю, по волѣ котораго, въ 1479 году, сталъ игуменомъ Троицкой обители. По замѣчанію лѣтописи, Паисій пользовался большимъ уваженіемъ великаго князя, который держалъ его „въ чести величій“ и даже просилъ быть восприемникомъ своего сына⁶. Однако, по свидѣтельству одного древняго памятника, паденіе плетической жизни въ обители преподобнаго Сергія заставило Паисія въ 1484 году отказаться отъ игуменства. Послѣ этого мы часто видимъ его въ Москвѣ. Въ 1484 году великій князь здѣсь совѣтовался съ нимъ о митрополитѣ Геронтіѣ и уговаривалъ его занять мѣсто послѣдняго: „великій князь нача думати съ Паисіемъ, пригоже ли его (м. Геронтія) опять взяти на митрополию... хоташе бо его самого на митрополию, онъ же не хоташе: принуди бо его великій князь и у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ игуменомъ быти и не може черницовъ превратити на путь Божій, и хотѣша его убити, и остави игуменство,

² „Письмо о нелюбкахъ“ въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцовъ, т. X, 504. Здѣсь читаемъ: „да тутъ же (на соборѣ 1503 г.) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его старецъ Нилъ, по реклу Майковъ“.

³ „Матер. для біографіи Нила Сорскаго“. Соч. г. Архангельскаго, стр. 15.

⁴ Ibidem.

⁵ Ключевскій, Указан. соч., стр. 190.

⁶ Софійскій временникъ см. въ указан. сочиненія г. Архангельскаго, стр. 16.

потому же и митрополию не восхотѣ⁷. Въ 1490 и въ 1503 годах мы снова видимъ Паисія въ Москвѣ участвующимъ на соборахъ. На послѣднемъ соборѣ, по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ, Паисій держалъ сторону заволжскихъ старцевъ. Паисій былъ хорошо извѣстенъ знаменитому обличителю жидовствующихъ, новгородскому архіепископу Геннадію. По поводу возбужденныхъ толковъ объ исходящемъ седьмой тысячѣ лѣтъ, Геннадій въ 1489 году, 25 февраля, писалъ Ростовскому архіепископу Іоасафу: „да чтобы послалъ еси по Паисію да по Нилу, да съ ними бы еси о томъ посовѣтовалъ.. Да ты бы о томъ съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко поговорилъ, чтобы и мнѣ отписалъ о томъ“⁸. Въ другой разъ, въ письмѣ къ тому же архіепископу Геннадію выражаетъ намѣреніе позвать этихъ старцевъ къ себѣ, чтобы посовѣтоваться съ ними о волновавшей тогда русскіе учереся жидовствующихъ: „да и о томъ ми отпиши, мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересѣхъ тѣхъ съ ними поговорити“⁹. Изъ этихъ писемъ Геннадія можно видѣть, что мѣстомъ жительства Паисія, послѣ отказа его отъ игуменства и митрополіи, были предѣлы Ростовской епархіи. Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что такимъ мѣстомъ служилъ Спасо-Каменный монастырь, въ которомъ Паисій скончался и въ которомъ, въ періодъ своего послѣдняго пребыванія, составилъ свою лѣтопись¹⁰.

Обращаясь къ этой послѣдней, мы въ заглавіи ея читаемъ: „Сказаніе извѣстно о Каменномъ монастыри. Отъ первоначальника Каменнаго монастыря, отъ принопамятнаго старца Паисея святаго Ярославова. Той собралъ отъ многихъ книгъ послѣ пожара Каменнаго монастыря“. Такимъ образомъ, какъ будто все содержаніе лѣтописи заимствовано изъ письменныхъ источниковъ. Въ послѣднемъ извѣстіи, замѣчаетъ проф. Ключевскій, позволительно усумниться, если не по отношенію ко всему содержанію лѣтописи, то, по крайней мѣрѣ, части

⁷ Софійскій временникъ въ сочиненіи Архангельскаго, стр. 15—16, примѣч. 38, и у Соловьева въ Исторіи Россіи, т. V, стр. 204.

⁸ Архангельскій, Указ. соч., стр. 30.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, § 106. Ср. у Ключевскаго, Житія Святыхъ, стр. 191. Лѣтопись Паисія Ярославова издана въ Православномъ Соборѣ, за 1861 г., т. I, стр. 197—214. Въ рукописяхъ она обыкновенно служитъ приложеніемъ къ житію преподобнаго Іоасафа Каменскаго.

его. Она страдаетъ многими неточностями¹¹, что заставляетъ предполагать источникомъ ея не письменное, а устное монастырское преданіе. Изъ монастырскихъ записокъ, можетъ быть, заимствованы Паисіемъ извѣстія объ Александрѣ Куптскомъ, Діонисіѣ Глушицкомъ и Іоасафѣ Каменскомъ. Однако, при всемъ томъ, сообщаемыя лѣтописью извѣстія о началѣ Спасо-Каменнаго монастыря, о состояніи христіанства въ сѣверномъ краѣ, подвижникахъ Каменскихъ, дѣлаютъ лѣтопись источникомъ первостепенной важности. Вотъ ея разсказъ о началѣ Каменнаго монастыря.

Въ 1342 году князь Глѣбъ Васильковичъ (ошибочно названный въ большинствѣ редакцій Борисовичемъ), внукъ князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, предпринялъ путешествіе воднымъ путемъ въ городъ Устюгъ¹². Проплывъ благополучно Бѣлоозеро и рѣку Порозовицу, князь на Кубенскомъ озерѣ былъ застигнутъ бурей. Испу-

¹¹ Эти неточности указаны въ сочиненіи проф. Ключевскаго, стр. 191—192.

¹² Здѣсь годъ путешествія и имя великаго князя (Іоаннъ Даниловичъ) обозначены невѣрно. Авторъ „Исторіи Россійской іерархіи“ по этому поводу пишетъ слѣдующее: „Въ сказаніи о Спасо-Каменномъ монастырѣ, которое собралъ старецъ Паисій Ярославовъ, написано, что путешествіе Бѣлозерскаго князя Глѣба Васильевича случилось якобы при державѣ великаго князя Іоанна Даниловича Казимы, въ лѣто 6849 (1341), но, по родословной книгѣ князей и дворянъ русскіихъ, князь Глѣбъ Васильковичъ жилъ въ половинѣ XIII в., а именно (по Зерцалу русскіихъ государей, изданному въ Спб. 1794, Магницкимъ, стр. 255) родился въ 1236, а скончался въ 1278 году. Также въ древлеписанномъ сказаніи объ Усть-шехонскомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, построенномъ самимъ же княземъ Глѣбомъ въ 1251 году, написано, что послѣ того уже онъ построилъ на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера Спасо-Преображенскій монастырь. Слѣдовательно, путешествіе князя Глѣба въ Устюгъ и начало Спасо-Каменнаго монастыря должно положить около 1260 г.“ (Ист. Росс. іерарх., IV, 327—328). Такимъ образомъ, здѣсь произошла ошибка почти на цѣлое столѣтіе (вмѣсто 1341—1342). Можетъ быть, она принадлежитъ переписчику, а можетъ быть и самому автору. При первомъ предположеніи, происхожденіе хронологической неточности можно объяснить такимъ образомъ. Пиша на основаніи устнаго преданія, многое позабывшаго и перепутавшаго, Паисій ошибочно сочелъ годъ основанія Троицкой Усть-шехонской обители—годомъ основанія Спасо-Каменнаго монастыря. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ годъ основанія первого дѣйствительно отнесенъ къ 1241 г. (1341). Таковъ, напримѣръ, рукописный отрывокъ бібліотеки Вологодскаго кафедр. собора (р.к. № 16), начинающійся словами: „У великаго князя Василья Константиновича Ростовскаго были два сына“.

гавшись погибели, онъ началъ молиться и далъ обѣтъ: на мѣстѣ при-
станища создать монастырь съ церковью въ честь того святаго или
праздника, воспоминавію котораго будетъ посвященъ день спасенія.
Шестаго августа онъ былъ прибитъ волнами къ берегамъ Каменнаго
острова. Согласно обѣту, князь вознамѣрился создать здѣсь обитель.
Обстоятельства вполне благоприятствовали осуществленію этого намѣ-
ренія: здѣсь князь нашелъ уже 23 старцевъ—иноковъ, которые уже
много лѣтъ подвизались на пустынномъ островѣ. Однако эти старцы,
по замѣчанію лѣтописца, еще не имѣли церкви „за скудость имѣнія
и нападенія невѣрныхъ челоѣкъ, еще бо тогда не вси пріѣхаша свя-
тое крещеніе, но было многое множество невѣрныхъ челоѣкъ, живу-
щихъ вкрай Кубенскаго озера великаго по берегомъ“¹². Но былъ
только у нихъ „молитвенный храмъ, сирѣчь часовня“, въ которой и
собирались старцы для молитвы. Князь, согласно обѣту, построилъ
церковь во имя Преображенія Господня, украсилъ ее иконами и кни-
гами и самъ отправился въ дальнѣйшее плаваніе, поручивъ начальство
надъ иноками старшему изъ нихъ Теодору.

Здѣсь исторія Спасо-Каменнаго монастыря прерывается и даль-
нѣйшій рассказъ ея относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Рассказъ
этотъ—о первомъ игуменѣ Спасо-Каменнаго монастыря Діонисіи Свято-
горцѣ, впоследствии архіепископѣ Ростовскомъ. Въ княженіи Дми-
трія Донскаго онъ пришелъ въ Москву, благосклонно былъ при-
нятъ великимъ княземъ и поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ.
Въ это время пришли въ Москву старцы изъ Спасо-Каменнаго мо-
настыря просить себѣ игумена. Имъ былъ данъ Діонисій Святогорецъ.
Его появленіе въ Каменномъ ознаменовано было введеніемъ строгаго
афонскаго устава. Благочестивая жизнь Святогорца привлекла къ нему
много учениковъ, среди которыхъ есть нѣсколько такихъ, которые
впоследствии сдѣлались основателями монастырей и прославились свя-
тостью жизни, каковы Діонисій Глушицкий и Александръ Куптскій.
Впоследствии принявъ здѣсь постриженіе Заозерскій князь Андрей
Дмитріевичъ, переименовавшись Іоасафомъ. Краткою біографіею
этихъ подвижниковъ и занимается дальнѣйшее содержаніе лѣтописи.
Но рассказъ объ этихъ подвижникахъ послужилъ основою болѣе по-
дробныхъ и обстоятельныхъ житій ихъ, къ которымъ теперь и обра-
тимся.

¹² Подобное же замѣчаніе о состояніи христіанства въ сѣверномъ краѣ
дѣлаетъ Паисій и въ другомъ мѣстѣ: „...тогда не вся заволжская земля въ кре-
щеніи бѣ, яже много некрещенныхъ людей“. (Рип. Сол. библ. № 227, л. 66).

Жизнь и дѣятельность преподобнаго Діонисія Глушицкаго, поло-
жившаго основаніе цѣлому ряду монастырскихъ колоній среди лѣсовъ
и дебрей Вологодскаго сѣвера, представляется въ высшей степени
замѣчательною. Къ счастью, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы имѣемъ
возможность прослѣдить жизнь этого подвижника и указать тѣ пути,
по которымъ онъ слѣдовалъ въ своихъ трудахъ и подвигахъ. Этимъ
мы обязаны житію преподобнаго Діонисія¹⁴, довольно подробному и
обстоятельному, являющемуся, послѣ лѣтописи Паисія, вторымъ источ-
никомъ для біографическихъ свѣдѣній о немъ. Оно написано вскорѣ
послѣ смерти святаго, какъ полагаютъ изслѣдователи¹⁵, рукою Глу-
шицкаго инока Иринеарха, скрывшаго свое имя подъ анаграммой,
изложенной по какой то „литарейной грамотѣ“. Въ полномъ видѣ эта
анаграмма сохранилась въ слѣдующей припискѣ къ одному древнему
списку житія преподобнаго Діонисія: „лѣта 7003 (1495) списано
житіе преподобнаго отца нашего Діонисія у Покрова Пречистыя на
Глушицѣ, при игуменѣ Іоакимѣ, а писалъ Фадаѣагзонъ заживиміархъ
пимаково вакупшій дакинокъ“¹⁶. Источники, на основаніи которыхъ
писалъ Иринеархъ, указаны имъ въ предисловіи къ житію: „всячески
писати поспѣхъ, елико постигъ жити еже о немъ трѣхъ его и хо-
жденіе, еже наоученъ оѣмъ моихъ, глаголю же Анфилохія и дръгаго Ма-
карія и Михаила, иже видѣли святаго извѣстно... ино же и своимъ

¹⁴ Списки житія: рукоп. Солов. библ. № 1093/984, л. 227. Рип. Воло-
годскаго кафедральнаго собора № 3, л. 171—197. Рип. сборникъ библіотеки
Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 341—375. Начало предисловія: „Се
бо нынѣ о семъ блаженнѣмъ свѣтлымъ учителѣ славнымъ Павелѣ вопіетъ“. На-
чало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Діонисіе бысть изъ ношій
странъ“... Это списки одной редакціи. Списокъ другой редакціи находится въ
рип. сборникѣ Соловец. библіотеки № 534/515, л. 4, безъ предисловія и по-
хвальнаго слова. Начало: „Сей преподобный отецъ нашъ Діонисій измлада Хри-
ста возлюбилъ“. Какъ внутреннія, такъ и внѣшнія признаки обѣихъ редакцій не
даютъ мѣста предположенію объ ихъ литературномъ родствѣ. Въ послѣдней
редакціи многіе рассказы, имѣющіеся въ первой, опущены, а взамѣстъ ихъ по-
мѣщено нѣсколько такихъ, которыхъ нѣтъ въ первой. Полное взаимное согласіе
обѣихъ редакцій въ повѣствованіи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ усугубля-
етъ степень ихъ достовѣрности.

¹⁵ Строевъ, Описаніе рукописей Общества Исторіи и Древностей, № 321;
архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, I, § 104; Блю-
чевскій, Житія святыхъ, стр. 193.

¹⁶ Барсуковъ, Источники русской агиографіи, стр. 116. Ср. съ Блючев-
скимъ, Житія святыхъ, стр. 193.

очима видѣхъ бывающая чюдеса¹⁷. Такимъ образомъ, источникомъ біографическихъ свѣдѣній, какъ можно судить изъ приведенной цитаты, являются устные рассказы о преподобномъ учениковъ его. Но профессоръ Ключевскій, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками рукописей, утверждаетъ, что писатель уже не могъ застать въ живыхъ названныхъ учениковъ святаго и въ своемъ трудѣ пользовался преданіемъ вторыхъ устъ: „изыскахомъ, читаетъ онъ въ своихъ рукописяхъ, елика слышахъ отъ нѣкихъ, яже ученици его повѣдали тѣмъ“¹⁸. На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, для объясненія подробностей и точностей, составляющихъ рѣдкое качество житія Діонисія, необходимо предположить, что писатель въ своемъ трудѣ пользовался письменными источниками, хотя самъ онъ и умалчиваетъ объ этомъ. Но имѣющийся у насъ подъ руками списокъ Соловецкой бібліотеки и другіе¹⁹ читаются въ данномъ мѣстѣ нѣсколько иначе: „изыскахомъ, елика слышахъ, яже ученици его повѣдали“ (л. 247). Такимъ образомъ, слѣдуя этому чтенію, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объяснять сравнительное богатство содержанія и хронологическую точность житія Діонисія современностью писателя съ упоминаемыми имъ учениками преподобнаго, очевидцами его жизни, чѣмъ вмѣстѣ съ профессоромъ Ключевскимъ дѣлать предположеніе о какихъ либо письменныхъ источникахъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ его житіи. Этого мнѣнія держится, между прочимъ, и преосвященный Филаретъ²⁰.

¹⁷ Рян. Соловецкой библ. № 1093/984, л. 246.

¹⁸ Ключевскій, стр. 194.

¹⁹ Списокъ Вологодскаго каведр. собора № 3, л. 172, и списокъ Спасо-Прилуцкаго мон. № 37/36, л. 242.

²⁰ Обзоръ русской духовной литературы, т. I, § 104. Въ нашихъ спискахъ не находятъ для себя подтвержденія и другіе доводы проф. Ключевского въ пользу письменныхъ источниковъ житія Діонисія. „Въ одномъ мѣстѣ, пишетъ онъ, читаемъ о Діонисіѣ слова, которыя едва ли могъ сказать отъ своего лица біографъ, писавшій въ 1495 году: „всѣмъ дающе образъ смиренія и пресуде ны хощаще на пѣніе“ (стр. 195). Но въ цитованной нами рукописи Соловецк. библ. это мѣсто читается нѣсколько иначе: „всѣмъ дающе образъ смиренія и пресудній хощаще на пѣніе“ (л. 258). Что касается дословнаго сходства рассказа о посѣщеніи Діонисіемъ соименнаго ему Ростовскаго архіепископа съ лѣтописью Памсіа и надписи на нѣкоторыхъ отѣлахъ житія: „а писалъ Макарій, ученикъ Діонисіевъ“, то первый составляетъ повтореніе рассказа, помѣщенного 1420 годомъ, о путешествіи Діонисія къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ церкви въ Сосновцѣ и, можно думать, состав-

Въ предисловіи къ житію писатель сознается: „зѣло же възыскаховѣ и трѣдохомъ о рожденіи его и възраста дѣтска и не можахъ обрѣсти“ (л. 247). Поэтому, сказавъ кратко о мѣстѣ рожденія Діонисія: „въ пощѣи странѣ, отъ града Вологды поприщѣ чотыредесать“, писатель прямо сообщаетъ о приходѣ святаго, вмѣстѣ съ братомъ Пахоміемъ на святую Луку: „близъ езера великаго, глаголемаго Кобубаньскаго, обстоичю страну солнечнаго вѣсхода, обиходасты мѣста многи, ница покой обрѣсти. И послѣди же пріиде въ весь, глаголемую святая Лжчица и възлюби мѣсто. Имѣ же съ собою брата, именемъ Пахоміа“. Такимъ образомъ, о жизни преподобнаго до прихода на св. Луку житіе почти ничего не знаетъ. Этотъ пробѣлъ восполняетъ отчасти лѣтопись Памсіа, повѣствующая слѣдующее: „пріиде (въ Спасокаменный монастырь) нѣкій оуноша, именемъ Димитрій, отъ града, нарицаемаго Вологды, и молятъ Діонисія игумена, дабы его постригъ. Игуменъ же Діонисій постригаетъ его и нарече имя ему Діонисій. Онъ же пожиле въ послушаніи девять лѣтъ“, потомъ отправился на св. Луку²¹. Житіе относительно этого мѣста замѣчаетъ: „не быше тогда церкви на томъ мѣстѣ“ (л. 248)—и только. Памсіи же дѣлаетъ о немъ болѣе подробныя замѣчанія: „...и пріиде (св. Діонисій) въ весь, зовому святую Луку. Тамо общій монастырь заустѣніемъ заустѣ, и церковь падеся, небрегома никимъ же; церкви же была искони апостолъ Христовъ Евангелистъ Лука, и отголѣ та весь зовется св. Лука“²².

лиетъ позднѣйшую приписку (во второй редакціи его нѣтъ), а относительно подлинности должно сказать, что, по замѣчанію самого же профессора Ключевского, подобнаго рода замѣтки часто указываютъ не на одного автора, но и на переписчика (стр. 196, примѣч. 1). Мнѣніе объ устныхъ источникахъ житія нѣтъ за себя и то основаніе, что обиліе хронологическихъ помѣтокъ, на которое такъ усиленно ссылается проф. Ключевскій, имѣетъ относительное значеніе, ибо помѣтки эти далеко не всегда отличаются точностію.

²¹ Лѣтопись Памсіа въ Правосл. Собесѣд., 1861 г., I, стр. 202.

²² Что это за монастырь, вѣкъ и когда основанъ — свѣдѣній нигдѣ не находимъ. Въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о монастыряхъ и церквяхъ“ Ратнина (стр. 72) объ этомъ монастырѣ читаемъ: „въ глубокой древности при деревнѣ св. Лука существовалъ общежительный монастырь, о времени основанія котораго никакихъ свѣдѣній нѣтъ“. „Исторія Россійской іерархіи“— не знаетъ его. Изъ одной повѣсти о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Ростовскомъ) мы узнаемъ, что нѣсколько ранѣе Діонисія на св. Лукѣ подвизался нѣкоторое время преподобный Феодоръ Ростовскій († 1409). Онъ составилъ здѣсь келлію, въ которой и жилъ нѣсколько времени. Но „окрестъ живущіи неразумнии невѣгласы чюдотворны, еще чудское зачадѣ, сего преподобнаго изгониша и келіицу

Съ поселенія преподобнаго на св. Лукѣ начинается болѣе подробная о немъ повѣсть въ житіи. Вмѣстѣ со спутникомъ они поставили себѣ келлію, а потомъ приступили къ устройству церкви. Въ это время пришелъ къ нимъ третій братъ, сдѣлавшійся ихъ сотрудникомъ. Когда церковь была устроена, «вземъ святой благословеніе отъ архіепископа Ростовскаго Григорія и освяти ю во имя святаго Николы, въ лѣто *ѡіа* (1393)»²¹. Спусти нѣкоторое время, онъ принялъ на себя «чинъ священническій, рукоположеніемъ епископа Григорія». Вскорѣ стали происходить нѣкоторыя нестроения въ этомъ небольшомъ обществѣ: «зря брать его (препод. Дионисія), Пахоміе, сице начастѣ молящася и видя труды его и подвижи, начася его срамляти и удалятися» (236 л.). Можетъ быть, это обстоятельство и послужило ближайшею причиною намѣренія преподобнаго оставить св. Луку. «По времени нѣкоемъ, читаемъ въ спискѣ второй редакціи, приде къ нему нѣкій христіюбецъ и начатъ ему повѣдати о пустынѣ, иже на рѣцѣ Глушицѣ, отстоящей отъ великаго озера (Кубенскаго) пятнадесять поприщъ на восточную страну, яко мѣсто безмолвно есть и зѣло подобно къ составленію монастыря. Слышавъ же сіе святой отъ человека того,

его разметаша». (Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 58, прим. 8). Можетъ быть преподобный Феодоръ и былъ основателемъ Святолуцкаго монастыря, о чемъ не знаетъ эта повѣсть.

²¹ Ростовскій архіепископъ Григорій посвященъ 14 марта 1396 года (см. Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 72). Поэтому, преосвященный Филаретъ (Русскіе святыи, 1 июня) считаетъ годъ освященія церкви выставленнымъ ошибочно. Можетъ быть это и такъ, но не было ли на Ростовской кафедрѣ другою Григоріемъ? Замѣчательно, что подобное извѣстіе повторяется въ житіи другою подвижника, преподобнаго Григорія Пельшемскаго (см. Манарьевскія четьи-минеи изданіе Археогрфической комиссіи, 30 сентября). Здѣсь это имя Ростовскаго архіепископа встрѣчается подъ 6902 (1394) годомъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ спискѣ Ростовскихъ архіереевъ, составленномъ графомъ М. Толстымъ (Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 68—80), замѣненъ нѣкоторый пробѣлъ, падающій именно на это время. Такъ, Іаковъ (святой), посвященный митрополитомъ Пименомъ въ 1386 г., вскорѣ послѣ своего посвященія былъ изгнанъ буйными ростовцами. Слѣдующій за нимъ Феодоръ II рукоположенъ въ 1389 г. Константинопольскимъ патріархомъ Ниломъ. Но когда онъ прибылъ на Ростовскую кафедру—неизвѣстно. Здѣсь упомянуто только, что въ 1395 г. онъ уже преставился. Можетъ быть въ промежуткѣ между этими архіепископами и былъ Григорій. У Толстаго въ этомъ промежуткѣ нѣтъ архіереевъ, безъ обозначенія времени ихъ служенія, хотя среди нихъ и не упоминается имени Григорія.

наипаче желаніе принятъ, иже иди ему тамо» (л. 6.). Онъ оставилъ на Лукѣ Пахомія и другаго брата, пришедшаго къ нему, а самъ пошелъ на Глушину. Послѣ «обнощеванія», преподобный достигъ этой пустыни и здѣсь снова началъ устраивать себѣ жилище: «постави себѣ келейцу малу и нача жити въ ней. Келейца же мала при нѣкоемъ древѣ: есть же древо то внутри юду монастыря и до сего дне, ягодице имать зовомо черамошье». Къ нему здѣсь снова начинается стекаться братія: «малу же времени мимошедшу, приде къ нему нѣкій старецъ». «Преподобный радостенъ бывъ и моли его пребывати съ нимъ. Потомъ же нача приходити овогда единъ, иногда два и три». Когда собралась братія, приступлено бысть къ устройству монастыря. Хотя самъ преподобный не переставалъ трудиться, «дѣлая своими руками, еже на потребу монастырева», но усилій его и братіи было недостаточно: «въ лѣто *ѡіи* (1400) посла преподобный нѣкоего отъ братіи ко князю Дмитрею, владущему округъ озера великаго, глаголемаго Кубаньскаго, моля его, да послетъ дѣлатель, иже истребятъ древіе» (254 л.). Князь охотно исполнилъ просьбу святаго. Посланные имъ «дѣлатели древіе истребиша, и огню предаша, и мѣсто расчистиша, елико довольно на созданіе монастыря»²². Послѣ этого приступлено было къ сзданію обители: «начаста дѣло, прежде сотвориша себѣ келейци мали». Вслѣдъ затѣмъ преподобный предпринялъ путешествіе къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ монастырской церкви: «въ лѣто *ѡіи* (1402) епископу Григорію, града Ростова правящу апостольскій престолъ, приде къ нему преподобный пріяти благословеніе на составленіе обители». Григорій благословилъ его «и испытавъ разумомъ вся, ничтоже ино похвали, точію се, еже жити братіи вкупѣ. Посему, сказалъ епископъ, и азъ совѣтъ ти даю, яко составиши общій монастырь» (255 л.). По возвращеніи «въ лѣто *ѡіи* (1403) нача (преподобный) здати церковь малу во имя

²² Объ этомъ участіи князя Дмитрія въ устройствѣ Глушицкой обители сохранилось извѣстіе въ житіи и другою подвижника, преподобнаго Іоасафа Каменскаго: «отецъ же сего блаженнаго отрока (Іоасафа) князь Дмитрій Васильевичъ состави обитель Пречистыи Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова, иже есть Глушица. Въ та лѣта (т. е. въ началѣ подвижничества Іоасафа) Дионисее изыде изъ постриженія своего, съ Каменнаго отъ Спаса и похитивъ многа мѣста, обрѣте мѣсто зовомо Глушица, и посылаетъ къ сему князю о древодѣлѣхъ: онъ же не токмо древодѣла посылаетъ, но и милостину доволную и села и деревни подаетъ монастырю». Рукоп. житіе преподобнаго Іоасафа Каменскаго, Соловецк. библ. № 227, л. 7—8.

Пречистыя Богородицы, честваго ея покрова, и постави трапезу и келліи по чину и ина, елика потребна суть братіи^а. Согласно святительскому наставленію, святой заповѣдуетъ братіи: „никому же каковыя любви потребности держати, и ничтоже звати свое, но вся обща“ (256 л.). Такимъ образомъ создана была первая обитель преподобнымъ Діонисіемъ. Количество братіи ея стало возрастать и вскорѣ „дружины его стало до 15 братіи^а. Обитель стала обогащаться подаваніемъ. Такъ, Вологодскій князь Юрій, въ вотчинѣ котораго находилась Глушица, улашавъ о созданіи преподобнымъ обители, призвалъ его къ себѣ, предлагая ему подаваніе на устроительство монастыря: „ниже, отче, хочещи, проси имѣнія на потребу и дамъ ти“. Послѣ отказа преподобнаго князь сталъ просить его, чтобы хотя что нибудь взялъ изъ его имѣнія „да благословится отъ него“. Преподобный, наконецъ, согласился принять милостыню и князь „отъ того дне нача удовлети, дающе потребная монастырю“^а. Кромѣ того и другіе „мнози начаша приходити къ нему и приносиша потребная. Нѣцыи отъ христіюбцевъ даваху ему отъ имѣній своихъ на составленіе монастыря“. На всѣ эти пожертвованія преподобный „устрой монастырскій скончаваше“. Самъ онъ не переставалъ трудиться, дѣлая все своими руками. По замѣчанію біографа, преподобный Діонисій имѣлъ „художество живописца, писаше иконы и млатобійна баше и спириды дѣлаше, сирѣчь ланти плеташе“ (л. 257). Скоро число братіи его увеличилось настолько, что созданная церковь не вмѣщала всего числа ея: „по лѣтѣхъ же нѣкоихъ, умножися число братіи, яко не вмѣщатися имъ въ церковь. Братія же молиша святаго, да ину церковь поставитъ, больши сая“. Преподобный исполнилъ просьбу братіи и создалъ „нову церковь, велию и прекрасну и украси ю иконами чуднѣ, въ лѣто 4811 (1405).

Малая обитель такимъ образомъ превратилась въ большую лавру и святой „поставляетъ братію по службамъ: первіе же въ церкви

^а Съ именемъ этого князя сохранилась и жалованная грамота Глушицкому монастырю слѣдующаго содержанія: „...Се азъ князь Юрій Ивановичъ пожаловалъ есмь монастырь Глушицкій Денисьевы пустыни игумена съ братією, или кто по немъ игуменъ будетъ, што ихъ земли монастырскіи и кто у ихъ на тѣхъ земляхъ на монастырскихъ имѣть жити... тѣмъ людямъ не надобе имъ мой ни которая княжа поминала... А дасть имъ игуменъ корму со всѣхъ своихъ людей на Рождество Христово похотъ мяса да деситеро хлѣбовъ да баранъ, имъ за барана взяти ни пяти бѣлъ, или полтъ нелюбъ, имъ за полтъ взяти ни тожо пяти фѣлъ“. (Исторія Россійской іерархіи, III, 704—706).

пономарха и прочая. Потомъ же оваго въ магерниці, иного же магуна“ (вариантъ второй редакція: „первіе въ цѣлкви еклисіарха, такъ же параклисіарха.. оваго въ хлѣбницѣ, оваго въ поварницѣ, другаго же трапезаря и прочая по чину“). Вмѣстѣ съ тѣмъ преподобный далъ братіи монастырскій уставъ и ревностно слѣдилъ за его исполненіемъ. Одинъ инокъ утаилъ у себя „десять ногать... поживъ нѣколко представися и обрѣтше у него имѣнія десять ногатыхъ и повелѣ преподобный сіе съ нимъ поврещи во свидѣтельство ему“. (267 л.). И только усиленная просьба братіи доставила прощеніе согрѣшившему. При этомъ святой заповѣдалъ братіи „даже ни единому ихъ коснуться ногатыхъ, но повелѣ поврещи ихъ вонъ изъ монастыря“. (268). Въ другой разъ „нѣкій старецъ, именемъ Антуфіе, не прія благословенія отъ отца дерзну рыбъ ливити и извлече много. Помышляше же въ себѣ, яко похвалену быти отъ отца... Преподобный же слышавъ повелѣ псомъ поврещи на съѣденіе... а сотворшаго сіе связавъ эпимією“. Впрочемъ, слезы раскаившагося скоро склонили на милость строгаго старца и онъ „наказа его (Антуфія) съ тихостію, отпусти его“.

Но и на этотъ разъ не долго старецъ оставался во вновь устроенномъ имъ монастырѣ; вскорѣ онъ оставилъ его: „исшедше тай изъ обители, никому же вѣдуще... и устремися въ пустыню, въ полуденную страну отъ большія лавры. (Причину этого отшествія біографъ обычнымъ образомъ указываетъ въ слѣдующемъ: „яко же мнози бяху къ нему приходяще, безмолвіе пресѣцающе“). Проходя „блата и дебри непроходніи“, святой удалился отъ Покровской обители, „за четыре поприща“ и „обрете мѣсто на крои брегу, на рѣцѣ Глушицѣ, зѣло красно и превыше иныхъ мѣстъ. На томъ мѣстѣ обрѣте древо велие, зовомо пѣвѣ, рекома сосна, имѣше бо округъ себе мѣры двѣ мѣримы, того ради зовомо мѣсто то Сосновецъ. Округъ же мѣста того инудѣ блата и дебри, мѣста непроходны. Сіе възлюби мѣсто преподобный“ и избралъ его для своего жительства. Но онъ не забывалъ и покинутой имъ обители: „обычай же имаше преподобный пакы въ монастырь возвращатися“. На новомъ мѣстѣ преподобный такъ же возымѣлъ желаніе „церковь поставити“, а впоследствии сдѣлалъ завѣщаніе, „чтобы на семь мѣстъ было положено тѣло его“. „И нача здати церковь во имя святаго Крестителя Іоанна и тако вскорѣ създа и вземъ благословеніе отъ епископа Діонисія града Ростова (1418—1425), освяти олтарь и церковь въ лѣто 4811“ (1420). И создалъ ту келлію по чину и нѣкоихъ отъ братіи устрои тамо жати и рече имъ всяко требованіе пріимати отъ большія лавры“ (261).

Такимъ образомъ монастырская колонія все болѣе и болѣе разрослась; вмѣстѣ съ нею расло и вѣмонастырское населеніе. Съ теченіемъ времени оно стало настолько велико, что для него потребовалось устройство особой церкви. „По времени нѣкоимъ нача умножати ся близъ монастыря фмилкивнѣи (вариантъ второй редакціи; „умножались села близъ монастыря“) и създа преподобный отъ большія лавры въ пощѣи странѣ далѣ два поприщѣ церковь во имя святителя Христова Леонтія, епископа Ростовскаго, да тамо на мольбу приходять изъ фмилклевнѣи“. При этой церкви преподобный учредилъ женскій монастырь: „и устроивъ тамо инокинямъ пребываніе... и уставъ (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна, и урече имъ потребная отъ фмилклевнѣи“ (л. 273). Но эта церковь была не послѣднею изъ устроенныхъ неутомимымъ Глушицкимъ подвижникомъ.

Увеличеніе окрестнаго вѣмонастырскаго населенія побудило его создать еще двѣ церкви. Одну изъ нихъ онъ создалъ „отъ большія лавры въ полуденной странѣ, далѣ 18 поприщѣ, во имя Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, внизъ рѣки Глушицы, близъ рѣки большія Пчваруховы (Суховы), на брезѣ, на прихождение православному христіанству“ (275 л.). Другую церковь создалъ преподобный въ Двиницкой веси: „пріидоша же нѣкогда отъ веси, глаголемыя Двиницы, христіановѣи людѣ, молиша святого, да съзиждетъ имъ церковь святаго Николы. Преподобный, послушавъ ихъ моленія, създа имъ церковь и украси ю иконами“.

Принимая милостивно отъ другихъ, преподобный и самъ былъ щедримъ раздательцемъ ея. Во время свирѣпствовавшаго голода въ Вологодской странѣ цѣлыя толпы голодныхъ искали въ Глушицкомъ монастырѣ себѣ пропитанія. Преподобный никому ни въ чемъ не отказывалъ. Щедрость его была такъ велика, что часто вызвала ропотъ братіи. Желая положить предѣлъ такой щедрости, братія разъ рѣшилась искутить святаго: „послаша юношу нѣкоего, въ образѣ странниціи... и пришедъ къ преподобному, глагола ему: помилуй мя, честный отче, яко раба есмь нѣкоего человека, дай же ми искупъ и дѣтемъ моимъ... искупъ имѣю сто сребренницъ. Онъ же отверзе келія оконца, вда ей сто сребренницъ... (искушающіи же смотряще) и принесше даде искутителемъ. Они же рѣша, что се несмысленно раздаетъ. И пришедъ блаженный на вечернее нѣніе, они же, искустители, принесше сребро, предъ святаго положиша, глагола ему: честный отче, покажи пріиде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ далъ еси ему сребро; мы же взяли у него — се есть“. Преподобный возбранилъ имъ и, призвавъ мнимую странницу, возвратилъ ей сребренники, сдѣлавъ при

этомъ наставленіе братіи: „престаните, сказали онъ, искушающе собою, на немилосердіе мене въздвижуще“ (273).

Глушицкой обители не мало приходилось страдать и отъ злонамѣренныхъ людей. Вотъ что повѣствуетъ біографъ преподобнаго: „бывшу же ми вопрошающу прилежѣ о житіи отца вашего, мужъ нѣкто возрастомъ старъ зѣло повѣда ми: нѣкогда пріидоша пѣщии людѣ, зовомы Василіе Тяжоловъ и Иванъ Чурчанъ²⁶, похитиша у святаго есмь коней и бѣжаша“. Но печетивцамъ не суждено было воспользоваться добычей: „они бѣжаша въ нѣкую весь, зовомо Молевское, стапа на нѣкоемъ мѣстѣ, вдѣже класи събираются и вѣтромъ очищаются. Въ полуденное же время, спящимъ имъ, огонь попалъ ихъ и они же бѣжаша, и кони ихъ огонь пожже и ино, что ихъ бѣша“.

Святость жизни Глушицкаго подвижника привлекла къ нему многихъ учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ также прославились своими подвигами. Первымъ по времени изъ таковыхъ былъ преподобный Макарій Глушицкій. Исторія прихода его къ преподобному очень не сложна. Разъ преподобному Діонисію случилось быть „во градѣ Ростовѣ, у нѣкоего человека, именемъ Агаѳона“. У послѣдняго былъ братъ Матвѣй, возрастомъ двѣнадцатилѣтній. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе святаго, который сталъ звать его въ свою обитель и „пріиде его въ монастырь, иноческаго житія сподобляетъ и нарече имя Макарія и взя къ себѣ во внутреннюю келію... и зѣло любяще его за цвѣтущія въ немъ добродѣтели“. Впослѣдствіи, по ходатайству преподобнаго, „свати его (Макарія) архієпископъ Діонисій Ростовскій руковоложеніемъ священствомъ... и бысть послѣ преподобнаго большія лавры игуменъ“.

„По времени нѣкоемъ пріиде нѣкто инокъ отъ близъ поморія, отъ восточнаго вѣсхода, имый чинъ священническій, именемъ Амфилохіе... Въ то время имѣ ученика себѣ преподобный, именемъ Макарія преждепомянутаго“. И этотъ инокъ просилъ преподобнаго принять себя въ монастырь и „сочетать съ братією“. Просьба его была исполнена и онъ сдѣлался новымъ сподвижникомъ и возлюбленнымъ ученикомъ Глушицкаго пустынника.

²⁶ Замѣчательно, что эти же имена мы встрѣчаемъ въ числѣ разбойниковъ, разграбившихъ Аннежскую обитель и убившихъ ея основателей, какъ повѣствуетъ о томъ вторая редакція сказанія объ ихъ жизни. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, еще разъ подтверждаетъ историческую достовѣрность этой редакціи.

Монастырь преп. Діонисія послужилъ временнымъ пріютомъ еще для одного замѣчательнаго сѣвернаго подвижника. „Пріиде же нѣкто, повѣствуетъ біографъ, отъ града Галича, бывшій архимандритъ во градѣ Ростовѣ, Григоріе именемъ. Сей моли преподобнаго дати ему келлію“. Преподобный, видя его благочестіе, „дасть ему келлію, идѣже создалъ церковь въ пустынѣ, зовомой Сосновецъ. Елма же видѣ въ добродѣтельхъ мужа слюбися съ нимъ духовною любовію. „Но пришедшій подвижникъ самъ скоро выразилъ желаніе „составить общую обитель“ и, простившись съ Діонисіемъ, и шедъ въ восточную страну отъ той пустыни, далѣе двадцати восьми поприщъ, обрѣте мѣсто пустынное на рѣцѣ на Пельмѣ и созда церковь во имя Пречистыя Богородицы, честнаго ея собора, въ лѣто 1426 (1426) и общее житіе состави. Пріиде же преподобный (Діонисій) на посѣщеніе съдружебника своего и похвали мѣсто и дасть ему иконы и книги, зовомы Прологъ. Поживе же Григорій лѣта довольна суть и къ Господу отиде. И положиша мощи его въ своемъ ему монастыри и по преставленіи своемъ бѣснаго исцѣли“.

Около того же времени, „въ лѣто 1422 (1422), пріиде старецъ, пустынный житель, именемъ Павелъ, постническое житіе имѣя, близъ той Глушицкѣй пустыни—два поприща имѣ разстояніе: постави себѣ келлію и живяше едино лѣто въ той пустынѣ и хотя церковь поставити. Посла же ему преподобный нѣкоего отъ братіи, рече ему (Павлу): молишь ты съдружебникъ твой Діонисее: трудна бо ми есть и печальна душа моя, духовный отче, якоже хоцещи монастырь создати близъ нашея пустыни, но не подобаетъ сицевому дѣлу быти, зане близъ сущъ, но подобаетъ тебѣ единому сущу въ сицевѣ мѣстѣ жити... Старецъ же Павелъ, се слышавъ... оставивъ поклоненіе и миръ съдружебнику своему, изыде оттуду“ (261) ²⁷.

²⁷ Догадываются, что это былъ преп. Павелъ Обнорскій, долго странствовавшій по сѣвернымъ дебрямъ и жившій нѣкоторое время по соседству съ Глушицкимъ монастыремъ въ обители Кирилла Бѣлозерскаго. (См. печатный Прологъ, 10 января). Но въ такомъ случаѣ хронологія этого разсказа въ житіи Діонисія ошибочна. Павелъ, по разсказу его житія, когда поселился въ Комельской пустынѣ, изъ которой уже не удался, засталъ еще здѣсь въ живыхъ препод. Сергія Нурожскаго, преставившагося въ 1413 году. Впрочемъ, вѣроятно, есть списки житія Діонисія съ иную хронологію въ этомъ разсказѣ. Въ одномъ изъ списковъ житія Павла Обнорскаго (рпк. Вологодскаго каедр. собора, № 3, л. 142) въ видѣ приложения, выписанъ приведенный разсказъ о пустынножителѣ Павлѣ, причемъ время обитанія его на Глушицѣ отнесено къ 1393 году (л. 142).

Немного спустя Глушицкая пустыня сдѣлалась мѣстомъ подвиговъ и еще одного замѣчательнаго ученика препод. Діонисія: то былъ Тарасій, игумень (вариантъ архимандритъ) Пермскій. „Въ лѣто 1427 (1427) пріиде отъ Великія Перми игумень Тарасій, пастухъ и цѣлитель людямъ заблудшимъ въ земли Пермскѣй, иже Бога мало знавшей“ и по просьбѣ былъ принятъ въ число братства Діонисіева монастыря. Это былъ новый сподвижникъ Глушицкаго игумена за послѣдніе годы его земнаго существованія: „поживе же при животѣ преподобнаго десять лѣтъ; самъ же поживе послѣди много лѣтъ и въ глубоцѣй старости ко Господу отиде, при игуменѣ Амфилохѣ“ (286 л.).

За нѣсколько лѣтъ до преставленія преподобнаго обитель его была посѣщена Ростовскимъ архіепископомъ Ефремомъ (1427—1454), который благословилъ братію, сдѣлалъ ей поученіе и далъ монастырю „милостину довольну“.

Чувствуя приближеніе смерти, преподобный еще за семь лѣтъ приготовилъ для себя мѣсто упокоенія въ своемъ любимомъ Сосновцѣ. Прощаясь предъ смертію съ братією, онъ завѣщалъ свое игуменство любимому изъ учениковъ своихъ Амфилохю. Преставился этотъ замѣчательный изъ сѣверныхъ подвижниковъ 1 мая 1437 (1437) года, въ день воскресный, въ шестомъ часу дня, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Заканчивая обзоръ жизни преподобнаго Діонисія нельзя не повторить словъ профессора Ключевскаго: „развитіе и значеніе Глушицкаго монастыря при жизни основателя изображены съ такою полнотою въ редакціи Принарха, что послѣдняя, въ смыслѣ историческаго источника, принадлежитъ къ числу немногихъ превосходныхъ житій, какія можно найти въ древне-русской литературѣ“ ²⁸.

Одновременно почти съ преподобнымъ Діонисіемъ принялъ постриженіе въ Спасо-Каменномъ монастырѣ другой сѣверный подвижникъ, преподобный Александръ Куштскій. Свѣдѣнія о его жизни заключаются также частью въ житіи его, а частью въ лѣтописи Пансіи Ярославова. Біографъ преподобнаго почти цѣлкомъ переписываетъ Пансіево сказаніе, частью, впрочемъ, пополняетъ его и новыми фактами ²⁹. Источникъ послѣднихъ свѣдѣній, принадлежавшій, вѣроятно,

²⁸ Житія святыхъ, стр. 195.

²⁹ Списки: рпк. библ. Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 124—141, съ предисловіемъ, молитвой и похвальн. словомъ; рпк. Вологодскаго каедр. собора № 3, л. 189—210, безъ предисловія и похв. слова. Начало предисловія: „Се убо о семъ блаженнѣмъ свѣтлѣмъ учителѣ славномъ Павлѣ поспѣтъ“.

въ числу иноковъ Куштскаго монастыря³⁰, указывать въ предисловіи къ житію: „всячески писати подвигохся... еже наученъ отъ отецъ моихъ, иже слышали отъ ученикъ его, много жившихъ со святымъ, глаголю же Савватія и другаго Симеона, иже видѣли святаго... инако и своими очима видѣхъ бывающая чудеса“ (л. 124 прил. сп.). Время написанія житія, по мнѣнію профессора Ключевского, опредѣляется на основаніи слѣдующаго не очень яснаго указанія, сдѣланнаго въ похвальномъ словѣ: „прародитель благовѣрнаго царя государя Іоанна Васильевича самодержецъ и великій князь Кіевскій Владиміръ уподобился кунцу, ищущему добраго бисера“ (л. 139). „По этому неясному намеку, говоритъ Ключевскій, можно заключить, что житіе написано въ царствованіе Грознаго“³¹.

Въ своемъ предисловіи писатель повторяетъ заключительныя слова предисловія біографія преподобнаго Діонисія Глушицкаго, оказавшей на него довольно сильное и очень прозрачное литературное вліяніе: „начало повѣсти сея блаженнаго и доблаго и правдиваго его житія было възскахомъ и трудихомся, о рожденіи, возраста дѣтскаго и не може обрѣсти, понеже въ забытіе прииде, по токмо възскахомъ отъ многа мало постническаго житія сего, елика слышахомъ, иже ученици его повѣдали“ (125 л.). Въ началѣ самой біографіи авторъ выписываетъ очень скудную въ фактическомъ отношеніи повѣсть объ Александрѣ изъ лѣтописи Пансія: „прииде же въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именемъ Алексѣй, отъ града, нарицаемаго Вологды, моляся игумену Діонисію одѣяти его во мнишескій образъ. Игуменъ же Діонисій... „не презрѣ моленія его“... одѣваетъ его въ монашескій образъ „и нарече имя ему Александръ“. Краткимъ замѣчаніемъ о подвигахъ его въ Спасо-Каменномъ и заканчивается лѣтопись Пансія. Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни преподобнаго Александра заимствуются изъ рассказовъ о преподобномъ слышавшихъ о немъ отъ учениковъ его Савватія и Симеона. Не сообщая о вѣдѣствіи времени пребыванія преподобнаго въ Спасо-Каменномъ, писатель прямо переходитъ къ повѣствованію о жизни его послѣ ухода отсюда: „изиде изъ Спасо-Каменнаго монастыря, прохаждаше мѣста многа, ища покоя... Послѣдѣ же прииде въ весь, зовому Сян-

Начало житія: „Прииде въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именемъ Алексѣй“.

³⁰ Говоря о превод. Александрѣ, онъ выражается не иначе, какъ „преподобный отецъ нашъ Александръ“ (см. л. 126 прил. сп. и др.).

³¹ Ключевскій, стр. 300.

жему, идѣже и донныѣ Евфиміевъ монастырь, округъ же того мѣста блати и дебри непроходимы для челоука. И возлюбѣ преподобный Александръ мѣсто... созда себѣ келейцу малу“ (126 л.). Но услышавъ, что „имать быти не пустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ“ и, вѣроятно, изъ опасенія непріятныхъ столкновеній съ ними, „вниде ему помысль отъити оттуду... И отиде вдалѣе яко осмдесять и пять поприщъ въ ношѣи странѣ, близъ езера, глаголемаго Кубенскаго“ и поселился на рѣкѣ Куштѣ, „въ двухъ поприщахъ отъ озера на восточную страну солнечнаго восхода“, гдѣ уже равнѣ поселился другой подвижникъ, преподобный Евфимій, устроившій себѣ келію. Такимъ образомъ подвижники встрѣтились и нѣкоторое время жили вмѣстѣ. Но потомъ, „возлюбѣ преподобный отецъ нашъ Александръ мѣсто то на устроеніе пустынное и исповѣда помышленіе свое преподобному Евфимію. Преподобный Евфимій... по времени магѣ... даде ему келію, юже самъ созда, благослови его и самъ благословися отъ него и отиде въ предиреченную пустыню на Сянжему“. Здѣсь Евфимій создалъ церковь „во имя Пресвятыя Богородицы велію и прекрасну и украси ю иконами и книгами чуднѣи и поживе Евфимій лѣта довольно съ миромъ почи о Господѣ“.

Оставшись на Куштѣ преподобный Александръ вознамѣрился создать церковь и съ этою цѣлію предпринялъ путешествіе въ Ростовъ, къ архіепископу Діонисію, чтобы испросить его разрѣшеніе. Діонисій разрѣшилъ ему и снабдилъ всѣмъ необходимымъ на устроеніе пустынное³². Александръ по возвращеніи создалъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и освятилъ ее. Въ устройствѣ монастыря ему много помогала извѣстный благотворитель сѣверныхъ обителей—Заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ: „въ та времена владаше отчичною округъ езера великаго Кубенскаго князь Дмитрій и князь Симеонъ Ярославскіе. Слышавъ же христолюбивый князь Дмитрій, яко близъ его державства хочеть сей преподобный обитель воздвигнути, тогда даде ему потребная на созиданіе обители“³³. Дѣло благотворительности

³² Объ этомъ путешествіи св. Александра въ Діонисію сохранилась замѣтка и въ лѣтописи Пансія: „посемъ (послѣ прихода къ архіеп. Діонисію снменнаго ему Глушицкаго подвижника) прииде преждепомянутый ученикъ его Александръ, проси у его благословенія, хоти сотворити обитель на рѣкѣ на Куштѣ. Епискупъ же благослови его... дасть ему все потребная на устроеніе обители“. (Правосл. Собесѣд. 1861 г., т. I, стр. 206).

³³ Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ житіи преп. Іоасафа Каменскаго, сына по плоти этого князя Дмитрія. Біографъ его замѣчаетъ: „благовѣрный

раздѣляла съ княземъ и супруга его Марія, часто посылавшая преподобному „ово питія, ово яденія“. По смерти своего супруга, навсего въ г. Ярославѣ, въ битвѣ съ татарами, она часто приходила на богомолье въ Александрову пустыню. Преподобный предсказалъ ей кончину за двадцать дней. Съ теченіемъ времени самъ преподобный достигъ глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, призвалъ къ себѣ двухъ упомянутыхъ учениковъ своихъ Савватія и Симеона, передалъ имъ свое завѣщаніе о созданіи церкви во имя святаго Николая и указалъ для нея мѣсто. Преставился онъ 1439 года (жгѣмъ), 68 лѣтъ отъ роду. Ученики исполнили его завѣщаніе: создали церковь во имя св. Николая и въ день памяти его освятили ее.

Спустя нѣкоторое время послѣ преподобныхъ Діонисія Глушицкаго и Александра Куштскаго въ Спасо-Каменномъ монастырѣ принялъ постриженіе сынъ извѣстнаго благотворителя сѣверныхъ обителей Заверскаго князя Дмитрія Васильевича, князь Андрей Дмитріевичъ, въ иночествѣ Іоасафъ. Въ этихъ словахъ заключается почти все, что древность сохранила намъ объ этомъ подвижникѣ. Лѣтопись Памсіа къ этому прибавляетъ очень немногое. Она повѣствуетъ, что князь Андрей Дмитріевичъ принялъ постриженіе, имѣя отъ роду двѣнадцать лѣтъ, въ игуменство Кассіана²² и послѣ пятилѣтнихъ подвиговъ скончался. Что касается житія Іоасафа, то во всей массѣ агиографическихъ памятниковъ едва ли можно найти какое либо другое житіе болѣе

князь Дмитрій Васильевичъ не только сію (Діонисіеву) обитель устроить, но и подобно сей—Александрову новому, на рѣкѣ на Куштѣ, также села и деревни подаде многа на прекоризеніе братіи“. (Рки. Солов. библи. № 227, л. 8).

²² Вотъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ игуменѣ. Думаютъ, что онъ былъ постриженникъ Спасо-Каменнаго монастыря; долго жилъ въ Кирилловѣ еще при жизни его основателя, а съ 1448 года былъ Кирилловскимъ игуменомъ. Отсюда, вѣроятно, онъ былъ вызванъ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ и Московскимъ митрополитомъ Іоной, дважды посылавшими его къ Константинопольскому патріарху съ вопросами „о церковномъ исправленіи“. Послѣ исполненія этого порученія, онъ, по собственному желанію, былъ отпущенъ въ Каменный монастырь игуменомъ, въ которомъ и скончался при великомъ князѣ Іоаннѣ III. (Лѣтопись Памсіа Ярославова въ Правосл. Соб., 1861 г., т. I, стр. 210—211; благословенная грамота старцу Кассіану Ростовскаго архіепископа Ефрема отъ 11 апрѣля 1448 г. у Суворова, въ „Описаніи Спасо-Каменнаго монастыря“, въ Вологод. епарх. вѣдомостяхъ, 1871 г., № 2, стр. 46; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 319—320).

скудное, въ смыслѣ историческаго источника²³. Безъ опасенія впасть въ преувеличеніе можно сказать, что изслѣдователь едва-ли встрѣтитъ здѣсь хотя одинъ исторически-вѣрный фактъ, по отношенію къ житію преподобнаго Іоасафа. Содержаніе житія заключаетъ въ себѣ обширнѣйшія тирады, буквально списанныя съ другихъ житій, или сказанія апокрифическаго и легендарнаго характера. Если писатель, объявившій свое имя въ очень вычурной анаграммѣ²⁴, иногда и вставляетъ рассказы какъ будто съ историческимъ содержаніемъ, то эти рассказы, въ большинствѣ случаевъ, являются перепутанными и извращенными. Чтобы не быть голословнымъ послѣдуемъ за писателемъ и приведемъ нѣсколько образцовъ изъ составленной имъ біографіи.

Предисловіе авторъ списываетъ буквально частію съ Василіевой біографіи Евфросина Псковскаго²⁵, частію съ другихъ житій. Въ результатъ его дѣятельности получается слѣдующая неудоборазбимаемая путаница: „прежде насъ, пишетъ авторъ въ предисловіи, написана быша труды его (пр. Іоасафа) и хожденіе нѣкоимъ писателемъ, о имени его писаніе не изъяви“ (л. 4 по Соловец. сп.). Съ другой стороны, въ самомъ житіи писатель говоритъ: „многа лѣтъ трудихся о томъ (собраніи свѣдѣній о пр. Іоасафѣ) и отъ живущихъ тоя обители отцевъ вопрошахъ и отъ писанія увѣрихся: отъ прасвопаметнаго старца Памсея святаго Ярославова“ (л. 31). Здѣсь же нѣсколько выше онъ замѣчаетъ: „многа лѣта преидоша, отнели же сей блаженный бысть, даже и до днесъ о житіи его никтоже воспоминау“ (л. 29). Списывая

²³ Списки: рки. житіе Соловецкой библи. № 227; рки. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 144—169; рки. Павло-Обнорскаго монастыря (очень ветхая, безъ начала). Къ каждому списку, въ видѣ приложенія, присоединяется лѣтопись Памсіа. Начало предисловія: „Иже святое житіе пожившихъ и вѣру божественную сохранившихъ...“ Начало житія: „Сей благовѣрный и христовлюбивый князь Андрей Дмитріевичъ родиси отъ благовѣрнаго князя Дмитрія Васильевича Меньшого“.

²⁴ Вотъ эта анаграмма: „Аще хоцещи писателево имя увѣдѣти, и ты начатай свце и глаголи четверицею по паторицѣ и еще по паторицѣ, и тогда обрицещи одинъ безъ числа; и пакы шестерицею по паторицѣ, и еще шестерицею по паторицѣ, и пакы четверицею по паторицѣ, и тогда обрицещи съ десятицею и вторую десятицу, и тогда обрицещи съ сотицею закончаемый ерь; то писателево имя“ (л. 48 Соловец.).

²⁵ Ср. житіе Іоасафа № 227 (Солов. сп.), л. 1—6, съ житіемъ Евфросина (рки. той же библіотеки № 661/514, л. 522—526).

изъ Евфросінова житія похвальное слово Іоасафу⁸⁷), онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „радуѣся, иже по преставленіи своемъ къ Богу писателя въ недоумѣніи бывша о твоёмъ добродѣтельнымъ житіи, ты же съ наставникомъ своимъ, игуменомъ Кассіаномъ, и Пречистою Богородицею Маріею явленіемъ своимъ увѣрилъ еси“ (л. 54—55). И далѣе: „ты же о невѣдомѣй тайнѣ столпа философа, мнѣніемъ превозносящася, посрамилъ еси“.

Такіе же приемы употребляетъ авторъ при составленіи и самаго житія. Здѣсь также часто приходится встрѣчаться съ болѣе или менѣе обширными выдержками изъ житія Макарія Калязинскаго⁸⁸), Стефана Махрищскаго⁸⁹) и другихъ. Эти выписки чередуются въ житіи съ сказаніями слѣдующаго содержанія: (св. Іоасафъ) „великій подвигоположникъ бысть... поминая молитву св. Іоанна Златоустаго, въ ней же писа снѣ: аще кто сію молитву глаголетъ, яко изъ позри дыханія по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій, по другомъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый, по третьемъ лѣтѣ вселится въ него Отецъ Небесный и вшедъ въ его обитель въ немъ сотворитъ св. Троица и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву и начнетъ клицати безпрестави день и ночь и будетъ свободенъ всѣхъ сѣтей вражнихъ“ (л. 20). Въ другомъ мѣстѣ авторъ описываетъ бесѣду пр. Іоасафа со Спасомъ: „во единъ убо отъ двій, сѣдѣшу Іоасафови во своей келліи и божественную пѣснь во устѣхъ имѣюще, явился ему Спасъ. Миръ тебѣ глагола, возлюбленному угоднику моему Іоасафу. Онъ возставъ, страхомъ и трепетомъ одержимъ, Христе человѣколюбче Спасе, рече, что о мнѣ мнится, Владыко, Твоей благодати? Кака вина Твоему схожденію? Онъ рече: зриши-ли пустыни сѣя, елико должину и широту имать, тебѣ ради славящихъ имя Мое исполню пустынники... Іоасафъ падъ на земли рекъ: Владыко Господи... молю же Ты Твоей благодати разумѣти, откуда будетъ потреба нужнымъ, подвижающимся въ ней? Спасъ-же рече: вѣру имъ, яко истинну рекъ... Азъ промышленіе о тѣхъ имѣю. Таже рече божественный Іоасафъ: како хотя удобъ сѣти вражя пренти и лютаго искушенія? Спасъ же рече: аще Моя заповѣди соблюдутъ, не точію

⁸⁷ Ср. житіе Іоасафа, № 227, л. 49—58, съ житіемъ Евфросіна Псковскаго, № 661/614, л. 634 (по Соловец. сп.).

⁸⁸ Ср. л. 13—14 житія Іоасафа съ житіемъ Макарія Калязинскаго, рип. Соловец. библ., № 629/511, л. 168.

⁸⁹ Ср. л. 29—30 житія Іоасафа и 357 л. житія Стефана Махрищскаго (рип. Соловец. библ. № 586, Анзер. 79).

уготованнымъ бранемъ и лукавыхъ навѣтъ, превыше тѣхъ сотворю, но и царствію небесному и вѣчныхъ жилищъ наслѣдники сотворю. Сія рекъ, Спасъ со славою възде на небеса“ (л. 24). Далѣе авторская фантазія переносится на небеса и созерцаетъ, какъ св. Іоасафъ „на молитвѣ убо ставъ яко крилоша обрѣтеса на небесѣхъ. Прежде убо красная райская зряще, исполненъ веселіемъ. Потомъ же превѣчную церковь на небесѣхъ узрѣвъ, пищи невещественнѣй причащася“ (л. 28). Должно быть такое „плетеніе словесъ“ и самому писателю казалось невѣроятнымъ, а потому онъ счелъ нужнымъ въ своему повѣствованію присовокупить такое послѣсловіе „да не мнитъ мя кто, яко не истинну пишуща: обычай бо есть невѣрію пользу погубляти“ (л. 29). Въ своемъ увлеченіи, наконецъ, онъ доходитъ до того, что выписывая откуда-то извѣстіе: „се уже въ лѣта *сѣне* (1477) совершающуся по преставленіи святаго, (чудеса преподобнаго Іоасафа) не отъ кого же переписаны быша“ (л. 38), онъ какъ будто и не замѣчаетъ грубой хронологической ошибки по отношенію къ своему времени, ибо его первоисточники, а въ томъ числѣ и лѣтописъ Паисія, по происхожденію своему, относятся къ болѣе позднему времени. Въ житіи, какъ на источникъ, онъ, между прочимъ, ссылается на старцевъ Каменнаго монастыря, но, кромѣ сказанія Паисія, и двухъ-трехъ замѣчаній о родителяхъ Іоасафа (л. 7—9), о его постриженіи и посѣщеніи его дядею—княземъ Борисомъ Васильевичемъ Ржевскимъ (л. 24—26), болѣе у него ничего не находимъ. Вдобавокъ, и эти свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, являются или искаженными или прямо ложными. Такъ, по сказанію житія, Андрей-Іоасафъ внукъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (л. 2), а по сказанію лѣтописи Паисія и житія преподобнаго Александра Кушскаго—внукъ князя Василія Ярославскаго⁹⁰). Житіе повѣствуетъ, что Андрей прежде иночества женился и одинъ годъ жилъ съ женой (л. 7), лѣтописъ же говоритъ, что онъ постригся еще двѣнадцатилѣтнимъ (л. 210). Наконецъ, житіе сообщаетъ, что юный князь-инокъ, послѣ своего постриженія, былъ порученъ иноческому воспитанію старца Григорія, „иже послѣди бысть епископъ Ростову“ (л. 16), но Григорій умеръ за долго еще до рожденія Андрея, въ 1416 году.

Итакъ, въ біографіи преподобнаго Іоасафа приходится ограничиться тѣми краткими свѣдѣніями, заключающимися въ лѣтописи Паисія Ярославова, которыя мы сообщили въ началѣ настоящаго обзорѣнія.

⁹⁰ Такого же мнѣнія держится и Карамзинъ, И. Г. Р., т. IV, прим. 160.

Продолжателемъ дѣла сѣверныхъ подвижниковъ въ окрестностяхъ страны, омываемой водами озерами Кубенскаго, явился св. Григорій Нельшемскій, бывший нѣкоторое время въ числѣ учениковъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго. Сохранившееся до насъ, сравнительно обильное въ фактическомъ отношеніи, житіе этого подвижника страдаетъ разнорѣчіями въ двухъ различныхъ редакціяхъ, темнотою и спутанностію хронологическихъ данныхъ⁴²). Во второй редакціи разсказъ о погребеніи святаго начинается такимъ образомъ: „бѣ нѣкій мнихъ, именемъ Тихонъ; сей бѣ имѣя воспріятіе своего постриженія въ его (пр. Григорія) обители. Сей повѣда, глаголя сице: еще сущи ми въ монастырѣ пребывающу... и служа рабу Божию, именемъ Григорію“... и далѣе начинается разсказъ о преставленіи святаго. На основаніи этого можно думать, пишетъ проф. Ключевскій, что и все житіе Григорія написано или въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка⁴³). С писатель остался не извѣстенъ. Сходство въ разсказѣ житія о пребываніи преподобнаго Григорія въ Сосновцѣ съ такимъ же разсказомъ въ житіи пр. Діонисія Глушицкаго навело архіепископа Фила-

⁴² Одна редакція (первая по Ключевскому, см. указ. соч., стр. 196) въ рли сборникѣ Вологодскаго кафедр. собора, № 3, л. 210—225, съ предисловіемъ, но безъ похв. слова. Начало предисловія: „Добро и полезно зѣло, иже божественныхъ мужъ житія почитати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярска роду родися сей св. отрокъ Григорій“. Другая редакція въ Макарьевскихъ Четьи-Минейхъ, изданныхъ Археографическою комиссіею, за 30 сентябри. Это вторая редакція, по Ключевскому. Въ его обозначеніи редакцій замѣчается, впрочемъ, очевидная ошибка. Первою редакціею онъ считаетъ редакцію Макарьевскихъ Четьи-Миней, второю—Милютинскихъ. Но изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что на самомъ дѣлѣ за первую редакцію онъ принимаетъ Милютинскую. „Вторая редакція, по его словамъ, имѣетъ нѣкоторыя фактическія черты, которыя или опущены въ первой или прямо противорѣчатъ ей: къ нимъ относится замѣчаніе о лѣтахъ жизни Григорія и о томъ, что кончина святаго описана со словъ инока Тихона, который прежде служилъ Григорію, а по смерти его постригся въ Нельшемскомъ монастырѣ“ (Ключевскій, стр. 196). Но это, какъ можно судить на основаніи изданія Археографической комиссіи, признаки редакціи Макарьевскихъ, а не Милютинскихъ Четьи-Миней. Начало предисловія второй (Макарьевской) редакціи: „Добро убо и полезно зѣло, иже божественныхъ мужей житіе повѣствовать“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ благочестиваго кореня, въ разцвѣтѣ добродѣтели розга“. Первая редакція—краткая, фактически болѣе основательная, чѣмъ вторая, впадающая иногда въ противорѣчіе сама съ собою.

⁴³ Ключевскій, стр. 196.

рета на предположеніе что писателемъ и Григоріева житія былъ Глушицкій инокъ Принархъ—авторъ житія пр. Діонисія⁴⁴). Но это, какъ замѣчаетъ г. Ключевскій, свидѣтельствуется о томъ только, что у послѣдняго заимствованъ этотъ разсказъ писателемъ житія преподобнаго Григорія⁴⁵).

Авторъ очень мало знаетъ о жизни Григорія до его постриженія. „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярска роду родися сей святой отрокъ Григорій... И бысть святой 15 лѣтъ и восхотѣ родители его сочетати браку, онъ же не повиновася совѣту родителей своихъ... и потомъ... времени мало минувшу, родители святаго преставишася“ (л. 211 по списку первой ред.). Вотъ все, что сообщается здѣсь за этотъ періодъ жизни преподобнаго. По смерти родителей, онъ захотѣлъ сдѣлаться инокомъ и съ этою цѣлію „восходитъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы, въ Галицкой державѣ, близъ езера“. Здѣсь, вскорѣ послѣ своего постриженія⁴⁶), онъ „сподобляется и священства санъ пріяти“. Скоро, однако, одно обстоятельство заставило Григорія удалиться отсюда. Это обстоятельство, по разсказу его біографа, заключалось въ томъ, что пребываніе Григорія здѣсь стало извѣстно „сродивкомъ его и всѣмъ вельможамъ Галицкой земли и онъ сдѣлался предметомъ празднаго любопытства. Велѣдѣніе этого онъ оставилъ монастырь и удалился „къ полуденной странѣ, во градъ Ростовъ, въ монастырь преподобнаго Авраамія“. Не по мнозѣ времени, правящу апостольскій престолъ града Ростова архіепископу Діонисію (знаемъ бѣ отъ святителя преподобный)... придоша мниси того-же града Ростова отъ Всемилостиваго Спаса съ песку къ архіепископу Діонисію архимандрита просити во свой монастырь. Архіепископъ же Діонисій пача увѣщевати преподобнаго Григорія на архимандритію (л. 213). Послѣдній и былъ поставленъ⁴⁷).

⁴⁴ Обзоръ русской духовной литературы, I, § 154.

⁴⁵ Ключевскій, стр. 197.

⁴⁶ Вторая редакція мѣстомъ постриженія Григорія считаетъ монастырь преподобнаго Макарія Желтоводскаго, который будто бы собственноручно и совершилъ его постриженіе. Но въ этомъ случаѣ она противорѣчитъ и себѣ самой; по ея разсказу преподобный Григорій преставился 1449 г., 127 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно за долго еще до рожденія Макарія. См. у Ключевскаго, стр. 197.

⁴⁷ Въ изложеніи біографическихъ свѣдѣній о преподобномъ Григоріи мы слѣдуемъ первой редакціи. Параллельный разсказъ второй редакціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Сшедъ отъ родителей своихъ, отъ дому отца

Но и здѣсь, однако, недолго оставался преподобный Григорій: „по-
живъ два лѣта въ монастырѣ томъ... утаивъ всѣхъ изыде ноцію и
оттолѣ устремивъ къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студеного моря
окіана... И приде преподобный во градъ Вологду... и около града
исходивше непроходимая пустыня и лѣсы, иже прилежаху граду Во-
логдѣ... приде къ преподобному Діонисію Глушицкому и моли пре-
подобнаго дати ему келлію... и даде ему (пр. Діонисій) келлію, идѣже
созда церковь, на полуденной странѣ отъ большія лавры, въ пустыни,
иже зовома Сосновецъ“ (214 л.)⁴⁰). Дальнѣйшій рассказъ о преподоб-
номъ—о пребываніи его въ Сосновцѣ, объ отставленіи обители Діони-
сія и отшествіи на Пельшму, какъ уже мы замѣтили, заимствованъ
здѣсь изъ житія Глушицкаго подвижника, такъ что снова приводитъ
его здѣсь было-бы повтореніемъ. Оставивъ Сосновецъ, преподобный
Григорій избралъ новое мѣсто для своихъ подвиговъ, „отъ града Вологды
далѣе 30 поприщъ, а отъ великія рѣки Сухопы—три поприща“, на
рѣчкѣ Пельшмѣ⁴¹). Вскорѣ по приходѣ сюда стала стекаться къ нему

своего (а не по смерти ихъ, какъ повѣствуетъ первая редакція) иде въ мона-
стырь ко игумену Макарію, зовомо Желтоводскій... Игуменъ Макарій возложи
на нѣ инокескій образъ... Здѣсь же, какъ будто, онъ принимаетъ и санъ свя-
щенства. Потомъ преподобный сдѣлался игуменомъ „у святыхъ Богородицы чест-
наго ея рождества, близъ езера“. Между прочимъ замѣчаетъ эта редакція, что
во время игуменства въ этомъ монастырѣ преподобный Григорій сдѣлался извѣ-
стнымъ князю Юрію Дмитріевичу, отъ котораго „и умоленъ бывъ, да просвѣ-
титъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія. И пронесся слава о немъ
и до самаго великаго князя Василя Дмитріевича“; онъ призываетъ его къ себѣ
„благословенія ради... и того умоли быти архимандритомъ Ростову граду, бла-
гословеніемъ архіепископа Григорія, въ лѣто 6902 (1394)“. По при изложеніи
біографіи преподобнаго Діонисія Глушицкаго мы упоминали, что въ спискѣ Ро-
стовскихъ архіереевъ у графа М. Толстаго („Древнія святини Ростова великаго“)
имени Григорія за это время не встрѣчается.

⁴⁰ Вторая редакція здѣсь опять расходится съ первой. По ея рассказу
поставленіе Григорія въ санъ архимандрита совершилось въ 1394 году, а от-
шествіе Григорія на Глушину—въ 1412 году. Между тѣмъ, по рассказу первой
редакціи преподобный оставался архимандритомъ только два года. Сопоставляя
послѣднее извѣстіе съ годами архіепископства въ Ростовѣ Діонисія Снятогорца
(1418—1425), поставившаго Григорія на архимандритію, мы приходимъ къ вы-
воду, что отшествіе Григорія изъ Ростова въ Вологодскіе предѣлы совершилось
не ранѣе двадцатыхъ годовъ XV столѣтія.

⁴¹ По рассказу второй редакціи время оставленія препод. Григоріемъ Діо-
нисіева монастыря и прихода на Пельшму относятся къ 1422 г.

братія. „Времени же малу минувшу, приде къ нему нѣкій человекъ,
а саномъ попъ, именемъ Алексій... и моли преподобнаго, да облечетъ
его во ангельскій чинъ. Преподобный же постриже его и нарече ему
имя Александръ и по преставленіи преподобнаго бысть игуменъ мѣсту
тому. И потомъ начаша приходити къ нему овогда единъ, иногда же
два“. Такимъ образомъ собралась братія и преподобный сталъ забо-
титься о созданіи монастыря. „По времени же нѣкоемъ, замѣчаетъ
біографъ, посла нѣкоего отъ братіи къ христілюбивому мужу, име-
немъ Мартину и нѣмъ... моля ихъ, да пошлютъ дѣлатель своихъ въ
пустыню къ преподобному помощи“. Дѣлатели расчистили мѣсто для
монастырскаго строенія и создали келліи для иноковъ. Потомъ при-
ступлено было къ устройству церкви. „Въ лѣто 7014 (1426), въ то
время содержай апостольскій престолъ града Ростова архіепископъ
Ефремъ⁴²), приде къ нему преподобный благословеніе пріяти о со-
ставленіи обители“. Испросивъ благословеніе, преподобный въ томъ
же 1426 году⁴³) „созда церковь во имя Пресвятыя Богородицы,
честнаго ея собора и поставляетъ трапезу и вся, елика потребна суть
братіи“. Когда церковь была устроена къ преподобному пришелъ на
посѣщеніе бывшій его учитель—св. Діонисій. Онъ привнесъ съ собою
„образа Господни и книгу, глаголемую Прологъ“, освятилъ новосоз-
данную церковь и ушелъ въ свой монастырь.

Послѣ посѣщенія Діонисіемъ преподобнаго Григорія, вторая ре-
дакція передаетъ весьма замѣчательный рассказъ изъ жизни послѣд-
няго. Въ лѣто 6939 (1431), по нѣкоемъ времени, шедшу блаженному
въ славный градъ Москву, тогда бо власть пріимшу великаго княже-
нія Юрію Дмитріевичу, а князю Василю Васильевичу градъ Коломна,
завсѣе зависти ради изгнаша его, и глагола ему блаженный: „о княже
Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. не по Божіему строенію хо-
щещи власть пріяти“. Князь Юрій, послушавъ преподобнаго, „отъиде
на отца своего благословеніе въ Галичъ“⁴⁴).

Обѣ редакціи, затѣмъ, передаютъ слѣдующій подобный же фактъ
изъ жизни Пельшемскаго подвижника: „въ лѣта 7014 (1430) приде

⁴² Въ спискѣ ростовскихъ архіереевъ графа М. Толстаго посвященіе Еф-
рема во епископы отнесено къ 1427 году. Указ. соч., стр. 72.

⁴³ Въ опредѣленіи года основанія церкви обѣ редакціи, наконецъ, согла-
шаются.

⁴⁴ Этотъ рассказъ, а равно и послѣдующій—объ увѣщаніи преподобнымъ
Григоріемъ Шемяки, опустошавшаго Вологодскіе предѣлы, приводитъ въ своей
„Исторіи Россіи“ С. М. Соловьевъ, ч. IV, стр. 317—318.

князь Димитрій Юрьевичъ въ зимнее время съ силою многою и около града Вологды села воеваша и христіанство губяще, а градскимъ людемъ во градѣ сѣдящимъ въ осаду и не смѣху съ княземъ братися. Православное христіанство мнози побіени быша воинствомъ князя того немилостиваго: овѣи голодомъ умроша, инѣи мразомъ померзоста и мнози безвѣстно погибоста и разыдошася. Придоша же много христіанъ въ монастырь къ преподобному Григорію и жиша дни мнози, питашеся отъ монастырскихъ пищъ... И видя святой въ толицѣ бѣдѣ суща христіанство... возьмъ жезлъ свой и скоро пде ко князю и моля князя, глагола ему не обинуяся, не бояхся ярости князя¹³. Вотъ какъ передается этотъ разговоръ преподобнаго съ Шемякою въ первой редакціи: „о княже Димитріе, нѣси-ли челъ божественнаго писанія: безъ милости судъ не сотворшимъ милости. И рече князь блаженному — кіа? Святой же нача глаголати князю жестокая: не своя дѣла, княже, твориши, но поганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предають воинство твое, и аще, княже, не останешися отъ таковаго кровопролитія, то вскорѣ отпадеши славы и княженія своего отщетишися“... (л. 220). „Слышавъ глаголы сія, князь възарися на блаженнаго и повелъ его съ мосту ринути... Преподобный же, лежавъ на земли многъ часъ, еле живъ воставъ... поиде въ пустыню свою“. Вскорѣ послѣ этого преподобный впалъ „въ сосуды смертныя“ и преставился, 1449 года 30 сентября, 127 лѣтъ отъ роду, передавъ игуменство свое ученику своему Александру. „Князь же Диматрій Юрьевичъ вскорѣ повелъ всему воинству своему собратися и отыдоша въ Галичъ и тамъ побіени быша“ (л. 221)¹⁴.

¹³ Относительно этого разсказа о ходатайствѣ преподобнаго предъ Шемякою прежде всего должно замѣтить, что хронологія его въ первой редакціи не вѣрна. (Вторая редакція избѣгаетъ въ этомъ случаѣ хронологической точности и выражается обще: „въ тѣ лѣта“). Профессоръ Ключевскій по поводу этой неточности замѣчаетъ слѣдующее: „другое заимствование изъ этого житія (преп. Димитрія Прилуцкаго) даетъ новый образчикъ путаницы, какую вносили редакторы въ составленные ими біографіи. Біографъ Григорія передаетъ любопытный для исторіи правопъ разсказъ о ходатайствѣ святаго предъ Димитріемъ Шемякой на гологоланъ, разоренныхъ войсками князя. Этотъ разсказъ поставленъ здѣсь въ связь съ извѣстными изъ житія Димитрія извѣстіемъ о нападеніи Шемяки зимой на Вологду. Изъ подробностей этого разсказа видно, что рѣчь идетъ о событіи, описанномъ въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ, слѣдовательно уже случившемся послѣ смерти Григорія“ (Указ. соч., стр. 197—198). Нельзя отрицать, что разсказъ о нападении Шемяки на Вологду вымыселъ изъ житія преп.

ГЛАВА IV.

Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго: святыя Сергій Нуромскій, Павелъ Обнорскій и Арсеній Комельскій.

Далѣе, исторія монастырской колонизаціи переноситъ насъ съ сѣвера въ южныя предѣлы Вологодскаго края, въ область глухихъ лѣсовъ и пустынь, среди которыхъ протекають рѣчки Нурма и Комела. Рядъ подвижниковъ, основавшихъ монастырскія общины въ этихъ

Димитрія Прилуцкаго. Но нужно имѣть въ виду и то, что во многихъ, болѣе раннихъ, редакціяхъ житія Димитрія, вслѣдъ за разсказомъ о разграбленіи войсками вѣроломнаго князя окрестностей Вологды дѣлается замѣчаніе и о приходѣ въ нему преподобнаго Григорія: „слышавъ же сіе преподобный отецъ нашъ Григорій игуменъ, иже на Пельшмѣ рѣцѣ (еще бо живъ бѣ тогда), по ревности за христіанство распалиемъ, скоро приде ко граду и много съ прещеніемъ и обличеніемъ наказавъ сего князя Димитрія о злобѣ его на христіаны, яко за сіе (глагола) имаша погибнути. И нестерпѣ обличенія его князь и повелъ его съ мосту въ ровъ низринуть“ (См. списокъ Димитріевской Авнежской церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 и др.). Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, едва ли профессоръ не ошибается, увѣряя, что нашествіе Шемяки на Вологду описано въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ. Несомнѣнно, что въ IV-й Новгородской лѣтописи это событіе отнесено къ болѣе раннему времени. Здѣсь читаемъ: „Въ лѣто 6956 (1448) великій князь Василій (Темный) выѣже въ Тверь и приѣхаша къ нему князи, и бояре, и татары; и слышавъ князь Димитрій и князь Иванъ Можайскій и выѣхаша за Волгу—въ Галичъ и на Кострому и на Вологду“. Едва ли говорить въ пользу мнѣнія профессора и другія лѣтописи, напримѣръ, въ Воскресенской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „въ лѣто 6958 (1450) ходилъ князь великій на князя Димитрія, хотя иди къ Галичу и бысть ему вѣсть, что Димитрій пошелъ къ Вологдѣ и князь великій поиде на Иледи на Обнору. Бывшу же ему у Никола на Обнорѣ, приде вѣсть, что опять (Шемяка) воротился къ Галичу“... Князь пошелъ туда и 28 января одержалъ надъ нимъ побѣду. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, ч. VIII, стр. 122. Ср. Софійск. вторая лѣтопись, ч. VI, стр. 178). Такимъ образомъ здѣсь 1450 годъ несомнѣнно относится къ побѣдѣ Василія надъ Шемякою подъ стѣнами Галича, о чемъ со всею ясностію говоритъ Софійская первая лѣтопись (ч. V, стр. 270), а не къ разграбленію Вологды войсками Шемяки, которое, безъ сомнѣнія, случилось ранѣе 1450 года, ибо въ январѣ этого года князь успѣлъ только догнать Шемяку у Галича. Дѣйствительно, въ Вологодскомъ лѣтописцѣ нашествіе Шемяки на Вологду отнесено къ 1448 году. Поэтому, нашъ взглядъ въ этомъ разсказѣ не можетъ быть противорѣчнъ житію, по сказанію котораго преподобный преставился 1449 года 30 сентября. Что касается того соображенія

ходить къ нему... овін и въ тѣлесныхъ потребная прилошаху ему. Мнози же и отъ обителей иноци приходяху къ нему и съ жители бываху" (л. 46). Съ собраніемъ братіи явилась нужда въ устройствѣ обители: „братіи же числомъ исполняющимся чотыредесати и церкви же не бѣ тогда на собраніе молитвенное и келій нѣсть. Блаженный же не бѣ тогда на собраніе молитвенное и келій нѣсть. Блаженный нача злати церкви и келіи и воздвиге церковь во имя Всемилющаго Спаса и келіи постави и обитель возгради“.

Между тѣмъ какъ Сергій трудился надъ созиданіемъ Нуромской обители, въблизи его подвизался преподобный Павелъ Обнорскій. „Въ то время великому отцу нашему Павлу единственное житіе проходящу во внутренней пустыни на той же рѣцѣ Нурмѣ, отъ той же пресловущей лавры Россійскаго свѣтила Сергіева монастыря прииде великій Павелъ“ и поселился въ двухъ поприщахъ отъ обители преподобнаго Сергія. „Баше же великій Павелъ съ преподобнымъ Сергіемъ собесѣдники... и приходяста другъ ко другу. Баше бо преподобный Сергій великому Павлу духовный отецъ... Иногда же, пришедшему сему святому Сергію ко отцу нашему Павлу и обрѣте великаго Павла въ келіи стояща, кормяща изъ рукъ птицы: множество малыхъ птицъ сѣдаше на главѣ преподобнаго Павла и на плечахъ его. Вкупѣ же предстояху ему и великій звѣрь, еже глаголется медвѣдь и лисица съ зайцемъ“. Вскорѣ и преподобный Павелъ, подобно Сергію, началъ „братію приняти и строити монастырь и церковь во имя Троицы“. Между тѣмъ преподобный Сергій достигъ уже глубокой старости и въ 1413 (лѣтка) году преставился. По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ его кончины были обрѣтены его мощи по указанію нѣкоего старца Никифора.

Нѣсколько ранѣ житія Нуромскаго подвижника составлена біографія его друга и собесѣдника преподобнаго Павла Обнорскаго. Въ числѣ чудесъ болѣе позднихъ списковъ житія Павлова помѣщено чудо обрѣтенія мощей преподобнаго, которое совершилось въ 1546 году, при игуменѣ Протасіѣ¹. Болѣе же ранніе списки, не содержащіе въ себѣ этого разсказа, по мнѣнію профессора Ключевскаго², мо-

¹ Таковы списки: въ ркп. сборникѣ Прилуцкой бібліотеки № 37/36, л. 74—122; въ сборникѣ Вологодскаго кафедр. собора № 3, л. 122—170. Начало предисловія: „Иже изрядныхъ мужей житія полагати... Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Павелъ родися отъ благородныхъ и благочестиву родителю“.

² Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 271.

гутъ быть отнесены къ началу XVI столѣтія³. Относительно личности біографа можно сказать только то, что онъ былъ однимъ изъ позднѣйшихъ проковъ Павлова монастыря. Объ этомъ говорятъ слѣдующія его выраженія: „духовный праздникъ составимъ, достойную честь, яко ученици учителю воздающе“ (№ 819, л. 233); „уподобимся отцемъ нашимъ, каковымъ жестокимъ житіемъ сѣдоша здѣ безмолвіемъ“ (№ 818, л. 417) и другія. Біографъ, какъ видно, не засталъ въ монастырѣ и очевидцевъ святаго: „не отъ слышанія токмо приємъ, замѣчаетъ онъ въ своемъ предисловіи, но и многихъ получивъ, иже о ономъ списавъ, яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго, и отъ иныхъ многихъ, слышавшихъ о житіи святаго“ (№ 819, л. 232). На основаніи такихъ источниковъ онъ могъ создать скудную своимъ содержаніемъ біографію, обильную общими типическими мѣстами.

Преподобный Павелъ родился въ Москвѣ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, въ домѣ которыхъ и провелъ свое дѣтство. Когда достигъ возраста, родители его вознамѣрились „законному браку сочетати“, но онъ воспротивился ихъ намѣренію и „оставляя родителя... въ двадцать второе своего возраста лѣто... всѣхъ утаився, отъиде и достиже обители Рождества Христова на рѣцѣ Волзѣ и въ томъ монастыри воспріятъ на ся ангельскій образъ“. Вѣроятно, не долго онъ оставался здѣсь. Услышавъ, что преподобный Сергій основалъ свою обитель въ окрестностяхъ Москвы, онъ удалился къ нему. Здѣсь сначала онъ проходилъ монастырскія службы въ поварнѣ и хлѣбопецицѣ. Спустя нѣкоторое время, испросивъ благословеніе преподобнаго Сергія, св. Павелъ „отъиде вдалѣ отъ монастыря во отходную келію и пребысть въ ней лѣтъ пятнадцать“. Когда мѣсто его уединенія было открыто, онъ снова возвратился къ Сергію и просилъ его „да благословитъ жити въ пустынѣ“. Получивъ въ благословеніе мѣдный крестъ изъ рукъ своего учителя, и до сихъ поръ хранящійся въ Павловой обители, преподобный, въ своихъ иноческихъ стремленіяхъ, предпринялъ цѣлый рядъ странствованій по монастырямъ и пустынямъ русскаго сѣвера. Относительно этого періода жизни преподобнаго указанная нами редакція замѣчаетъ общее: „во многихъ пустыняхъ живяше лѣта довольно“. Но другая, краткая редакція, составленная, по мнѣнію В. О. Ключевскаго⁴, скорѣ послѣ первой, т. е. около половины XVI столѣтія, сообщаетъ въ этомъ слу-

³ Таковы Соловецкіе списки въ Четьи-Минейныхъ сборникахъ: № 818, л. 386—434, и № 819, л. 230—266.

⁴ Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 272.

чаѣ любопытныя подробности. Въ указанномъ мѣстѣ редація эта по рукописному и печатному прологу⁶ читается такимъ образомъ. Оставивъ обитель Сергія, преподобный Павелъ „абіе прииде въ обитель Пречистыя Богородицы и къ преподобному Кириллу Бѣлозерскому и тамо во отходной келліи пребываше. И посемъ прииде на Одромъ рѣку и ту пребывъ мало во отшествіи. И отъ того мѣста прииде въ Галичъ и въ велицей пустыни у Пречистыя Богородицы живяще во отшествіи. И отъ того мѣста изгнанъ бысть игуменомъ того монастыря и накі отиде на Городецъ и на низу у св. мученика Θεодора во обители пребываше. И оттолѣ во иныхъ мѣстѣхъ пустыхъ живяше святыи лѣта довольно“⁷. Можетъ быть, въ числѣ этихъ „иныхъ пустыхъ мѣстъ“ разумѣются и окрестности Глушицкаго монастыря, въ которыхъ около этого времени жилъ какой то пустынножитель Павелъ, какъ сообщаетъ о томъ житіе преподобнаго Діонисія.

Послѣ этихъ путешествій преподобный Павелъ, пришелъ „на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и обрѣте липу дупляну, поживе въ ней три лѣта“. Потомъ онъ поселился на берегахъ Обноры, построилъ себѣ келлію и выкопалъ колодезь. Въ этомъ мѣстѣ онъ уже подвизался до конца жизни среди звѣрей и пернатыхъ. „Звѣри дивни, замѣчаетъ его біографъ, человѣкоядцы суще и ядовити, приходящу къ нему. Яко и великій звѣрь уена (=медвѣдь) и лисица со зайцемъ вкушѣ къ нему приходяще, пищу пріймаху“. Здѣсь стала стекаться къ преподобному братія и онъ сталъ заботиться объ устройствѣ монастыря. Прежде всего онъ предпринялъ путешествіи въ Москву, къ митрополиту Фотію, испрашивая его разрѣшенія на созданіе обители. Фотій сначала сурово принялъ подвижника; „митрополитъ же не внимаше словесѣмъ преподобнаго, но и жестока пѣкая глагола ему“. Но потомъ, „услаженный соннымъ видѣніемъ, онъ приказалъ отыскать ушедшаго старца и далъ ему свое разрѣшеніе, а при отшествіи святаго на обратный путь далъ ему на монастырь милостивую доволну „и ризу съ себе даде ему“. Отправляясь въ Москву, преподобный взялъ съ собою одного изъ учениковъ своихъ, именемъ Алексія“, который, по его просьбѣ, рукоположенъ былъ Фотіемъ въ санъ пресвитера. По возвращеніи на Обнору, преподобный создалъ церковь во имя св. Троицы и устроилъ монастырь. Митропо-

⁶ См. у архіепископа Филарета, Русскіе святые, январь, примѣч. 49.

⁷ Печатный Прологъ, 10 января.

⁸ О немъ, какъ ранѣе замѣчено, упоминаетъ біографъ преп. Сергія Нурожскаго, какъ очевидецъ и свидѣтель жизни этого подвижника.

литъ Фотій по просьбѣ преподобнаго, послалъ для новосозданной церкви антиминсъ, вмѣстѣ съ поучительной грамотой, въ которой наставлялъ „какъ подобаетъ быти строящу человѣческія души“⁹. Вышеупомянутый Алексій сдѣлался священникомъ новоустроенной церкви и первымъ игуменомъ Павлова монастыря. Самъ же преподобный, какъ сообщаетъ вторая редація, отказался отъ игуменства и пребывалъ въ затворѣ, въ своей отходной келліи¹⁰. Когда собралось въ монастырь „братіи довольно“, преподобный „общее житіе составляетъ и законоположенія предаетъ по древнихъ св. отецъ преданію. И заповѣда всей братіи коемуждо еже въ келліяхъ ничтоже веляше имѣти, ниже своимъ звати, но вся обща имѣти, тѣмъ же сребро и прочая вся избыточная стяжанія отнюдь въ братіи не именовашеся, кромѣ монастырскія казны. Отуду бо вся, яже къ потребѣ, братія имяху, по завѣщанію Великаго Василия и прочихъ св. отецъ повелѣнію. Каждую же аще кто одержимъ бываше, въ трапезу идяху; хлѣбъ же и ина снѣдная и питіе каково никакоже въ келліи не обрѣташеся ни у кого же, кромѣ руки умыти вода. И аще кому случашеся пріити брату въ келлію, ничтоже въ ней баше видѣти, развѣ иконы или книги... Заповѣда имъ преподобный смиреніемъ и любовію превосходить другъ друга, первѣе на пѣніи въ церкви обрѣтиса, не веляше бесѣдовать въ церкви и на обѣдѣ ядущимъ братіи... и никого-же баше слышати, токмо чтеца единого. По обѣдѣ же и по вечерни никтоже въ иногу келлію приходитъ... такожде и обходить не веляше и тошты творити, ниже другъ съ другомъ стояти празднословити... и въ рукодѣліи повелѣ комуждо тружdatися... овѣмъ отъ нихъ въ сокальници повелѣ быти и помогати служащимъ, овѣмъ же въ трапезной службѣ. Заповѣда всѣмъ братіямъ, сущимъ въ дѣлѣ, не празднословити никогда же, но съ молитвою дѣло творити... Тѣмъ же умѣющимъ рукодѣліе и дѣлающимъ, то въ казну отношаху, себѣ же ничтоже безъ благословенія никтоже дѣлаше... Питіе пѣанственнаго отнюдь весьма никакого же въ монастыри обрѣтатися повелѣ... Аще ли кто пѣчто иметъ изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонялъ такового“. Изнуренный подвигами и достигшій мастиной старости Обнорскій подвижникъ въ 1329 году (ѡѡѡѡ) преставился, 112 лѣтъ роду.

Заключая свое повѣствованіе о жизни преподобнаго, біографъ замѣчаетъ: „сиде бысть жизнь его: двадесати дву лѣту отъ рожденія

⁹ Она издана въ „Русской исторической бібліотекѣ“, т. VI, стр. 487—491.

¹⁰ Печатный Прологъ, 10 января.

его прише во иноческий чинъ, по разнымъ пустынямъ въ безмолвіи поживе лѣтъ 50, въ томъ же святѣмъ своемъ монастыри пребысть лѣтъ 40¹⁰.

Вмѣстѣ съ Нурмою мѣстомъ иноческой колонизаціи служила другая сосѣдняя рѣчка—*Комела*, имя которой увѣковѣчилось въ житіи трехъ подвижниковъ: Арсенія, Иннокентія и Корнилія.

Біографъ преподобнаго Арсенія, въ концѣ своего труда, въ небольшомъ предисловіи къ разсказу о чудесахъ, сообщаетъ слѣдующія извѣстія касательно его происхожденія: „въ лѣто 734 (1597) во обители святаго (Арсенія) погорѣ церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, ея же блаженный Арсеній самъ, телѣснѣ еще живъ сый, благослови по общанію воздвигнути, церкви же той сгорѣвши со всѣмъ украшеніемъ, съ книгами и со всею освященною утварію, тогда сгорѣло ту и написаніе о житіи святаго и чудесѣхъ его. Игумену же и братіи, тогда въ недоумѣніи и размышленіи бывшимъ и глаголющимъ, како отецъ нашъ Арсеній отъ времени сего безъ написанія будетъ. Бывше же тогда свидѣтели святому житію его и чудесѣмъ и преставленію. Еще же обыскавши въ дохѣхъ монастырской написанія, обрѣтохъ малу хартію, въ ней же написано согласно тѣмъ свидѣтелямъ. Игумену же и братіи мене убогаго раба Божія Іоанна понудивше житіе святаго переписать. Азъ же о преподобнѣмъ житіи распресивъ и хартію переписавъ, а иныя многія чудеса своими очима видѣхъ, истинно толико мало потщахся написать житіе и чудеса святаго вкратцѣ“. Житіе по своему характеру удаляется отъ общепринятыхъ правилъ агіобіографіи, отличается простотою разсказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ его сухостію и отрывочностію. Профессоръ Ключевскій считаетъ житіе преп. Арсенія однимъ изъ лучшихъ образчиковъ тѣхъ житій, которыя, съ углубленіемъ агіобіографической литературы изъ центровъ въ глухія пустыни, освобождались отъ искусственнаго стиля; краски его здѣсь тусклѣли, слогъ становился проще, типическія мѣста сокращеніе¹¹.

¹¹ Два списка житія преподобнаго Арсенія находятся въ бібліотекѣ Арсеніева Комельскаго монастыря. Одинъ списокъ временъ императора Петра Θεодоровича, имя котораго упоминается въ церковныхъ пѣсняхъ службы преподобному, приложенной къ этому списку. Другой списокъ болѣе древній. Указанное мѣсто церковной пѣсни въ немъ читается такъ: „царю и великому князю имя рекъ“. Оба списка по содержанію тождественны. Начало предисловія: „Слава Тебѣ Христе Боже, сотворшему вселенная“. Начало житія: „Сей преподобный рожденіе

О доиноческомъ періодѣ жизни біографъ знаетъ очень не много. Сказавъ, что преподобный родился въ Москвѣ „отъ благостиву родителю боярска рода Сухарусовыхъ“, онъ замѣчаетъ: „о возрастѣ его не обрѣтено нами, колики лѣты вниде во образъ иноческаго житія прехожденія ради многихъ лѣтъ“. Дальнѣйшій разсказъ біографіи отличается болѣею подробностію. Принявъ постриженіе въ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, преподобный посвятилъ ей первые годы своего иночества. Въ числѣ другихъ иноческихъ подвиговъ біографъ отмѣчаетъ слѣдующее: „и книга святыхъ почиташе и преписоваше со всякимъ вниманіемъ“¹². Поживъ „лѣта довольна“ въ Сергіевой обители, преподобный въ 1525 году сдѣлался ея игуменомъ¹³. Это обстоятельство не измѣнило жизни подвижника, оставшагося прежнимъ аскетомъ. Біографъ изъ этого періода жизни преподобнаго разсказываетъ слѣдующій случай. Во время игуменства Арсеніева, по обычаю, пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ не мало дивился „странному образу“ подвижника и его „худымъ, многшвейнымъ и раздранымъ ризамъ“. Строгость подвижника не препятствовала любви къ нему братіи, которая, узнавъ о намѣреніи преподобнаго покинуть ее, ради стремленія къ безмолвію, просила прибывшаго князя „понудить“ святаго остаться въ ихъ лаврѣ. Просьба подействовала на преподобнаго и онъ нѣкоторое время рѣшился остаться въ прежней обители.

Однако, это пребываніе подвижника въ Сергіевой лаврѣ продолжалось не долго. Мы видимъ, что послѣ двухлѣтняго игуменства, пре-

имѣя Россійскаго царства, во единомъ отъ мѣстъ богоспасаемаго града Москвы“. Рукописное житіе преподобнаго Арсенія встрѣчается очень рѣдко.

¹² Какъ доказательство этой любви преподобнаго Арсенія къ книжному искусству сохранилось въ его монастырѣ евангеліе-автографъ преподобнаго, что можно читать въ слѣдующей припискѣ къ нему, сдѣланной рукою переписчика: „въ лѣто 734 (1506) сіе Евангеліе почато бысть писати октября мѣсяца 18, а кончили марта мѣсяца 12. При благочестивомъ великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ и при архіепископѣ Симонѣ митрополитѣ, на престолѣ великаго чудотворца Николы, еже естъ на Комѣ, повелѣніемъ всѣхъ православныхъ христіанъ Никольскаго приходу. Писано же бысть со стараго списка, съ Печеньги. А добывалъ ево князь Юрій Васильевичъ. Сіе же писалъ Евангеліе многогрѣшный чернецъ Арсеніишко Сухарусовъ“.

¹³ Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры. Москва 1742 г., стр. 67. (См. у архіеп. Филарета, Русскіе святые, 24 августа).

подобный, въ 1527 году, покинулъ лавру¹⁴ и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. По обычаю сѣверныхъ подвижниковъ, обходя „многіе лѣсы и мѣста пустыниа, ища мѣста покойна обитель составить“, преподобный пришелъ „въ Вологодскій уѣздъ, во Олоновъ конецъ, близъ рѣки Лежи яко съ полъ-поприща, на Кохтыжъ рѣку, отъ града Вологды яко за двадцать пять поприщъ. Мѣсто бо тогда блатно бысть ту и водяно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людямъ“. Дойдя до этого мѣста, святой настолько былъ утомленъ тяжестью болотнаго пути, что „поша, юже пошаше съ нуждою потребою на своихъ рамахъ, отторжеся отъ него, отпаде“. Не имѣя болѣе силъ къ продолженію пути, святой поселился въ этомъ болотѣ и поставилъ себѣ келію. Но и здѣсь онъ не нашелъ для себя покоя и желаемого безмолвія. Противъ него возстали здѣсь „злонравные люди“, причиняя святому „мнози скорби и накости“. Это обстоятельство заставило преподобнаго обратиться съ жалобой къ великому князю и здѣсь искать себѣ защиты. Содержаніе этой жалобы дошло до насъ полностью въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Ивановича старцу Арсенію, которая была отвѣтомъ на просьбу старца къ великому князю. Вотъ текстъ этой грамоты: „се азъ, князь великій Василій Ивановичъ¹⁵, показовалъ есми старца Арсенія Сухарусова: билъ ми челомъ, а сказываетъ, что поставилъ себѣ пустыню въ Вологодскомъ уѣздѣ, на Комельскомъ лѣсу, на рѣчкѣ Кохтыжѣ, и къ той-де его пустыни крестыяне лѣсъ сѣкутъ, и починки ставятъ и съ выжаты (гонимыи собаками) гоняють и бѣлуютъ (по своей волѣ владѣють), а миѣ бы пожаловати, около тое пустыни крестыянамъ лѣсу сѣчи, и починковъ ставити, и съ выжаты гонати и бѣловати не велѣти: азъ великій князь старца Арсенія... съ братією пожаловалъ, крестыянамъ моимъ около тое пустыни лѣсу сѣчи и починковъ ставити и съ выжаты гонати и бѣловати не велѣлъ около тое пустыни за двѣ версты во всѣ четыре стороны“. Это, однако, не только не оградило старца отъ притѣсненій „злонравныхъ людей“, но, напротивъ, еще болѣе вооружило ихъ противъ него. Въ своей дерзости послѣдвіе дошли даже до того, что „подруга преподобнаго, старца, бивше безъ милости злой

¹⁴ Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры, стр. 67—въ указанный пятый архіепископа Филарета.

¹⁵ Въ концѣ этой грамоты, помѣщенной въ Исторію Россійской іерархіи, т. III, стр. 280, имя великаго князя обозначено ошибочно: она подписана 1530 годомъ, а князь именуется Иваномъ Васильевичемъ. Но тогда былъ еще Василій Ивановичъ.

смерти предаша“. „Святой дастъ мѣсто гнѣву и отъиде отъ того мѣста за тридцать поприщъ, на дикій лѣсъ Шилегоцкой, на рѣчку Шингорь, и тамо вселися“. Здѣсь онъ поставилъ себѣ „молитвенный храмъ“ и къ нему стали стекаться иноки. Но и на этотъ разъ спокойствіе преподобнаго скоро опять было нарушено по причинѣ нашествія Казанскихъ татаръ на Вологодскіе предѣлы. Жители, спасаясь отъ преслѣдованій грабителей, проникли въ новое мѣсто уединенія преподобнаго, которое, такимъ образомъ, наполнилось народомъ. Въ числѣ бѣглецовъ были и жены, которыя, поселившись вблизи обители преподобнаго, стали рождать дѣтей. Все это заставило преподобнаго снова возвратиться въ покинутое имъ мѣсто первоначальнаго своего убѣжища. „И прииде ему желаніе возвратитися на Комельскій лѣсъ, на свое предиреченное мѣсто, во Олоновъ конецъ“. Здѣсь онъ и сталъ продолжать свою подвижническую жизнь, „имѣя у себе брата, именемъ Герасима, духовна и добродѣтельна старца, и иныя братія поживе съ нимъ“. Въ этомъ мѣстѣ подвижникъ по прежнему началъ „труждатися вельми, лѣсы сѣчаще и нивы насѣваще, имѣя у себе дощаницы“. Съ теченіемъ времени преподобный взялъ благословеніе „отъ святителя Алексія, епископа Пермскаго и Вологодскаго, въ лѣто 1539“¹⁶ на созданіе церкви во имя положенія ризъ Пресвятыя Богородицы, которая и была окончена постройкою въ 1541 году, 2 іюня. Преподобный устроилъ ее чудно святыми иконами и книгами и создалъ ограду около монастыря. Устроивъ обитель, онъ испросилъ для нея у великаго князя села и угодья. Отъ времени Грознаго дошли до насъ двѣ жалованныя грамоты на имя старца Арсенія, изъ которыхъ одна (отъ 1539 года, 13 іюля) утверждаетъ за его обителью право на владѣніе землею въ размѣрѣ пяти верстъ кругомъ монастыря, а другая (отъ 1543 года) утверждаетъ за монастыремъ пять починковъ, возникшихъ на монастырской землѣ¹⁷. Живя въ Комельской обители, преподобный не забывалъ и прежней своей пустыни. Біографъ его замѣчаетъ: „преподобному Арсенію прехожденіе творящу въ предиреченную свою пустыню, на рѣчку Шингорь... печалилися всегда о Шилегоцкой пустыни“¹⁸. Этими краткими замѣча-

¹⁶ Епископъ Алексій управлялъ Вологодскою каедрю съ 1525—1542 г. См. „Описаніе Арсеніево-Комельскаго монастыря“, составленное Н. Суворовымъ, стр. 5, примѣч. 2. Ср. Исторія Россійск. іерархіи, т. I, стр. 350.

¹⁷ Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 283—286.

¹⁸ Объ первоначально основанной преподобнымъ пустыни продолжали свое существованіе и послѣ оставленія ихъ преподобными: первая—подъ именемъ

ними и заканчивается биография преподобного. Онъ преставился 24 августа 1550 года (жнн).

ГЛАВА V.

Послѣдніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иночества, преподобныхъ Нила Сорскаго и Иосифа Волоцкаго: святыя Инокентій и Корнилій Комельскіе. Краткія свѣдѣнія о позднѣйшихъ святыяхъ: Игнатіи Прилуцкомъ и Галактіонѣ Вологодскомъ.

Почти одновременно съ преподобнымъ Арсеніемъ въ Комельской пустыни подвижался святой Инокентій, ближайшій ученикъ и послѣдователь преподобнаго Нила Сорскаго, биография котораго стоитъ въ весьма близкомъ отношеніи къ биографіи устроителя и законоположника русскаго скитничества.

Свѣдѣнія о Комельскомъ подвижникѣ очень скудны. Причину этого биографъ его видитъ въ слѣдующемъ: „бысть писанія немало о преподобномъ Инокентіи и грѣхъ нашихъ ради бысть намѣстіе поганыхъ татаръ-казанцовъ на Русскую землю, на предѣлы Вологодскіе и тогда пустыню преподобнаго отца Инокентія поганы раззоряша и церковь Іоанна Предтечи сожгоша и все строеніе огню предаша. И написаніе о преподобномъ Инокентіи тогда сгорѣло, а иное писаніе вѣны отъ братія изъ пустыни его отыдоша, амо же восхотѣша, и писаніе о немъ съ собою спесоса во иные монастыри, и тако въ его монастырѣ не оста писанія объ немъ, мы же вкратцѣ написаше о святомъ“¹. Эта краткая биографія, составленная на основаніи устнаго преданія, многое забывшаго и многое спутаващаго, является весьма скудною, въ смыслѣ историческаго источника. Вслѣдствіе этого, свѣдѣнія о преподобномъ Инокентіи приходится заимствовать изъ другихъ источниковъ и главнымъ образомъ изъ биографіи учителя его Нила Сорскаго².

Арсеніево-Маслянской, а вторая—Александрово-Корониной. Свѣдѣнія о нихъ заключаются въ описаніи Арсеніево-Комельскаго монастыря, составленномъ Н. Суворовымъ, стр. 20—26.

¹ Риз. житіи преп. Инокентія Комельскаго въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ „Описаніи рукописей Императорской публичной бібліотеки“ О. Бычкова, стр. 15—16.

² Источники: О. Бычковъ, Описаніе рукописей Императорской публичной бібліотеки, ч. I, §§ 4 и 27, стр. 15—16; 96—98. А. Архангельскій, „Матеріалы для биографіи Нила Сорскаго“ въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“, т. I. Статя о Нилѣ Сорскомъ. А. В. Горскаго въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ“, т. VI, стр. 141—155. „Преподобнаго отца на-

Гисторія впервые застасть обоихъ подвижниковъ—ученика и учителя иноками Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Изъ доиноческой жизни ихъ она передаетъ лишь то, что Нилъ происходилъ изъ рода бояръ Майковыхъ, а Инокентій—изъ бояръ Охлѣбнинныхъ³. Одновременно или нѣтъ поселились они въ Кирилловѣ—достоверно не извѣстно. Равнымъ образомъ не извѣстно и то, теперь ли Инокентій сдѣлался ученикомъ Нила или впослѣдствіи. Мы упоминали, что авторъ „писма о нелюбкахъ“ называетъ Нила ученикомъ Павсія Ярославова, каковое учительство и происходило, вѣроятно, въ стѣнахъ Кириллова монастыря.

Слѣдя за первыми моментами иноческой жизни Нила и Инокентія, можно думать, что зародыши ихъ созерцательнаго аскетизма стали развиваться въ нихъ еще до ихъ совместнаго путешествія на востокъ, во время ихъ первоначальныхъ подвиговъ въ русскихъ обителяхъ. Правда, эти аскетическія возрѣнія восточнаго происхожденія, но къ этому времени онѣ несомнѣнно въ нѣкоторой степени успѣли уже распространиться и въ Россіи. Въ XV и XVI в. сношенія Россіи съ Востокомъ были особенно часты. Мѣсто павшаго Константинополя замѣнила теперь святая гора (Аѳонъ), сдѣлавшаяся съ этихъ поръ просвѣтительнымъ центромъ Россіи. Туда теперь стало направляться множество русскихъ людей, равно какъ многіе святогорцы стали тяготѣть къ Россіи, гдѣ всегда былъ для нихъ радушный пріютъ. Такъ, мы знаемъ, что въ концѣ XIV вѣка прибылъ въ Россію извѣстный Діонисій Святогорецъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи архіепископомъ Ростовскимъ. Около того же времени

Нила преданія ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ⁴. Изданіе Олѣиной пустыни. Москва 1849 г.

³ Напрасно г. Архангельскій и его рецензентъ проф. О. Миллеръ (Историческій Вѣстникъ, 1882, т. IX, стр. 430—434), увѣряютъ, что Нилъ происходилъ изъ крестьянскаго рода, опираясь на его слова: „о себѣ же не смѣю исходить изъ крестьянскаго рода, опираясь на его слова: „о себѣ же не смѣю говорить что, понеже не вѣжда и поселянинъ есмь“. Слово поселянинъ, по мнѣнію ихъ, въ рукописяхъ XV и XVI в. употребляется въ смыслѣ крестьянина. Но едва ли это такъ. Слово поселянинъ вовсе не имѣетъ такого исключительнаго употребленія: это—ходячая фраза иноческаго смиренія, которую употребляютъ и Нилъ Сорскій въ одномъ изъ своихъ произведеній, употребляли и многіе свѣдѣтели житій, напримѣръ, списатель житія преп. Стефана Махрицкаго, гдѣ списатели житій, напримѣръ, списатель житія преп. Іоасафа Баданіловскій игуменъ Іоасафъ, неизвѣстный списатель житія преп. Іоасафа Баданіловскій и др. Кромѣ того, эта фраза, какъ и многія ей подобныя, вовсе не русскаго, а восточнаго происхожденія, какъ замѣчаетъ въ своемъ трудѣ проф. Некрасовъ (Нахомиѣ Сербъ, писатель XV вѣка—въ Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго университета, т. VI, стр. 14).

пришелъ въ Россію преподобный Сергій Нуромскій, и въ которое время подвижничавшій въ обители Сергія Радонежскаго, а потомъ основатель свою обитель и другіе. Сколь часты были путешествія русскихъ иноковъ на Афонъ—это видно изъ того, что въ этотъ періодъ времени они сдѣлались какъ бы и въ некоторую потребность: «ради нужды нѣкій, пишетъ Елифаній Премудрый въ похвальномъ словѣ Сергію Радонежскому, не вѣска царствующаго града, ни святыхъ горы, ни Іерусалима, яко азъ окаянный и лишенный разума, ползая сѣмо и овамо, и прелекая сюду и оуду, и съ мѣста на мѣсто прехождя»⁴.

Нилъ и Иннокентій мѣстомъ своихъ первоначальныхъ подвиговъ и избрали именно ту обитель, въ которой вліяніе Востока могло быть наиболѣе сильнымъ. Такова была обитель Кириллова, находившаяся въ предѣлахъ Ростовской епархіи, гдѣ еще такъ недавно святительствовалъ Діонисій Святгорецъ. Въ руководство себѣ они избрали Павсія, постраженика Спасо-Каменнаго монастыря, и если не заставшаго здѣсь Діонисія, то, во всякомъ случаѣ, постриженнаго здѣсь вскорѣ послѣ его ухода. Неизвѣстно, долго ли Нилъ и Иннокентій жили въ Кирилловѣ. Дальнѣйшее извѣстіе говоритъ уже объ ихъ совмѣстномъ путешествіи на Востокъ⁵. Подробности этого путешествія остаются въ тѣни. Нилъ упоминаетъ только, что вмѣстѣ съ Иннокентіемъ они были: «во святѣй горѣ и во странахъ Цареграда и во иныхъ мѣстѣхъ многа суща такова пребывави»⁶. Здѣсь, безъ сомнѣнія, иноки и завершили свое образованіе въ томъ совершительномъ направленіи, которое выразили потомъ въ своихъ твореніяхъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ образованія были, конечно, Афонъ, въ которомъ въ это время такое аскетическое направленіе было господствующимъ. Въ это время происходили здѣсь споры Валаамитовъ и Паламитовъ; гнѣдились здѣсь и многія другія ереси⁷, вызывавшія обширную полемику со стороны борцовъ за православіе. Изъ числа послѣднихъ мы встрѣчаемся здѣсь съ именами Палами, друхъ Каллистовъ, Аѳанасія, впоследствии патріарха Кон-

⁴ Архангельскій, Указ. соч., стр. 19, примѣч. 59.

⁵ Объ этомъ свидѣлствуется «письмо о нелюбави» въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ, т. X, стр. 504; а также, посланіе Нила къ старцу Герману и его уставъ свитскаго житія (гл. XI). Житіе Иннокентія не знаетъ о пребываніи его въ Кирилловѣ: оно прямо начинается разсказомъ о приходѣ его къ Нилу, когда послѣдній основалъ свой скитъ на р. Сорѣ. Выжковъ, Опис. рукоп., стр. 15. Калужскій, стр. 304.

⁶ Уставъ Нила Сорскаго, гл. XI.

стантинопольскаго, а также Григорія Синаита, особенно любимаго и часто цитуемаго Ниломъ Сорскимъ, и другихъ.

Послѣ своего путешествія оба подвижника возвратились въ Кирилловъ монастырь. Біографъ Нила, по поводу его возвращенія, замѣчаетъ: «приде преподобный отецъ нашъ, чудотворецъ Нилъ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отъ Палестинскихъ странъ, изъ Афонскихъ горъ, при животѣ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго»⁸. Но онъ, очевидно, ошибается, ибо пр. Кириллъ преставился въ 1427 году, когда Нилъ († 1508) едва ли еще и родился. Послѣ недолгаго пребыванія въ Кирилловѣ, иноки опять оставили его и удалились на рѣчку Сору. Причину своего удаленія высказываетъ Нилъ въ писемѣ къ своему почитателю старцу Герману Польному⁹: «удаленіе мое изъ монастыря, писалъ онъ ему, не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея. Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божию и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ, неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное»¹⁰. Здѣсь Нилъ и основалъ

⁷ Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1860, кн. I, стр. 5.

⁸ Ркп. Императорской публичной библ. № 260, л. 56. въ цитатѣ г. Архангельскаго, стр. 2.

⁹ Долго не было открыто истинное назначеніе этого посланія и исследователи относили его къ различнымъ лицамъ. Преосвященный Филаретъ адресатомъ его считалъ Вассіана Патрикѣева (Русскіе святые, 7 апрѣля). А. В. Горскій думаетъ, что оно писано было къ Иннокентію Охльбинину (Прибавленія къ твор. св. отцовъ, т. VI, стр. 142). Позднѣе открыты были два списка, разрѣшавшіе спорный вопросъ въ пользу старца Германа Польнаго. Архангельскій, стр. 49.

¹⁰ А. Филаретъ, Русскіе святые, 7 апрѣля. Подобное же свидѣтельство о состояніи иноческой жизни въ Кирилловѣ монастырѣ по смерти его основателя мы читаемъ и у Іосифа Волоцкаго. По скончаніи блаженнаго Кирилла, пишетъ онъ, нравы Кирилловскихъ иноковъ стали упадать: «по обители его настоятель въ нашу лѣта отъ инаго монастыря, иже нѣкая преданія и законы св. Кирилла не хранише и въ небреженіе полагаше. Въ лѣта Геронтія митрополита (братія) избраша себѣ игумена, иже бысть постриженникъ Кириллова монастыря, многа же лѣта поживе во иныхъ монастырѣхъ, иже той такожде начатъ многая развращати св. Кирилла преданія, сущія же въ то время старцы о семъ оскорбляшася и на соборѣ и наединѣ глаголаху ему о семъ; онъ же не бржеаше ихъ глаголы. Тогда старѣйшии и болейши старцы вси отбѣлоша отъ монастыря, не терпяще зрѣти преданія св. Кирилла помираема или отметаема». (Отбѣданіе любозаборнымъ—въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1847, т. VII, стр. 4—5, и у Архангельскаго, стр. 15).

своей скитъ, знаменитый въ исторіи русскаго иночества. Сколько времени жилъ съ нимъ его любимый ученикъ—не извѣстно. Житіе Иннокентія утверждаетъ, что послѣдній, по смерти своего учителя, оставилъ Сорскій скитъ и пришелъ „въ Вологодскіе предѣлы, на рѣчку Еду, въ весь нарицаемая Комельскія волости и вселися ту“¹¹. Но другая рукопись свидѣтельствуетъ, что преподобный Иннокентій пришелъ сюда еще при жизни своего учителя: „и провидѣвъ (препод. Нилъ) свое къ Богу отшествіе, ученика своего Иннокентія посла въ Вологодской уѣздъ, на Мурму рѣку и прорекъ ему: Богъ ты имать прославить тамо и твоя обитель будетъ обща, а моя пустыня будетъ, какъ при животѣ моемъ, такожде и по смерти моей, и братія по единому имутъ жити въ келліяхъ своихъ“¹². Но если ошибается биографъ Иннокентія, увѣряя, что приходъ его въ Комельскую пустыню совершился по смерти Нила, то нельзя вполнѣ довѣрять сказанію и втораго источника. Свидѣтельство его объ основаніи преподобнымъ Иннокентіемъ *общежительной* пустыни не находитъ для себя подтвержденія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ его произведеніяхъ. Эти послѣдніе со всею ясностію говорятъ намъ, что и его пустыня была устроена по образцу Ниловой, т.-е. скитомъ. Въ своемъ краткомъ завѣщаніи преподобный говоритъ слѣдующее: „а еже како *пребывать* въ пустынь нашей, о молитвѣ и о пѣвнѣ, и како питатися и когда подобаетъ исходити потреби ради на руководіе сія вся вчтена суть въ писаніи господина и учителя моего старца Нила“¹³. Это же самое видно и изъ другой рукописи, принадлежащей Иннокентію, подъ заглавіемъ „о келліяхъ“: „аще кто братъ нашъ поставитъ себѣ келію въ пустыни нашей и потомъ аще отидеть изъ пустыни сея и тѣхъ келей ни продати, ни отдати никому, но владѣютъ тѣми келліями настоятель и ту живущая братія“¹⁴ и проч. Очевидно, обитель Иннокентія не была общежитіемъ, но была такимъ же скитомъ, какъ и обитель Нила. Вѣроятно не долго жилъ Иннокентій въ своей Комельской пустынь: онъ не успѣлъ при жизни даже создать въ ней

¹¹ Бичковъ, Опис. рукоп., § 4.

¹² Сборникъ Императорской публичной библіотеки, № 260—въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

¹³ Житіе Иннокентія изданъ въ Исторіи Россійской іерархіи, т. V, стр. 215, и въ болѣе исправномъ видѣ въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

¹⁴ „Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго“, прилож. 1, и „Описаніе рая. Императорской публичной библіотеки“, § 27.

церкви. Хотя житіе его и повѣствуетъ, что онъ соорудилъ церковь во имя Іоанна Предтечи, но это показаніе опровергается свидѣтельствомъ его завѣщанія: „живущая наша братія, иноцы, въ пустыни нашей аще начнутъ богоугодно жити и хранили заповѣди Божія и восхощутъ церковь Божию воздвигнути, то есть на Божіемъ благоволеніи и на ихъ изволеніи. Аще и благоволятъ Богъ, да будутъ церкви во имя святаго великаго Іоанна Предтечи, третіе обрѣтеніе честныя его главы“¹⁵. Преставленіе Иннокентія, по единогласному свидѣтельству всѣхъ списковъ его житія, послѣдовало 19 марта 1491 года¹⁶. На могилу его, замѣчаетъ биографъ, былъ положенъ камень, на которомъ обозначенъ годъ и мѣсяцъ его преставленія.

Кромѣ упомянутыхъ нами произведеній преподобнаго Иннокентія, ему приписываютъ еще нѣсколько другихъ. Къ числу такихъ относится интересное его завѣщаніе „о самочинникахъ“. „Аще который въ пустыни нашей братъ нашъ инокъ не восхощетъ управлять свое жительство по божественныхъ заповѣдей и по писанію господина и учителя моего старца Нила и по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и самовольствомъ восхощетъ водитися, такового настоятель и братія да накажутъ. Аще и по показаніи не исправится, сего убо настоятель и братія измещутъ изъ пустыни, яко плеву отъ жити по сіему нашему завѣщанію. Аще той братъ въ чувство приидеть и восхощетъ управлять свое жительство по Божіи и святымъ отецъ преданію... сего убо настоятель и братія пакы примутъ въ пустыню сію. Сія убо азъ инокъ Иннокентій написахъ, яко да и по смерти моей тако творима будутъ“¹⁷.

Другое сочиненіе, приписываемое преподобному Иннокентію и служащее болѣе полнымъ выраженіемъ его иноческихъ воззрѣній, есть „Надсловіе“ къ уставу скитскаго житія учителя его преподобнаго Нила Сорскаго. Долго неизвѣстно было, кому принадлежитъ это „На-

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Нѣтъ особенныхъ причинъ не довѣрять этому показанію. Оно, по свидѣтельству преосвящен. Филарета, повторяется въ нѣкоторыхъ редакціяхъ рукописныхъ свитцевъ (Русскіе свѣты, 7 апрѣля). Но почему то онъ болѣе довѣряетъ сказанію отенскихъ свитцевъ, гдѣ кончина Иннокентія отнесена къ 1522 году. Но едва-ли въ послѣднихъ не произошла ошибка. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно есть одинъ Вологодскій подвижникъ, скончавшійся въ 1522 году, но только то былъ Игнатій Вологодскій, а не Иннокентій.

¹⁷ Сборникъ твореній преподобныхъ Нила и Иннокентія—въ Описаніи рая. Императорской публичной библіотеки, § 27, л. 18.

словіе", во, наконецъ была открыта рукопись, въ которой, въ заглавіи этого произведенія, сохранилось имя Иннокентія ¹⁸.

Въ общемъ „Надсловіе“ это является повтореніемъ иноческихъ возрѣній преподобнаго Нила, проповѣдающимъ его „умное дѣланіе“ и „внутреннее моленіе“. Инокъ не погубляетъ своего правила, пишетъ авторъ „Надсловія“, оставляя многое псалмо пѣніе каноны же и тропари и все свое тщаніе обращая на умную молитву, по паче нуможаетъ сіе. Итъ есть разумъ виѣшняго моленія, а итъ внутренняго: оный бо, исчисляя числомъ пѣніе, уповаеъ къ Богу, оставляя же сіе осуждаетъ себе; сѣй же ударяемъ бываеъ своею совѣстію по всесчастныхъ грѣсѣхъ и теряя вѣнчаніе прилоговъ, присно вопіеъ ко Христу... Якоже невозможно сіе житіе не ядуще, не піюще жити, сѣе невозможно безъ храненія умнаго ни во что духовно и угодно Богу достигнути души ¹⁹.

Въ частности же, здѣсь сильнѣе и послѣдовательнѣе проводится полемическій элементъ, съ цѣлію доказать преимущество „умнаго дѣланія“ предъ „виѣшнимъ моленіемъ“. Въ достиженіи этой цѣли авторъ, между прочимъ, касается тѣхъ нестроений иноческой жизни, которая явилась результатомъ обрядоваго направленія иноческаго благочестія и въ этихъ мѣстахъ трудъ его получаетъ живой историческій интересъ. Сообразно съ этимъ, все содержаніе „Надсловія“ дѣлится на двѣ части: въ первой части авторъ излагаетъ свое ученіе объ „умномъ дѣланіи“ и, сопоставляя его съ „виѣшнимъ моленіемъ“, выводитъ несомнѣнныя преимущества первого, а во второй—касается современныхъ ему нестроений иноческой жизни.

Первый отдѣлъ представляетъ изъ себя развитіе слѣдующихъ положеній:

1. „Святіи отцы, иже единими заповѣдми Христовыми учатъ оуждати страсти и очищати сердце отъ помысловъ злыхъ, двоя сія уста—вѣдаютъ, аки крѣпчайшая орудія имѣти дѣлателямъ: си есть страхъ Божій и память Бога, ту суца“.

2. „Добра убо сія добрымъ и благоговѣйнымъ мужемъ (испытаннымъ и совершеннымъ въ иночествѣ)... Въ новоначальныхъ же монасѣхъ самый умъ скоро притупляется къ таковымъ памяти и бѣжитъ отъ нихъ, аки пчела отъ воскуренія дыма“.

¹⁸ Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго, стр. 60.

¹⁹ Надсловіе къ преданію отца нашего Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жителствѣ, сѣитскѣхъ стр. XX, XVII и IX (по изданію Оптиной пустыни).

3. „Духовнѣйшіи и искуснѣйшіи отцы явиша и еще большее и несравненное добро, могущее и зѣло немощнымъ помощи“.

4. „Перваго убо подобіе и образъ—мелющія въ жерновахъ своими руками и силою; второго—мелющія въ млинѣ водою и художествомъ: яко же бо вода сама о себѣ движеть кола и камені, тако и пресладкое имя Иисусово всеисполнѣнне живущаго во Иисусѣ подвѣжетъ умъ въ молитву и душа, благодѣема и улаждаема отъ Иисуса, съ радостію нѣкою и любовію Благодѣтелю хвалу возсылаеъ“.

5. „Первымъ бо образомъ, аще и было бы успѣваніе, кромѣ умнаго вниманія, обаче зѣло косо и приболѣзненно. Вторымъ же симъ скоро и легко приближается дѣлатель къ Богу. Тамо бо бываеъ едино виѣшнее моленіе, здѣсь же обоя—виѣшнее и внутреннее“.

6. Да не думаетъ кто, что эти правила могутъ быть примѣнны къ инокамъ опытнымъ и испытаннымъ, а „не новоначальнымъ и страстнымъ: пріемли разсужденіе и рѣшеніе таковыхъ вещей, како всякъ новоначальный и страстный осуждается сими повседневными грѣхами и страстями“.

Первый отдѣлъ своего труда заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „аще кто речетъ, яко мощно есть и кромѣ умнаго дѣланія очиститися отъ грѣховъ... сему... отвѣщается сѣе: поставими, о таковой, отъ единыя страны заповѣди Христовы, отъ другія же всегдашнюю молитву. Дажь ми и предложеніе истинное, еже не преступати единыя заповѣди... и внимай прилежно, колико на всякъ день чрезъ твое предложеніе преступиши заповѣди и коликими грѣхами, страстями и злыми помысли уязвишися. Еда-ли и самъ не признаеши невозможну быти вещь, еже вмѣститися сѣевому вниманію во виѣшнемъ моленіи кромѣ единаго умнаго дѣланія“ ²⁰.

Вторая часть труда, какъ мы замѣтили, посвящена описанію современныхъ нестроений иноческой жизни. „Святіи отцы на три точію чины раздѣляютъ все монашеское жителство: первое—общество; второе—царскимъ путемъ или среднимъ нарицаютъ; еже въ двухъ или тріехъ живуще, общее стѣжаніе нужныхъ, общую пищу и одѣаніе, общій трудъ и руководіе и всякое промышленіе житію имѣти. Третіе же уединенное отшельничество, еже совершенныхъ и святыхъ мужей дѣло. Нынѣ же нѣдѣви, не внемлюще словъ святаго писанія, изобрѣтоша себѣ четвертый чинъ или житіе: зиждуще бо келліи всякъ, идѣже аще хочетъ, или далече или близу, живутъ уединенно, всякъ свою

²⁰ Надсловіе къ преданію отца нашего Нила Сорскаго, стр. VII—XLIV. (Изданіе Оптиной пустыни).

волю предпочитая и стязаніе съ попеченіемъ гоня: и по таковому ихъ чину и жителству подобни суть самочинникомъ и самопретыкателемъ: само по себѣ изобрѣтше житіе, сами въ немъ и претыкаются, не могуше мирно и постоянно на немъ пожити, аки не по своей ихъ мѣрѣ и прислу... И сему житію образъ есть и прописаніе юный оный братъ, ниже вселився единъ въ келлію, вопрошающимъ отвѣщаше: се уже отшельству; его же сведше отцы отъ келліи, повелѣша всѣхъ обходя просити, глаголя, яко нѣсмь отшельникъ. Посемъ рѣша отцы, аще видими юна, на небо восходяща, емъ за позѣ, восторгни его на землю²¹.

„Возмнѣся нѣкимъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ келліяхъ особъ и сходиться временемъ на совѣтъ—се есть путь средній и царскій; но нѣсть тако, нѣсть... При обители св. Герасима на Іорданѣ и на таковомъ житіи древлѣ и пылѣ многое множество страстныхъ и немощныхъ повредимася. Сего ради повелѣвають святіи отцы въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страхъ Божіи повинующеся, познаваемъ свою немощь“ (ibid).

Инокентію же приписываютъ слѣдующее за „Надсловіемъ“—„Пристеженіе“²², рѣшающее одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ древнерусскаго благочестія—касательно поста. Рѣшеніе это, какъ и все ученіе „объ умномъ дѣланіи“, въ сравненіи съ существовавшими взглядами, является вполне оригинальнымъ. „Съ разумомъ причащаяся брашенъ и съ разумомъ удаляяся снхъ, не погрѣшитъ всяко. Легчайше бо съ разумомъ вино пити, нежели съ презорствомъ воду. Къ тому да не укориши, ни да похвалиши вещь брашенъ и питія, но да ублажиши или укориши разумъ, или добръ или злѣ пріемлющихъ сія. Да вѣмы, яко ниже снѣдь что есть по истинѣ, ниже питіе, но вѣра, любовію и дѣломъ сиростираема“. Далѣе авторъ цитуетъ слѣдующее мѣсто изъ твореній преподобнаго Кассіана: „безмѣрный постъ или разрѣшеніе, аще и обоа суть отъ діавола, обаче безмѣрный постъ и перазсудное воздержаніе большій вредъ приносятъ, нежели до сытости яденіе. Не въ яму бо пастъ св. наши отцы порекающе, но паче отъ ямы удаляюще, повелѣвають намъ средній путь гонити, а не на высокій безвременно теца“. Указывая на аскетическія подвиги св. отцовъ, авторъ замѣчаетъ: „не самый постъ, ниже иные труды добродѣтели быти вѣнчаема“.

²¹ С. Шеняревъ. Исторія русской словесности, т. IV, стр. 183. Архангельскій. Указ. соч., стр. 105 и др.

по едино тое, еже по естеству поставити себе Христови... Нѣдци же подобострастни и неразумни поревноваша постъ и труды святыхъ не добрымъ разумомъ и предложеніемъ, вѣняюще сія, яко добродѣтель проходить. Присѣдай же діаволъ повергаетъ во чрево ихъ сѣмя радостнаго мнѣнія, отъ него же зачавшися воспитуется внутренній фарисей“²³.

Таковы аскетическія воззрѣнія препод. Инокентія. Въ то время какъ его учитель сосредоточивалъ свое вниманіе на внутренней психологической сторонѣ „умнаго дѣланія“, стараясь уловить незримый процессъ его, воздѣйствіе психическихъ актовъ однихъ на другіе и результаты его—измѣненіе всего душевнаго настроенія, ученикъ его является, такъ сказать, популяризаторомъ воззрѣній своего учителя, изъяснителемъ и толкователемъ ихъ, обращающимъ вниманіе не столько на внутреннюю сторону психическихъ актовъ, сколько на вѣдную, практическую сторону благихъ плодовъ „умнаго дѣланія“. Такимъ образомъ учитель и ученикъ въ своихъ воззрѣніяхъ дополняютъ другъ друга. Ихъ взгляды, являясь по своему характеру совершенно новыми для того времени, безъ сомнѣнія, не могли получить большой распространенности и, можетъ быть, не переходили за предѣлы ихъ обителей. Но какъ бы то ни было, то дѣло, за которое они ратовали, не могло пройти незамѣтно для послѣдующихъ поколѣній.

Для біографіи третьяго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилія, мы имѣемъ предъ собою житіе его, являющееся по своимъ фактическимъ подробностямъ и по исторической достовѣрности однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній древнерусской агиографіи²⁴. Въ своемъ предисловіи авторъ называетъ себя ученикомъ преподобнаго: „мы бо аще и недостойни ученици его нарицаемся, но убо рукоположенію отъ святаго сподобихомся“... Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія, въ видѣ приписки, уцѣлѣла замѣтка автора, что житіе было написано въ 1589 году, рукою „многогрішнаго Нафанаила Корнильевскаго“²⁵. Обстоятельства происхожденія своего труда біографъ ука-

²² Надсловіе, стр. XLIV—XLVIII.

²³ Списки: Рукон. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, № 27/28, л. 202—247. Сборникъ Вологодскаго кав. собора № 3, л. 21—56 (здѣсь предъ житіемъ помѣщается монастырскій уставъ Корнилія). Рук. житіе со службою бібліотеки Корниліево-Комельскаго монастыря, № 1 (по монастырской описи). Начало предисловія: „Разумъ убо православнымъ христіаномъ духовныхъ мужъ житія пользы ради испытovati“. Начало житія: „Отъ славнаго града Ростова, отъ благочестиваго корене возраде добродѣльная розга“.

²⁴ Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Успенскаго, стр. 237.

зываетъ слѣдующимъ образомъ: „мы убо здѣ въ монастыри сѣдающе, отъ многихъ слышимъ помышляющимъ и глаголющимъ, како въ малое се время сей святой обители цвѣтущей и впродѣ поступающей, паче видяще и чинъ и строеніе и благочиніе веліе, и просяще каждого ихъ: дадите намъ житіе написано святаго старца вашего, господина нашего Корнилія“. Свои источники писатель также указываетъ въ своемъ предисловіи: „мы же, вѣдуще правъ старца своего, желаемъ писанію предати, аже видѣхомъ и слышахомъ изъ устъ св. старца“ (202 л. Прил. сп.). По поводу упоминанія о своихъ источникахъ авторъ замѣчаетъ далѣе, что хотя ранѣе и не было составлено житія преподобнаго, но память о немъ была жива среди учениковъ его: „мы бо аще и недостойни есмы ученици его не во извѣстныхъ словесѣхъ память держимъ св. старца, но между собою въ обители пребывающе, глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ души наша памятію отца вашего“ (203 л.).

Близкимъ знакомствомъ біографа съ преподобнымъ и объясняются тѣ качества, которыя дѣлають житіе Корнилія весьма рѣдкимъ, въ смыслѣ историческаго источника, если не исключительнымъ въ своемъ родѣ. Подробный въ фактическомъ отношеніи разсказъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію профессора Ключевскаго ²⁵), отличается простотою и ровностію, даже сухостію и сжатостію, что еще болѣе возвышаетъ его цѣну.

Преподобный Корнилій родился въ городѣ Ростовѣ, „отъ славныхъ родителей, иже многымъ богатствомъ цвѣтуще паче всѣхъ во градѣ Ростовѣ“, каковы были бояре Крюковы. Отца его звали Θεодоромъ, мать—Варварой. „Той же Θεодоръ не незнаемъ сый и самодержавному всея Россіи, еже и преселитися ему отъ Ростова повелѣно бысть во имя великія княгини Маріи, послѣди же (во инокиняхъ) Марѳа, ея же имя именито паче всѣхъ прежде бывшихъ благочестіемъ и милостиною“. Это переселеніе въ Москву состоялось при посредствѣ его брата Лукіана, который „прежде сего за много время“ держалъ „діацескій санъ сея присноименитыя княгини Маріи“. Четвертый сынъ Θεодора — „отецъ нашъ (Корнилій), еще сый въ юности въ написаніи бысть единаго отъ всѣхъ двора сея великія княгини“. Въ старости Лукіанъ оставилъ дворъ и принялъ постриженіе въ Кирилловъ монастырь. Его примѣру послѣдовалъ и юный Корнилій „еще сый тогда двоюнадесяти лѣтъ“. Здѣсь и прошли юошескіе годы Корнилія подъ руководствомъ опытнаго въ иноческой жизни

²⁵ Указ. соч., стр. 301.

старца Геннадія. „По седми лѣтѣхъ (преп. Корнилій) изыде изъ монастыря и шедъ во свое отечество Ростовъ, и уиѣща своего брата, именемъ Акиѳа, и приведе и въ монастырь, инока сотвори и нарече имя ему Аѳаніемъ“. Послѣ этого Корнилій снова продолжалъ свое иноческое послушаніе въ Кирилловѣ, „тяжкими работами дручаше тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни?... И желѣзы тяжкими связывае тѣло свое. Къ симъ и книги писаше въ церковь, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ“. Подвиги преподобнаго вызывали иногда глумленіе людей неблагонамѣренныхъ изъ братіи: „и нѣкто бо отъ ту сущихъ братъ поругася ему и оболства его коварствомъ. Виною благоговѣнною взявше у него ихъ же пошаше желѣза и повелѣ изъ нихъ прековати топоры“. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиною удаленія преподобнаго изъ Кириллова. Оставивъ эту обитель, Корнилій „по лѣтвичному послѣдованію впаде себе странничеству и обшедь монастыри и пустыни и кождо добрыхъ правъ житія смотритъ... Потомъ же приде въ Новъ-градъ, ко архіепископу Геннадію и пребысть у него время немало“. „Архіепископъ же, позна святость старцу, возлюбилъ его вельми, послѣди же и священству его сподобити хотя, аще тому и не хотящу, испещеваніемъ да держитъ его у себе. Старецъ же отъ архіепископа священнической санъ пріяти сподобитися ²⁶) и священнодѣйствовать и жити у него не восхотѣ, но умоли его, да безмолвствуетъ въ пустыни. И отпущенъ бысть отъ него и пребывая въ пустыни близъ великаго Новаграда“. Архіепископъ не забывалъ старца и въ пустыни: „многажды потребныхъ посылаше къ нему въ пустыню, самого же старца призываше къ себѣ часто бесѣды ради духовныя. Послѣди же и самъ приде архіепископъ въ пустыню къ старцу, посѣщенія ради. Старецъ же тяжело сіе быти помышляя, таже и множество народа начаша приходить къ нему и пресѣцаху ему безмолвіе, остави мѣсто то и отиде къ Твери и тамо водворися близъ Савватіевы пустыни. Но и тамо познавъ бысть... и ту остави пустыню. Таже покусився не во

²⁶ Таково чтеніе списка бібліотеки Корниліева монастыря; два же другіе списка, указанные нами, допускають въ этомъ случаѣ противорѣчивую описку—въ нихъ читаемъ: „старецъ же отъ архіепископа священнической санъ пріяти сподобися и священнодѣйствовать и жити у него не восхотѣ“ (Списокъ Вологод. кафедр. собора, стр. 22; Прил. списокъ л. 204, ср. списокъ Корниліевской бібліотеки, л. 71—72). Между тѣмъ далѣе во всѣхъ спискахъ говорится, что преподобный получилъ санъ священства отъ руки митрополита Силона, съ именемъ котораго и хранится въ монастырѣ его ставленіи грамота.

единымъ мѣстѣ безмолвствовать... но и теперь каждый разъ удивленіе его скоро дѣлалось открытымъ. „Послѣди же, при державѣ великаго князя Юаина Васильевича и благословеніемъ Симона митрополита, отъ него же іерей бысть въ лѣто 7005 (1497), прииде блаженный Корнилій на Комельскій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ, и ту обрѣтъ хранину разбойническую и вселися въ ню; и нача отребляти мѣсто то и потку кущу и ту всяку страсть претерпѣ... Разбойники вступились за свою обитель и нѣсколько разъ пытались нападать на святаго. Однажды они ограбили занятую имъ келію, не найдя, впрочемъ, въ ней ничего, кромѣ книгъ, которыя и взяли съ собою. Но пробудившись всю ночь, они снова на утро очутились близъ келіи святаго, пришли къ нему и, возвративъ похищенные книги, удалились, оставивъ святому свое обиталище.“

Овладевъ мѣстомъ своего поселенія, святой началъ „труждаться велими на мѣстѣ томъ и помышляше трудами питати себе и сущихъ съ нимъ: лѣсъ сѣкій и нивы пасѣвая, приходящія приѣмля и мимоходящія кормяще. И по малу церковь постави во имя Введенія Богородицы... Но кто доволенъ словесы обличити и сказати повѣсть ми, аже сотвори труды и подвизы на томъ: ово убо отъ злодѣй бѣнь бысть, едва дышаше прииде, ово же древо паде напѣ безъ вѣтра и болѣзнуа близъ смерти дванадесять седмиць со одра недвижимъ пребысть, и едва оздоровѣ отъ болѣзни тоя, прииде же нѣкогда къ дѣлателемъ и сѣде на страмниѣ и абіе внезапно падеся долѣ и возболѣ паче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда же приведетъ бысть лѣльне главу извену имѣя отъ древа, падшаго на него. Всѣ же зависти, зависти и ненависти отъ чужихъ и отъ своихъ, клеветы и досады и до самого державнаго доидоша напѣ. Скудость же, поношеніе и прещеніе како могу исписати?..“

„Братіи же множашеся — нужда есть мѣсто распространити... святой же началъ, елико силы есть дѣлу касатися... распространи мѣсто и собра множество братій. Увидено же бысть боголюбивому и великому князю Юанну Васильевичу о старцѣ Корниліи... и чтяше его велими. Таже и отъ всѣхъ познанъ бысть и начаша отовсюду приходить къ нему и моляху его пріяти иноческій образъ“. Умножившеся стаду словесныхъ овецъ, церковца же бѣ мала прежде. Святой же старецъ соиѣтъ сотвори, создати понуждаше ббольшу церковь“.

Подъ руководствомъ старца снова закипѣла работа, въ которой принималъ участіе каждый изъ братіи, кто чѣмъ могъ: „оному художество къ вознагражденію стѣнъ церковныхъ, другимъ же мудрость пи-

сати образа св. иконъ, нѣмъ же рѣзати честные кресты, другимъ же писати книги“ и прочее. Такимъ образомъ, „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика“ и освящена въ 7023 (1515) году, „при державѣ великаго князя Василія Ивановича, благословеніемъ преосвященнаго Варлаама митрополита, по пришествіи старца Корнилія на мѣсто то въ лѣто девятое на десять, украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру, — образы святыхъ иконъ и книгамъ; и служители церковныя уставы, священники и діаконъ и чтецы и пѣвцы и еклисіархъ и весь чинъ, якоже лѣпо быти въ великихъ лаврахъ. И потомъ созда другую церковь со трапезою и освяти олтарь во имя Антонія Великаго. И посемъ келійное начатъ зданіе и устроивъ четвероуглено образъ монастырю, келію къ келіи созовуши, ихъ же посреде стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зряще всюду. И потомъ постави больницу и хлѣбопещину, и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой. Уставы же монастырскому строенію келаря и прочахъ служебники, хлѣбопечцы и нарядники дѣлателемъ. Самъ же во вся службы призираше и всѣхъ обхождаше видѣти труждающихся и въ монастыри и на нивахъ всѣхъ посѣщаше“...

„Множество людей отъ многихъ странъ приходяху къ святому, ови благословеніе хотѣли получить, ови вопросы, о нихъ же имяху недоразумѣваемыхъ, нѣмъ разрѣшеніе ишущи различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ“. Святой никому ни въ чемъ не отказывалъ; предметъ его особенныхъ заботъ были люди бѣдные и несчастные. Для нищихъ всегда были открыты монастырскія сокровищницы. Однажды къ храмовой праздникъ, когда въ монастырь собралось особенно много бѣдныхъ, имъ раздана была вся монастырская казна, такъ что болѣе давать уже было нечего. Въ это время случилось, что великій князь Василій Іоанновичъ послалъ въ монастырь милостыню на поминъ себя и великой княгини „двадесять рублевъ съ рублемъ“ — и эти немедленно были розданы. Въ другой разъ сильный голодъ свирѣпствовалъ въ Вологодской странѣ: четверть ржи продавалась по рублю и болѣе. Въ эти дни монастырь постоянно осаждали цѣлыя массы голодныхъ; дѣло дошло даже до того, что матери повергали своихъ дѣтей предъ вратами монастыря. Святой всѣмъ благотворилъ и насыщалъ всѣхъ голодныхъ.

Одною изъ главныхъ заботъ святаго былъ надзоръ за поведеніемъ братіи: „обычай имаше преподобный въ вечеръ глубокъ келіи обходить, слушающа кто что твораше. И аще кіа обрѣташе бесѣдующихъ не на пользу души и празднословиящихъ, о сихъ негодоваше и уда-

рая персты въ оконце, свѣтъ предзнаменуя свой приходъ... Еда же поучаше братію на соборѣ, воспоминаше имъ и о семъ, а не на имъ кождо обличаше, но кождо вѣдый себѣ такова суща, мняше, его ради поученіе сіе бысть и обличеніе²¹.

Съ теченіемъ времени, устроая монастырскую жизнь, преподобный написалъ для своей обители „уставъ иноческаго житія“²², явившійся результатомъ его иноческихъ и игуменскихъ опытовъ. Несмотря однако на всѣ эти заботы преподобнаго, въ жизни братіи встрѣчалось не мало уклоненій отъ правилъ иноческой дисциплины. Такъ, одинъ разъ хлѣбопекъ безъ благословенія настоятеля, какъ того требовалъ монастырскій уставъ, испекъ хлѣбы. По распоряженію игумена они были вывезены изъ монастыря и брошены на большой дорогѣ. Встрѣчались и болѣе сильныя уклоненія отъ монастырскаго устава и болѣе тяжкіе пороки. Инокъ Апанія, сидѣвшій въ часовнѣ съ блюдомъ для принятія приношеній въ пользу обители, сталъ утаивать послѣднія и употреблять въ свою пользу. Онъ также изблженъ былъ бдительнымъ старцемъ.

Строгость преподобнаго создала много недовольныхъ имъ среди братіи и слугъ монастырскихъ. Нашлись злые люди, которые рѣшились покуситься даже на жизнь строгаго игумена. Это были два брата — нарядчики рабочихъ. Нѣсколько разъ они прятались подъ мостомъ чрезъ рѣку Пурму, подстерегая святаго, чтобы исполнить своей злой умыселъ; но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости, такъ что, наконецъ, они, мучимые совѣстію, рѣшились исповѣдаться предъ игуменомъ грѣхъ свой.

Подобнаго рода нестроения монастырской жизни, можно думать, и были причиною удаленія изъ монастыря отягченнаго трудами старца. Въ одинъ разъ онъ „призываетъ въ себѣ весь лѣкъ своея ограды, избра отъ нихъ двадцать ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, проса отъ нихъ отпущенія... И взявъ мало отъ братій, отъѣде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семдесятъ, на мѣсто пусто, зовомо Сурское озеро, на лѣст, близъ Костромы рѣки... Братія же совѣтъ сотвориша, послаша вѣкиихъ отъ братіи въ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святый же отречеся имъ“²³.

Тотъ же зимъ изволися великому князю Василию Ивановичу шествовати на Вѣло-озеро въ Кирилловъ, со княгинею Еленою, мо-

²¹ Уставъ этотъ напечатанъ въ Исторіи русской іерархіи, т. IV, стр. 673—704.

лити Господа Бога, во еже дароватися имъ чадородію, въ наслѣдіе роду самодержавства ихъ“²⁴. Проѣздомъ великій князь заѣзжаетъ и въ Корнилевъ монастырь и служилъ тутъ молебень. „Послѣдъ же вопрошае братію, коея ради вины Корнилій отъѣде въ пустыню?— „Любве ради Христови“, отвѣчала братія и молила самодержца „почудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. „Самодержавный послуша моленія ихъ, посла своего посланника въ пустыню ко старцу Корнилію и повелѣ ему быти въ монастырь свой и ждати себе, дондеже возвратится изъ Кириллова. Самъ даде братіи милостиву довольну и учредивъ брашны, поиде въ Кирилловъ“.

На возвратномъ пути, въ Вологдѣ, онъ встрѣченъ былъ старцемъ Корниліемъ: „князь радовашеся вельми о пришествіи старца, почте его, бесѣдова съ нимъ, и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога, во еже дароватися ему чадородію въ наслѣдіе роду и отпусти его въ монастырь. Возвращаясь въ Москву, въ Корнилевъ монастырь князь снова встрѣтился со старцемъ Корниліемъ и просилъ его „пробывати въ монастыри“. Но онъ, „предлагая старость и немощи, глаголя и моляше великаго князя, да отпуститъ его въ пустыню плакаться грѣховъ своихъ“. Князь же, „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его, и даде ему милостиву довольну, и тамо повелѣ ему и сущимъ съ нимъ давати на пропитаніе оброчный хлѣбъ, въ монастырь же даде братіи десять рублей и... прочее касашеся пути“.

„Корнилій же отъѣде въ пустыню. Собрашеся къ нему братія, числомъ пять и постави келей мало и потомъ помысли создати церковцу малу“. Съ этою цѣлію, „воимъ съ собою единого брата и поиде (святый) въ пресловущій градъ Москву моляти самодержавнаго всея Россіи и преосвященнаго митрополита, да повелятъ ему создати церковь въ пустынѣ. Въ то же время великому князю Василию Ивановичу, родися сынъ и нареченъ бысть князь Іоаннъ, и о семъ же вельми радовашеся, и отъ радости той великія приде въ Сергіевъ помолитися...“²⁵. Блаженному же Корнилію приспѣвшу изъ пустыни въ то время ту. Князь великій радостенъ бысть о пришествіи старца и почте его вельми, и пріимъ благословеніе отъ его, и посмаше его прежде себе въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ

²⁴ Въ Воскресенской лѣтописи событіе это отнесено къ 1529 году. Полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, 272.

²⁵ Ср. полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 274 (Воскресенская лѣтопись, подъ 7038—1530 г.).

великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына". По возвращеніи, великій князь „привыкаше блаженнаго всегда къ себѣ на обѣдъ и въ домъ потребная посылая къ ему довольно по вся дни". На просьбу же старца—основать церковь въ пустынѣ, князь отвѣтилъ отказомъ: „помяну моленіе и слезы братіи, еже моляху его въ монастыри—попущити отца ихъ Корнилія пребывать въ монастыри съ ними и сего ради не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, во своемъ монастыри со ученики своими. Отцу же нашему тяжело сіе вмѣняе: желаніе бо имаше жити въ пустыни... Скрыся блаженный и пребываше у пѣвсого христолюбца въ тайнѣ мѣстѣ. Князь же великій посла на изысканіе святаго по всему царствующему граду. Святый же, вѣда о себѣ изысканіе велие, отыде въ предиреченную обитель Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря. Слышано же бысть великому князю, яко Корнилій въ Сергіевѣ монастырѣ, преста о изысканіи святаго. Послѣди, приспѣвшу празднику св. Богоявленій, прииде боголюбивый князь въ Сергіевъ монастырь помолитися и паки понуждаше святаго съ великимъ прилежаніемъ ити въ свой монастырь. Старецъ же положи на волю Божию и повинуюся ему. Государь же радъ бысть и въ той часъ посла въ Корнильевъ монастырь, повелѣ монахомъ быти, да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ. Не по многѣхъ двѣхъ придоша монаси и молиша его... Корнилій же съ ими иде къ государю и проси отпущенія въ монастырь свой. Много обрадовашеся благочестивый князь великій о семъ и глагола святому: отче, яко отпелиже сотвори въ монастырь, не имѣши селъ и деревень, по ихъ же требуеши, проси и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привидоша близъ монастыря деревни и починки и со всѣмъ угодиетъ владѣ, рекъ, сице глаголя: аще у нихъ кто въ тѣхъ деревняхъ учнутъ житьствовати священники, діакони и ихъ христіане, не надобѣ имъ моя, великаго князя, дань всаческая, и ни который побарчий у нихъ не беретъ ничтоже, и съ чернью не тянутъ во всякіе разматы... И сія изречши, писаніемъ утверди съ красною печатью. И приимъ благословеніе, отпусти его съ миромъ, глаголя: моли, отче, Бога о нашемъ здравіи. Вдѣ же ему, боголюбецъ, вся, еже путеви потребная въ сѣмъ же и милостину довольно".

По прѣшествіи въ монастырь, старецъ былъ встрѣченъ братією съ великою радостію: „ови отъ нихъ ружь его лобзаху, ови ногамъ

касахуся, инии ризамъ". Игуменъ же Кассіанъ, избранный въ отсутствіе старца „устыдѣся отца и остави игуменство".—Въ своемъ монастырѣ святый снова принялся за обычные труды, „лѣсъ сѣвъ и нивы пасѣвая". Но здѣсь онъ встрѣтился опять съ обычными невзгодами. Разъ, заживая хворостъ, онъ едва не сдѣлался жертвою пламени, объявшаго его со всѣхъ сторонъ, и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру могъ выйти изъ него невредимъ. Святый снова здѣсь встрѣтился и съ недовольствомъ братіи. Одинъ братъ, по имени Захей, жаловался на скудость данной ему одежды и пришелъ къ игумену просить новой. Старецъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго ходилъ въ вязаной лыкомъ одеждѣ Захея. Все это болѣе и болѣе удручало старца, заставляя его сильнѣе чувствовать давно уже наступившую старость: „по сихъ, видѣ себе старостію прекланяема и недугомъ отягчаема и къ концу приближающа, братія же число прибавляюще и требующе поученія отъ его, оставъ монастырь и все строеніе и отыде въ свое постриженіе, въ Кирилловъ монастырь... и затворися ту въ келіи, да скончаетъ теченіе духовнаго подвига. Ученици же его послаша старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему, дабы ихъ не остави сирыхъ, да возвратився во свой монастырь безмолвствуетъ". Приидя туда, Корнильевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ кунно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да не како стуживъ си разыдутся. Блаженный же, немогій преслутатися ихъ, рекъ имъ, глаголя: поставите себѣ игумена и азъ возвращуся къ вамъ. Они же рѣша: по рцы, отче, его же хоцеша? И глагола имъ: Лаврентій да будетъ игуменъ. Братія едва умолиша Лаврентія и поставиша его игуменомъ. Лаврентій совѣтъ сотвори съ братією и иде въ Кирилловъ ко преподобному и моли его, о еже не оставити ихъ, чадъ своихъ, сирыхъ". Блаженный „не презрѣ моленія ученикъ своихъ" и возвратился въ свой монастырь. Здѣсь, вручивъ игуменство брату Лаврентію, самъ же „крайнее безмолвіе любомудрствовати начатъ, затворися въ келіи".

Въ то время случилось нашествіе безбожныхъ татаръ на Вологодскіе предѣлы²⁰, сопровождавшееся обычными бѣдствіями для жителей. „Отъ нашествія поганыхъ не токмо мірская чадъ, но и монастыри разбѣгошася. Братія же повѣдаша блаженному, онъ же глагола имъ: сотворимъ человѣческое — бѣжимъ и мы... и уклонися въ

²⁰ Ср. полное собраніе русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 291 (Воскресенская лѣтопись, подл. 7044 (1536) г.

предѣлы Бѣлозерскіе, на Ухтому^а. Монастырь, однако, остался цѣль и рука вражя не коснулась его. Вскорѣ послѣ возвращенія съ него въ монастырь преподобный преставился, въ 1537 (7045) году, 19 мая, «егда приде на мѣсто то чотырдесяти и единого лѣта и собра множество братій, бѣ же ихъ яко девяносто, и пожи всѣхъ лѣтъ осемдесятъ двѣ лѣтъ».

Преемникъ его по игуменству Лаврентій былъ достойнымъ своего великаго учителя. Біографъ между прочимъ замѣчаетъ о немъ, что онъ «многи книги написа рукою своею».

Въ заключеніе своего труда біографъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о другомъ ученикѣ Корнилія, преподобномъ Геннадіи Любимскомъ. Послѣ долголѣтняго пребыванія подъ руководствомъ своего учителя, Геннадій сталъ проситься у него въ пустыню, чтобы ему самому создать обитель. Долго не соглашался на это старецъ, говоря просившемуся «не можешь мѣста того строити, безкнижну ти сущу», но наконецъ уступилъ усиленной просьбѣ. Геннадій ушелъ въ Любимскіе предѣлы и создалъ «монастырь чудепъ».

Обратимся къ иноческимъ воззрѣніямъ преподобнаго Корнилія, выраженнымъ въ его уставѣ.

Преподобный Корнилій жилъ въ то время, когда русское иночество въ устройствѣ своей жизни руководилось не одними уже восточными преданіями, но и законоположительными уставами своего русско-православія. Въ его время существовали двѣ школы русскаго подвижничества. Одна изъ нихъ влекла свое начало отъ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, устроителя и законоположника иноческаго общежитія, и въ устройствѣ монашеской жизни старалась руководиться строгимъ исполненіемъ устава, *практически* опредѣлявшаго каждый шагъ иноческой жизни.

Другая школа имѣла своимъ родоначальникомъ устроителя и законоположника русскаго скитничества, преподобнаго Нила Сорскаго, съ его возвышенно-созерцательной системой иноческихъ подвиговъ. Естественно ожидать, что преподобный Корнилій, какъ послѣдующій устроитель монастырской жизни, станетъ въ такомъ или иномъ отношеніи къ первымъ законодателямъ русскаго иночества. Дѣйствительно, уставъ Корнилія имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ трудамъ первыхъ законоположниковъ сѣверно русскаго подвижничества. Какъ постриженникъ Кириллова монастыря, преподобный Корнилій не могъ, конечно, не познакомиться съ новой системой иноческихъ воззрѣній Сорскаго аскета, не разъ избиравшаго мѣстомъ своихъ подвиговъ обитель постриженія Корнилія. Достаточно бѣлаго сопостав-

ленія уставовъ Нилова и Корниліева, чтобы видѣть несомнѣнные слѣды вліянія перваго на послѣдній.

Предисловіе устава Нилова. «Вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Пречистыя Его Матери Богородицы споспѣшевіемъ, написати писаніе душеполезно себѣ и о Господѣ братіямъ моимъ приснымъ, яже суть моего права».

И понеже мнози благоговѣйшіи братія приходятъ ко мнѣ, хотяще жителствовати у насъ и азъ на мнозѣхъ отрицаюся, понеже грѣшенъ есмь человекъ и неразумѣвъ, и тѣломъ немощенъ; отвращаеми же отъ мене, не оставляють мя почитати, ниже стужають мнѣ, и сего ради смущенія бывають намъ. И смотрихъ се, аще есть воля Божія, да иже придутъ къ намъ...

Предисловіе устава Корнилія. «Благословеніемъ и вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистыя Матери Его споспѣшевіемъ написахъ писанія душеполезна себѣ и о Господѣ братіи моей приснымъ... И понеже мнози человекѣ и мірстіи приходятъ къ намъ, хотяще пострицася, азъ же грѣшенъ и неразумѣвъ человекъ есмь, и душею и произволеніемъ немощенъ, приходящихъ ко мнѣ принимаю и пострижаю. Такожде нѣцни братія отъ нѣхъ монастырей приходятъ, хотяще жителствовати съ нами и сихъ убо приѣмлю, не начальствовати убо желая, отъ десныхъ же боюся, егда како украдаемъ есмь и смотрихъ се, аще есть воля Божія»...

Однако, какъ ни сильны слѣды этого вліянія, было бы ошибочно считать его исключительнымъ. Дѣло въ томъ, что уставъ Нила очень близко соприкасается со скитскимъ устройствомъ его обители и уже потому одному не могъ быть вполнѣ пригоденъ для общежительной обители Корнилія. Поэтому, хотя воззрѣнія перваго законоположника сѣверно-русскаго общежитія существенно отличаются отъ созерцательной системы аскета-скитника, на которой, вѣроятно, воспитывался преподобный Корнилій, но тѣмъ не менѣе ему, какъ послѣдующему устроителю монастырскаго общежитія, пришлось позаимствовать изъ этихъ воззрѣній много. Впрочемъ, можно усматривать и другія побужденія къ подобнаго рода заимствованіямъ. Воззрѣнія Сорскаго аскета, явившіяся плодомъ глубокаго изученія души человѣческой и аскетическихъ твореній восточныхъ подвижниковъ, по причинѣ своей возвышенности, могли быть доступны далеко не для всѣхъ русскихъ иноковъ. Время то въ исторіи религіознаго проевѣщенія было у насъ, по выраженію аскетовъ-скитниковъ, все еще временемъ «внѣшняго моленія», когда «умное дѣланіе», которое они проповѣдывали,

было понятно очень немногимъ. Для тогдашнихъ русскихъ иноковъ необходима была, поэтому, болѣе простая и понятная система иноческихъ воззрѣній, которая и излагается въ уставѣ преподобнаго Иосифа. Этимъ и можно объяснить ту двойственность вліяній, вліяній существенно-различныхъ, которую мы замѣчаемъ въ уставѣ Корнилія. Введеніе этого устава, какъ мы видѣли, часто съ буквальнойностью повторяетъ предисловіе устава Нилова. Здѣсь содержатся общія наставленія игумена братія и перечисляются иноческія добродѣтели, какими должны быть: взаимное согласіе и послушаніе, другъ ко другу любовь, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, скорбь о безплодномъ мимошедшемъ лѣтѣ, стремленіе къ отечеству небесному, память о смертномъ часѣ и вѣчныхъ мукахъ и т. п. Все это сильно напоминаетъ воззрѣнія Сорскаго подвижника. Что же касается дальнѣйшаго содержанія устава, то здѣсь, при несомнѣнности вліянія Нила, сказывается и другаго рода вліяніе—аввы Иосифа. Чтобы яснѣе судить о силѣ этого послѣдняго вліянія сдѣлаемъ сопоставленія того и другаго устава²¹.

„Аввы Иосифа отъ божественныхъ писаній о жителствѣ, общезителнѣмъ словеса къ своимъ его ученикомъ“.

Глава I.

„О соборнѣй молитвѣ“.

„Подобаетъ убо намъ прежде всего показать всяко тщаніе и подвигъ, яко вся въ общемъ житіи благообразно и по чину да бывають; изряднѣе же всего чинъ церковныхъ службъ, яко да не что сущихъ въ уставѣ мало или велико по нѣкоей винѣ презрится, но да хранятся церковныя службы чинъ же и устроеніе и не преткновенно и непреложно, яко

„Уставъ или правила о жителствѣ, отъ святыхъ божественныхъ писаній избранна, о устроеніи преданныхъ намъ образъ отъ св. отецъ во спасеніе душамъ и писаніемъ вдавнъ сущимъ о Христѣ братіямъ моимъ, во обители Пресвѣтлыя Богородицы, честнаго ея Введенія, въ ней жителствующимъ“ (пр. Корнилія).

Глава I.

„О церковномъ благочиніи и о соборной молитвѣ“.

„Изряднѣе же чинъ церковныхъ службъ, якоже повелѣвають божественныя писанія, потщамся творити, яко да купно, егда клепа-

²¹ Уставъ Корнилія цитруется здѣсь по ркп списку въ сборникѣ Вологодскаго кафедральнаго собора № 3, л. 1—20, а уставъ Иосифа—по ркп. Соловецкой библ. № 325, л. 3 и слѣдующіе.

да отъ св. отецъ предадеса намъ... Сего ради прежде потщимся о семъ, яко да купно, егда клепа-ніе возгласить, то вся, иже въ рукахъ нашихъ обрѣтшася, вскорѣ отметнемъ и съ тщаніемъ мнѣмъ и усердіемъ потецемъ къ божественному красному пристанищу церковному... Иже бо прежде прїдетъ, той прежде и милости сподобится отъ Господа Бога. Ибо къ земному царю еще кто приходитъ прежде и пребываетъ стоя или сѣдя у палаты; всегда ожидая происхожденія царева, и коснись и медлитъ всегда, тако творя и любимъ бываетъ царемъ...

Далѣе, для краткости будемъ сопоставлять одни только заглавія, болѣе подробно останавливаясь на особенностяхъ устава Корнилія.

Уставъ Иосифа.

Уставъ Корнилія.

Глава II.

„О пищи и питіи“.

Глава II.

„О благоговѣйствѣ и благочиніи трапезномъ и о пищѣ и о питіи“.

Глава III.

„О еже не бесѣдовати на трапезѣ“.

„Указъ о ястіяхъ и питіяхъ“.

Глава IV.

„О одеждахъ и обуцахъ“.

„О еже не подобаетъ никому ясти и пити, кромѣ общія трапезы—безъ благословенія.“

Глава V.

„О святыхъ иконахъ и о книгахъ“.

„О одеждахъ и обуцахъ и о прочихъ вещехъ“.

Глава VI.

„О еже не бесѣдовати по на-
вечерниці“.

„О еже не просити никому,
что отъ вѣшнихъ мірскихъ или
инокъ“.

Глава VII.

„О еже не подобаетъ исходити
инокомъ въ обители безъ благо-
словенія“.

„О еже не имѣти особнаго стя-
жанія никому ничего“.

Глава VIII.

„О еже подобаетъ потщатися
всякому на соборное дѣю“.

„О еже не взимати кому нич-
тоже нигдѣ же безъ благослове-
нія игумена и келаря“.

Глава IX.

„О еже не подобаетъ быти въ
обители питію, отъ него же піан-
ство бываетъ“.

„О еже не проходити кому без-
ременно въ трапезу и въ слу-
жебныя келія“.

Глава X.

„О еже не подобаетъ въ оби-
тели жити отрочатомъ“.

„О еже вкупѣ братіямъ, сходя-
щимся на дѣло кое, подобаетъ
творити съ молчаніемъ и съ мо-
литвою“.

Глава XI.

„О еже не подобаетъ въ оби-
тели женскому полу входить“.

„О еже не подобаетъ изъ мо-
настыря по плоти къ своимъ или
инудѣ кудѣ безъ благословенія
исходити“.

Этой главой уставъ аввы Іосифа кончается. Далѣе продолжают-
ся цитаты устава одного Корнилія.

Глава XII.

„О еже не принимати братіямъ милостины себѣ по рукамъ ни
отъ кого“.

Глава XIII.

„О еже не быти питію піанственному ни отъ кого“.

Какъ будто въ первоначальномъ своемъ видѣ уставъ этой гла-
вой и оканчивается. Въ заключеніи этой главы читаемъ: „вся же,
яже въ писаніи семъ, написахъ недостойный моею рукою азъ инокъ
грѣшный Корнилій и предахъ братіи моей, въ мѣстѣ семъ постриг-
шимся, да и по смерти моей тако творима будутъ. Молю же вы,
братіе, поживите въ братолюбіи, любовь имѣйте истинную и миръ
отъ сердца и Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь“.—Но послѣдую-
щій опытъ указалъ старцу предметъ еще для двухъ главъ его завѣ-
щанія.

Глава XIV.

„О приходящихъ братіяхъ и хотящихъ въ мѣстѣ семъ по смерти
моей жити, имущихъ же стяжанія особнаа“.

Здѣсь Корнилій завѣщаетъ братіи слѣдующее: имѣющаго стяжаніе
„примите научиться ему на лѣто единс. А еже имать стяжаніе свое
особное—вся сія скажетъ настоятелю: что есть и гдѣ стоять, и аще
будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырекой казѣ за своею
печатію (кромѣ иконъ, книгъ, одежды и обуви, которыя позволялось
имѣть при себѣ). Аще пребудетъ лѣто едино и Господь укрѣпитъ его
и восхоцетъ прочее съ вами по преданію нашему пожити и онъ,
еже имать стяжаніе свое излишнее, все раздастъ, а еже хоцетъ, на
пользу души, себѣ же въ соблюденіе не оставитъ ничего. Аще ли по
лѣтѣ опомъ на лучшее не пріидетъ и тако пожити не хоцетъ, тако-
ваго отъ монастыря съ миромъ отпустите со всеѣмъ его стяжаніемъ“.

Глава XV.

„О исходящихъ изъ монастыря и паки возвращающихся братіяхъ
пашихъ“.

„Слышахъ азъ самъ, пишетъ въ этой главѣ Корнилій, иже отъ
мене постригшихся многихъ глаголющихъ: идиѣ намъ Корнилій воз-
бращаетъ и не дастъ по волѣ своей пожити, а егда умретъ, мы перей-
демъ въ свой монастырь и по воли нашей поживемъ, якоже хоцемъ.
И вы, братіе, таковыхъ бойтесь и не принимайте ихъ въ монастырь,
ибо не хотятъ они жити по преданію, якоже писахъ вамъ. Аще ли
погнѣздятся лицемѣриемъ въ монастырь и начнутъ свою волю соста-
вляти, вы же таковыхъ скоро изъ монастыря ижейте, довели же
вкоренится злоба, да не разорятъ устава и чина сего“.

Таковы иноческія воззрѣнія преподобнаго Корнилія. Онѣ, какъ мы видѣли, представляютъ изъ себя нѣкоторое сочетаніе воззрѣній Нила и Іосифа, съ явнымъ, впрочемъ, обладаніемъ первыхъ. Такъ, въ основномъ своемъ взглядѣ на иночество преподобный Корнилій ближе подходитъ къ воззрѣніямъ Нила. Инокъ, человѣкъ не отъ міра сего, для котораго имѣютъ особенное значеніе слова: „пришельцы есмь здѣ и преселъницы... Того ради подобаетъ намъ нещиса о ономъ, еже по смерти, житіи, воздвизая совѣсть къ лучшему и сохраняя отъ небреженія злаго житія“. Заповѣдь иноческой нестяжательности также выступаетъ здѣсь гораздо сильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ уставѣ Іосифа. Раскрытію ученія о нестяжательности, какъ мы видѣли, посвящено нѣсколько главъ въ уставѣ Корнилія. Такъ, въ VI главѣ подвижникъ заповѣдуетъ братіи „о еже не просити никому что отъ вѣшнихъ мірскихъ или инокъ“. Здѣсь, между прочимъ, инокъ, недовольнаго чѣмъ-либо монастырскимъ и говорящаго: „самъ испрошу отъ своихъ ми“, подвижникъ изобличаетъ слѣдующими рѣзкими словами: (таковой) „слѣпъ страстію, хвалитъ свою погибель. Таковъ блудлюбъ и тщеславецъ зъва посреда братіи и соблазнъ“. Въ VII главѣ — „о еже не имѣти особаго стяжанія никому ничега“ — содержится завѣщаніе преподобнаго „ошайтиса сребролюбіе и ризнаго украшенія и вещьристрастіа“. Подобныя же мысли въ VIII и XII главахъ. Но особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи XIV глава, въ которой подвижникъ даетъ наставленіе „о приходящихъ братіяхъ, имущихъ стяжаніа особаа“. Повелѣвая принимать такихъ „на лѣто едино“ ради монашескаго искуса, преподобные заповѣдаютъ относительно ихъ стяжанія объявить настоятельно: „что есть и гдѣ лежитъ, и аще будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырской казѣ за своею печатію“. Если послѣ искуса прищельцы пожелаютъ принять постриженіе, то должны раздать стяжаніе свое, „аможе хочуть на пользу души“, а если пожелаютъ возвратиться въ міръ, то братія должны отпустить ихъ „со всѣмъ стяжаніемъ“.

Итакъ, заповѣдь иноческой нестяжательности послѣдовательно проходитъ чрезъ весь уставъ Корнилія и по духу его содержанія гораздо болѣе сближаетъ его съ уставомъ Ниловымъ. Иноческія воззрѣнія этихъ двухъ подвижниковъ согласуются еще по нѣкоторому, общему съ самъ вопросу, имѣвшему тогда особенно важное значеніе, вопросу о монастырскихъ вотчинахъ. Подобно Нилу, Корнилій не заботился о приобрѣтаніи вотчинъ для своей обители, напротивъ, избѣгалъ ихъ. Сохранилось извѣстіе, что онъ продалъ монастырскую землю въ Пошехонскомъ уѣздѣ, подаренную его монастырю княземъ

Симеономъ Шелешпанскимъ²²). Когда великій князь предложилъ ему села и деревни въ пользу монастыря, то онъ просилъ лишь утвердить за монастыремъ землю, находящуюся кругомъ монастыря, „да въ потѣ лица своего сиѣся хлѣбъ свой“. И только настойчивость князя заставила его принять дарственную грамоту.

Все это даетъ мѣсто заключенію, что вліяніе воззрѣній Нила Сорскаго на преподобнаго Корнилія гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе аввы Іосифа. Первое касается самыхъ существенныхъ пунктовъ воззрѣній Корнилія, относится къ внутренней сторонѣ его ученія, а послѣднее простирается, главнымъ образомъ, на первыя пять главъ устава Корнилія, гдѣ говорится о соборной молитвѣ, о пищѣ и питіи, объ одеждѣ и обуви, однимъ словомъ, касается вѣшной стороны жизни и благоповеденія иноковъ.

Намъ остается сдѣлать еще біографическій очеркъ нѣкоторыхъ святыхъ, позднѣйшихъ по времени своей жизни.

Въ концѣ XV вѣка въ городѣ Устюгѣ подвизался подражателъ блаженнаго Прокопія — юродивый Іоаннъ. Житіе его²³) имѣетъ нѣкоторое литературное родство съ житіемъ Прокопія, но въ историческомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ превосходитъ его. Біографъ въ своемъ предисловіи замѣчаетъ, что оно написано со словъ очевидцевъ святаго: „распытывалъ древнихъ старецъ, вѣдущихъ о житіи блаженнаго, навпаке слышахъ у отца моего и стрія моего, бѣ бо жителіе града того Устюга... отецъ мой имѣлъ (тогда) санъ священства (у соборной церкви; впоследствии онъ сдѣлался игуменомъ Соловецкаго Борисоглѣбскаго монастыря), „сподоби его Богъ видѣти такового благовѣстника и погребети тѣло его съ прочими священники, а въ животѣ его видѣхъ“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія въ концѣ сдѣлана такая приписка: „23к (1554) списано бысть сіе житіе... въ пресловуемѣ градѣ Устюгѣ... по благословенію отца моего игумена Діонисія, при державѣ царя Іоанна Васильевича, при митрополитѣ Макаріѣ, при архіепископѣ Ростовскомъ Никандрѣ (1543—1567) и епископѣ Вологодскомъ и Пермскомъ Кипріанѣ“²⁴).

²² Юридическіе акты, стр. 121.

²³ Списки: ркп. Соловецкой бібліотеки № 221 и 222 — житіе Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Начало: „Тайну цареву достоитъ хранити“.

²⁴ А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 518. Видѣтъ съ житіемъ Прокопія и это житіе подверглось сильной порчѣ, хотя и въ меньшей степени. Здѣсь, повидимому, эта порча коснулась только отдѣла о чудесахъ. Сравнивая послѣднія чудеса обоихъ житій въ распространенныхъ ре-

„Во градѣ Устюгѣ, обѣ оны поля рѣки, глаголемыя Сухоны, близъ монастыря, иже есть на Гледенѣ, идѣже былъ старый градъ Устюгъ“... есть село Пухово. Въ одно время тутъ жилъ нѣкій землевладѣлецъ Савва съ женою Наталіей. Это были родители блаженнаго Іоанна, который былъ вторымъ ихъ сыномъ (первый—Иродіонъ). Впослѣдствіи они переселились „въ Устюжскую весъ, во градъ, зовомый Орловъ“, на рѣкѣ Югѣ, въ тридцати поприщахъ отъ Устюга. Отецъ блаженнаго здѣсь скоро умеръ, а мать постриглась въ женскомъ Троицкомъ монастырѣ, въ Орловѣ. Іоаннъ нѣкоторое время былъ при ней, а потомъ, испросивъ ея благословеніе, „изъ Орлова града шествуетъ ко гробу пресвѣтлаго Прокопія“. Придя въ Устюгъ, онъ поселился близъ соборныя церкви и церкви блаженнаго Прокопія, „въ нѣкоей хижинѣ, юже постави нѣкій христіюбеецъ, Андрей, рекомый Мишневъ“. Здѣсь онъ и началъ свои подвиги юродства, описаніе которыхъ въ житіи близко напоминаетъ описаніе такихъ же подвиговъ Прокопія. Онъ ходилъ по городу и по улицамъ „рышущи грунцею“; мѣстомъ его успокоенія были „гноища и сметыща“; „ризы и власныицы на тѣлѣ своемъ не имаше, токмо имѣа одинъ плащъ рубища раздралъ, а иногда пошаше срачицу черву, никогда не омовену. Нѣдци безумнѣи чловѣци не вѣгласы окаяннѣи поношаху ему, и укоряху, и пяху, и біяху, на лице его плеваху. Нагъ зимою умираше, а отъ солнца зноимъ изгараше“. Добровольный страдалецъ преставился въ 1494 году (7002).

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ городѣ Тотьмѣ подвизался преподобный Ѳеодосій. Житіе его²¹) представляетъ собою двѣ ре-

дакціи нельзя не признать, что авторъ ихъ одно и тоже лицо. Нѣкоторые чудеса этихъ редакцій въ однихъ спискахъ отнесены къ житію Іоанна (например, чудо о разслабленномъ Видуѣ—въ Соловецкихъ спискахъ), а въ другихъ—къ житію Прокопія (списокъ библиотечки Ундольскаго, № 326). Сходство обихъ житій и встрѣчающееся въ житіи Іоанна выраженіе: „его-же (Прокопія) чудеса и прощенія въ писаніи его сказа, о семъ же св. Иванѣ наки начнемъ писать“—навелъ проф. Ключевскаго на мысль, что списатель житій обихъ юродивыхъ—одно лицо (стр. 277). Но, очевидно, тутъ ничто не поддерживаетъ предположенія ученаго профессора. Приведенное замѣчаніе, какъ можно видѣть изъ содержанія житія, относится къ чуду иконы Одагвтрія, взятой отъ гроба Злаж. Прокопія и перенесенной въ Соли-Вычегодской, гдѣ былъ игуменомъ отецъ списателя житія Іоанна.

²¹ Списки—въ рукописяхъ библиотечки Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря. Два списка одной редакціи, краткой начинаютъ такими словами: „свѣтѣ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій родился во дни благочестивыя державы государя и великаго князя Василия Іоанновича“. Одинъ списокъ распространенной

дакціи, изъ которыхъ распространенная относится къ 1662 году, что можно видѣть изъ ея предисловія: „(житіе) написано бысть при державѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича... въ лѣто отъ созданія міра 7170, а еже по плоти Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1662“. По поводу источниковъ списателя замѣчаетъ, что онъ вопрошалъ о житіи и чудесахъ святаго „отъ древнихъ старецъ“ и нашель „помалу написанія о немъ, ово въ тетрадѣхъ, ово же яко въ свитцѣхъ“. Это—самая обыкновенная, полная риторическихъ украшеній и скудная фактами біографія. Въ послѣднемъ отношеніи она нисколько не отличается отъ болѣе простой и краткой другой редакціи, составленной въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка²²).

Преподобный Ѳеодосій родился въ княженіе Василия Іоанновича, въ городѣ Вологдѣ. Отецъ его назывался Юліаномъ и происходилъ изъ рода Суморинныхъ. По достиженіи возраста, онъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ дочь Марину. Скоро обстоятельства его жизни измѣнились: родители его умерли, умерла, вѣроятно, и жена, а самъ онъ привялъ постриженіе въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. Послѣ нѣкотораго пребыванія здѣсь, онъ, по волѣ игумена, долженъ былъ отправиться въ городъ Тотьму для надзора за соловаренными заводами, принадлежавшими Прилуцкой обители. Ѳеодосій полюбилъ этотъ городъ и въ одной изъ пустынныхъ его окрестностей заималъ основать свой монастырь. Къ этому побуждали его и жители Тотьмы, не имѣвшіе вблизи себя монастыря. Мѣстомъ для созданія монастыря онъ избралъ высокій, окаймленный лѣсомъ мысъ, образуемый теченіемъ двухъ маленькихъ притоковъ рѣки Сухоны Ковды и Пескей Деньги. Это мѣсто принадлежало вдовѣ Марѣ Григорьевнѣ Истоминой, которая охотно уступила его въ пользу монастыря²³). Въ 1554 году Ѳеодосій предпринялъ путешествіе въ Москву къ царю и митрополиту съ челобитною отъ жителей города Тотьмы, содержаніе которой передается въ дар-

редакціи начинается свѣдѣніями „о составленіи житія и предивныхъ чудесъ преподобнаго отца нашего Ѳеодосія“.

²² Ключевскій. Указ. соч., стр. 349.

²³ Объ этомъ сообщаетъ одна древняя хартія слѣдующаго содержанія: „сказъ Марья, Григорьева дщи, а Истоминская жена да съ дѣтьми: съ Ѳеодорожъ да съ Петромъ да со внукомъ—Ивановымъ сыномъ приданово дали старцу Ѳеодосію Суморину, отъ отца своего благословеніе, пустынь Самакинскую на Пескѣй деньгѣ и на Ковдѣ со всѣмъ угодьемъ... и дали есма на монастырское строеніе. Лѣта 7061 (1553), августа въ десятый день“.

ственной грамотѣ послужившей отвѣтомъ на эту челобитную. „Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ... били челомъ Тотмичи посадскіе люди... въ томъ, что де на Тотмѣ и во всемъ Тотемскомъ уѣздѣ монастыря нѣтъ, и кто де ихъ при старости и при смерти захочетъ постричься—негда, и въ томъ-де имъ бываетъ нужда великая. И хочеть де у нихъ на Тотмѣ церковь воздвигнути и монастырь строити собою и въ томъ монастыри строителствовати старецъ Θεодосій Сумеринъ: и мнѣ старца Θεодосія пожаловать и освободить ему воздвигнути церковь Преображенія и игумена или чернаго попа и діакона къ той церкви поставить служить и монастырь соорудить между Бовдою и Песьею-деньгою и велѣти мнѣ отцу своему Макарію митрополиту благословити (его) въ томъ монастырѣ строителствовати“³⁸). Всѣ эти просьбы были удовлетворены и Θεодосій, по возвращеніи изъ Москвы, принялся за сооруженіе обители. На обратномъ пути онъ завернулъ въ обитель своего постыженія, изъ которой, между прочимъ, взялъ икону Богоматери для своей предполагавшейся церкви. Соорудивъ обитель, Θεодосій составилъ общежитіе. Вскорѣ онъ испросилъ новую жалованную грамоту у царя Ивана Васильевича, въ которой значится слѣдующее: „вынѣ, билъ челомъ Θεодосій, въ томъ (основанномъ имъ) монастырѣ священникъ черной да шесть чернцовъ, а приходу и доходу у его монастыря нѣтъ ни котораго, да кормятся де они сѣкутъ дрова, да у соли продають, а опричь-де имъ дровъ пропитатися нечѣмъ и въ томъ-де имъ нужда великая и впредь имъ прожити не мочно и мнѣ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ на Тотмѣ у соли труба садити и соли варити безоборочно и изъ тое трубы соль на Тотмѣ продавати“³⁹), на что и послѣдовало государево соизволеніе. Впослѣдствіи Θεодосій на монастырской землѣ выстроилъ мельницу и приобрѣлъ угодья. Кромѣ устройства своего монастыря, онъ, съ благословенія архіепископа Ростовскаго, возобновилъ пустынь, устроенную нѣкогда старцемъ Ефремомъ и составилъ при ней общежитіе⁴⁰). Въ свободное отъ трудовъ время онъ предавался аскетическимъ подвигамъ: вериги его и желѣзная шапка, которую онъ носилъ подъ кукулемъ, хранящіяся въ его обители, поражаютъ своею массивностію. Онъ преставился въ 1568 году. Предъ смертію онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ имущество свое главнымъ образомъ расписалъ по разнымъ монастырямъ, на поминъ своей души. Моги его

³⁸ Исторія російской іерархіи VI/1, 413—414.

³⁹ Ibidem, стр. 218 и слѣд.

⁴⁰ Ibidem, IV, 88.

были обрѣтены спустя 228 лѣтъ послѣ преставленія. По обрѣтеніи мощей совершилась и его канонизація въ царствованіе императора Павла Павловича.

Въ числѣ позднѣйшихъ Вологодскихъ подвижниковъ мы встрѣчаемъ двухъ преподобныхъ князей: Игнатія Прилуцкаго и Галактіона Вологодскаго.

Біографъ преподобнаго Игнатія, называющій себя именемъ Прилуцкаго инока Логгина, по словамъ проф. Ключевскаго, „въ краткой повѣсти, чуждой риторическихъ украшеній, сообщилъ немногія свѣдѣнія о князѣ и чудесахъ его до половины XVI вѣка“⁴¹).

„Сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родился отъ благовѣрнаго князя Андрея Васильевича Угличскаго, сына великаго князя Василія Васильевича и благовѣрныхъ княгини Елены“⁴²). Но въ числѣ сыновей Василія Васильевича было два Андрея Васильевича, — который изъ нихъ былъ родителемъ преподобнаго, по замѣчанію біографа, не извѣстно.

„Въ лѣто 6970 (1462) сѣде на великомъ княженіи Московскомъ, по смерти отца своего Василія Васильевича, сынъ его Іоаннъ Васильевичъ. А князю Андрею Васильевичу, брату своему, даде градъ Угличъ. У Андрея Васильевича Угличскаго бяху два сына: князь Іоаннъ Андреевичъ (сей преподобный отецъ нашъ Игнатій) да князь Дмитрій Андреевичъ“. Іоаннъ родился въ Лукахъ Великихъ и жилъ при отцѣ въ теченіи тринадцати лѣтъ. „Ненавидай же добра діаволъ при отцѣ въ теченіи тринадцати лѣтъ. „Ненавидай же добра діаволъ положи ненависть великому князю Іоанну Васильевичу Московскому на брата своего князя Андрея Васильевича Угличскаго и чады его: на сего князя Іоанна Андреевича и князя Дмитрія Андреевича. И

⁴¹ стр. 271. Списки житія: ркп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря №27/26; ркп. той же бібліотеки №5/4—житіе со службою преподобныхъ Дмитрія и Игнатія; ркп. житіе Прилуцкихъ подвижниковъ той же бібліотеки №4/4; ркп. житіе преподобныхъ Дмитрія и Игнатія (со службою) бібліотеки Дмитріевской (Аннежской) церкви; ркп. Императорской публичной бібліотеки—въ описаніи Быкова, § 27, стр. 98. Послѣдній списокъ представляетъ собою незначительную передѣлку остальныхъ. Общее начало: „сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родился отъ благовѣрнаго и христолюбиваго князя Андрея Васильевича Угличскаго“.

⁴² Отноительно родителей преподобнаго князя дѣлается слѣдующее замѣчаніе въ послѣсловіи житія: „иѣцыи глаголють, яко быти сему преподобному племяннику родному царю Іоанну Васильевичу, но иѣсть тако. Понеже царь Іоаннъ Васильевичъ имѣше брата родного единого Юрія Васильевича“.

належащую и набѣжаніе, устремися и не видѣ, гдѣ главу подклонити, вскочи же въ келлію отца своего. Это замѣтили злодѣи и устремились въ келлію старца, „яко къ нему, старцу, прибѣже жена. Дщи же блаженнаго видѣвше ихъ и убѣжавъ отъ нихъ. Они же аша преподобнаго жива въ веригахъ и начаша его бити нещадно, и за чепъ влачити по земли, укаризны понося на его и мечи сѣчаху, и абіе съ вѣкія хранины древомъ удариша его по главѣ и оставиша еле жива суща. Святый же труждався и животь скончавая тако святую душу свою предать, въ лѣто 7121 (1612) 24 сентября“⁴⁵). Тѣло его было погребено въ келліи его. Чрезъ нѣсколько времени по прославленіи святаго жителя Вологды, по благословенію архіепископа Варлаама, воздвигли храмъ близъ этой келліи; архіепископъ повелѣлъ здѣсь, братство составить и житіе (преподобнаго) написать“. Такъ возникъ здѣсь монастырь.

Послѣ всесторонняго изученія предмета, изслѣдователь, въ заключеніе своего труда, чувствуетъ потребность еще разъ взглянуть на свой матеріалъ, чтобы собрать свои разсѣянные наблюденія и по возможности систематизировать ихъ.

Тщательно изучая святыхъ Вологодскаго края по древнимъ агіо-біографическимъ памятникамъ, изслѣдователь не могъ не придти къ

четыремъ дневномъ заключенію, такъ описываетъ это нашествіе: „нынѣшняго 1612 года, сентября 24 дня, въ послѣднемъ часу ночи, разорители нашей чистой православной вѣры, ругатели креста Христова, Поляки, Литовцы съ чернасами и русскими измѣнниками нечаяннымъ набѣгомъ пришли на Вологду, взяли городъ, умертвили людей, осквернили церкви Божіи, сожгли городъ и посади. Воевода—князь Иванъ Одоевскій ушелъ, а околицій—князь Григорій Долгоруковъ и дьякъ Истома Карташевъ—убиты. Меня грѣшнаго взяли въ пѣнъ, держали у себя четыре ночи и не разъ присуждали къ казни, едва живаго опустили. Когда Ляхи и Литва пришли къ Вологдѣ, то, по грѣхамъ нашимъ, по нерадѣнію воеводъ, не было ни разбѣжнихъ карауловъ, ни сторожей на башняхъ. У воротъ было нѣсколько человѣкъ на караулѣ, но и тѣ не слышали, какъ Литовцы вошли въ городъ, а большія ворота не были заперты... Все отъ плутиства: воеводы проини Вологду“. (Историческій словарь Щекатова, I, 988.

⁴⁵ Въ синодикѣ Вологодскаго кафедральнаго собора читаемъ: „121 (1612) г. сентября 24 дня, вторникъ, въ первомъ часу дня. Помяни, Господи, иже во градѣ избѣенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ“... и далѣе перечисляются 68 убитыхъ и сожженныхъ, въ числѣ которыхъ три протоіерея, тридцать четыре священника, шесть діаконъ и шесть иноковъ. Въ числѣ послѣднихъ—іерей инокъ Галактіонъ“. Свидѣнія объ іерархахъ Вологодской епархіи, стр. 51—52.

мысли о важности этого изученія въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ исторіи русскаго монашества и 2) въ исторіи сѣверно-русской колонизаціи.

Обыкновенно сѣверно-русскіе подвижники считаются просвѣтителями русскаго инородческаго сѣвера, но наши историческіе источники не даютъ намъ касательно этого предмета богатаго матеріала. Жизнь и дѣятельность болѣе раннихъ подвижниковъ на русскомъ сѣверѣ, время жизни которыхъ совпадаетъ со временемъ распространенія христіанства, остаются въ совершенной тѣни. Мало мы знаемъ о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ, не болѣе и о другихъ подвижникахъ, близкихъ къ нему по времени жизни. Кромѣ Герасима, въ лѣтописи Паисія Ярославова упоминается еще о двадцати трехъ старцахъ, поселившихся на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, которыхъ около половины XIII вѣка встрѣтилъ здѣсь Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, нечаянно занесенный бурей къ берегамъ этого острова. Краткое замѣчаніе лѣтописца объ этихъ старцахъ даетъ мѣсто предположенію, что они трудились въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Такъ, сказавъ о встрѣчѣ съ ними упомянутого князя, онъ добавляетъ, что эти старцы подвизались здѣсь уже много лѣтъ и имѣли у себя часовню, но не могли еще создать церкви „за скудость имѣнія и нападенія невѣрныхъ человѣкъ, еще бо тогда не вси пріиша святое крещеніе, по многое множество невѣрныхъ человѣкъ, живущихъ вкрай Кубенскаго озера великаго по берегомъ“. Въ другомъ древнемъ памятникѣ сохранилось не очень ясное извѣстіе еще объ одномъ подвижникѣ среди сѣверныхъ инородцевъ. Въ повѣсти о началѣ Борисоглѣбскаго монастыря говорится, что основатель этого монастыря—преподобный Ѳеодоръ († 1409) въ одно время поселился было близъ Кубенскаго озера, но „окрестъ живущіи неразумніи невѣгласы человѣкъ, еще чудское изчадѣ, сего преподобнаго изгониша и келсеицу его разметаша“. Вотъ и всѣ извѣстія нашихъ источниковъ относительно распространенія христіанства въ Вологодскомъ краѣ.

Всѣ почти Вологодскіе подвижники представляются взору изслѣдователя въ иноческой мантии, а большинство ихъ являются основателями монастырей, первыми ихъ игуменами и устроителями монастырской жизни, такъ что исторія святыхъ Вологодскаго края является частью исторіи сѣверно-русскаго монашества.

Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ богатаго матеріала и для исторіи монашества. Свидѣнія, какія можно почерпнуть изъ нихъ касательно этого предмета, отличаются также неполнотою и отрывочностію. Въ порядкѣ историческаго изслѣдованія ихъ

можно раздѣлить на два отдѣла: а) свѣдѣнія о самихъ подвижникахъ, какъ представителей иночества, б) свѣдѣнія объ основанныхъ ими обителяхъ.

Два обстоятельства, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе при изученіи святыхъ подвижниковъ, какъ представителей иночества. Во первыхъ, почти все подвижники происходили изъ богатаго и знатнаго рода (преподобные Димитрій Прилуцкій и Павелъ Обнорскій), многіе изъ боярскаго (преподобный Арсеній Комельскій — изъ рода бояръ Сухорусовыхъ, Григорій Пельшемскій — изъ бояръ Лопотовыхъ, Никонентій Комельскій — Охлѣбининъ, Корнилій Комельскій — Крюковыхъ) и нѣкоторые даже — изъ княжескаго (преподобный Іоасафъ Каменскій — изъ рода князей Заозерскихъ, Игнатій Прилуцкій — сынъ князя Андрея Угличскаго, Галактіонъ Вологодскій — сынъ князя Бѣльскаго). Во вторыхъ, все почти святые дѣлались подвижниками въ юномъ возрастѣ, отъ 12—22 лѣтъ. Эти обстоятельства много свидѣтельствуютъ въ пользу той мысли, часто высказываемой біографами, что подвижники начинали воспитывать въ себѣ иноческія стремленія еще прежде своего ухода въ монастырь, въ родительскомъ домѣ, путемъ чтенія аскетическихъ произведеній. Высокое происхожденіе подвижника давало ему возможность пользоваться не для всехъ доступными средствами для духовнаго просвѣщенія, въ числѣ которыхъ преимущественное, если не исключительное, значеніе имѣли аскетическія произведенія, а юношеская впечатлительность усиливала ихъ вліяніе на душу. Біографы замѣчаютъ, что весьма часто, вопреки родительской волѣ, юноша-подвижникъ тайно оставлялъ родительскій домъ и направлялъ свои стопы къ тому мѣсту, гдѣ бы могли найти для себя осуществленіе его заветныя стремленія и идеалы, т. е. въ монастырь.

Впрочемъ, говоря о вліяніи аскетическихъ произведеній на юную душу подвижника, нельзя этого вліянія считать исключительнымъ. Были и другія обстоятельства, располагавшія юношу подвижника къ отреченію отъ міра и воспитывавшія въ немъ стремленіе къ иночеству, обстоятельства историческія, социальныя и другія. Видное мѣсто среди такихъ обстоятельствъ занимаю монгольское иго. Постоянныя нашествія поработителей, ихъ жестокости и кровопролитія; коварства и междоусобія самихъ русскихъ князей, насилія и жестокости со стороны сильныхъ, хитрость и коварство со стороны слабыхъ, взаимное недоверіе, ослабленіе всехъ общественныхъ узъ и тому подобныя печальныя явленія не могли, такъ или иначе, не вліять на лучшую часть русскаго общества, располагая ее къ недовольству современною дѣй-

ствительностію и отреченію отъ міра. „Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества, пишетъ одинъ изслѣдователь, достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкѣ... Поэтому, никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Руси и противодѣйствіе этимъ грубымъ силамъ, какъ въ XIV и XV вѣкѣ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому направленію стремленіе къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынно-жительномъ отшельничествѣ“⁴⁶.

Было и еще одно обстоятельство, привлекавшее въ монастырь лучшую часть древнерусскаго общества. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что монастыри были чуть ли не единственными просвѣтительными центрами, въ которые, поэтому, и „обращалась каждый разъ душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея не удовлетворительною, когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она почувствовала въ себѣ голосъ иной природы“⁴⁷.

Что касается самыхъ аскетическихъ подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ, то описаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ одно изъ типическихъ мѣстъ древне-русскихъ житій, а потому историческаго можно извлечь изъ нихъ очень немного. Это описаніе касается, главнымъ образомъ, усерднаго исполненія подвижниками иноческихъ обѣтовъ: послушанія, поста и иноческой нищеты. На первыхъ порахъ иноческой жизни юный подвижникъ былъ ревностнымъ исполнителемъ обѣта послушанія. Изъ боярскихъ хоромъ, изъ княжескихъ палатъ онъ становился послушнымъ работникомъ монастырской хлѣбни. Біографъ преподобнаго Корнилія Комельскаго такъ начинаетъ описаніе подвиговъ его въ Кирилловѣ монастырѣ: „...тяжкими работами дручае тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни; и желѣзы тяжкими связываше тѣло свое“. Какъ вещественное доказательство этого удрученія плоти во многихъ монастыряхъ и до сихъ поръ сохранились, поражающія своею массивностію, желѣзныя вериги подвижниковъ. Касательно поста и иноческой нищеты подвижниковъ біографы дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія. Преподобный Павелъ Обнорскій принималъ весьма скудную пищу („хлѣбъ, вода и суровыя зелья“) только два раза въ недѣлю. Преподобный Димитрій Прилуцкій „только воздержа-

⁴⁶ Православный Собесѣдникъ, 1860, III, 201—202. „Древне-русская пустыня на сѣверовостокѣ Россіи“.

⁴⁷ Православный Собесѣдникъ, 1858, I. „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію“.

тѣльный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣваше утѣшенію братіи быти онъ не ядше поставляему сущу предъ нимъ въ малѣ сосудѣ глиняномъ, точію едину воду теплу и велій паръ испущающу съ малою просфорою хлѣба, сицева ядь его всегда бываше. Относительно иноческой нищеты этого подвижника біографія замѣчаетъ: „ризную худость толико любяше, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда ношаше на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпаше“. Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго разсказывается, что, въ бытность его игуменомъ Троице-Сергіевой лавры, однажды пріѣхалъ въ нее на богомолье великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ немало дивился „странному образу“ подвижника и его „худымъ, многшвейнымъ и раздранымъ ризамъ“. Одинъ братъ обители Корнилія Комельскаго, по имени Закхей, пришелъ просить къ преподобному новой одежды, взаимѣ старой—ветхой. Подвижникъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго еще ходилъ въ „вязаной лыкомъ“ одеждѣ Закхея.

При физическихъ подвигахъ не были забыты и духовные. Біографъ преподобнаго Корнилія, дополняя описаніе его подвиговъ въ Кирилловѣ, замѣчаетъ: „въ симъ и книги писаше въ церковь, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ“. Преподобный Арсвій Комельскій также, по свидѣтельству житія его, „книги святыя почиташе и преписоваше со всякимъ вниманіемъ“. Въ монастырѣ и до сихъ поръ хранится собственноручно списанное имъ Евангеліе апракосъ. Преподобный Діонисій Глушицкій имѣлъ „художество живописца“. Устроивъ нѣсколько церквей въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, онъ, по замѣчанію житія, „украсилъ ихъ иконами чудно“. Посѣщая обитель ученика своего, преподобнаго Григорія Пельшемскаго, св. Діонисій принесъ ему въ даръ „образы Господни и книгу, глаголемую Прологъ“. Въ Прилудкомъ монастырѣ и до сихъ поръ показываютъ образъ преподобнаго Димитрія, списанный св. Діонисіемъ.

Нѣкоторые подвижники избирали себѣ подвиги особаго рода. Иные принимали на себя подвигъ юродства, вслѣдствіе котораго, кромѣ удрученія плоти, имъ приходилось терпѣть людскія обиды и оскорбленія. Таковы Прокопій и Іоаннъ юродивые Устюжскіе. Преподобный Кипріанъ Устюжскій держалъ въ своихъ рукахъ камень, дабы возбуждать себя къ бодрствованію и молитвѣ въ тѣ минуты, когда, по немощи человѣческой, онъ былъ преодолеваяемъ сномъ. Преподобный Александръ Куштскій, по сказанію своего житія, часто, выходя на болото, обнажалъ свои грудь и плечи, отдавая свою кровь въ пищу

болотнымъ насѣкомымъ (комарамъ). Преподобный Галактіонъ Вологодскій приковалъ себя желѣзными цѣпями къ потолку и такимъ образомъ пребывалъ постоянно въ полустоячемъ и въ полувисячемъ положеніи и т. п.

Описаніе подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ въ значительной степени пополняется сказаніями объ ихъ трудахъ, которые подъяли они на дѣло колонизаціи лѣсной пустыни; но объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Много свѣта на изученіе святыхъ проливаютъ приводимые біографами факты, въ которыхъ выразилось отношеніе къ нимъ монастырскаго и вѣдомонастырскаго міра.

Факты перваго рода стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ современной подвижникамъ монастырской жизни. Односторонне-аскетическое направленіе древнерусскаго благочестія съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, перешло въ крайность и привело къ отрицанію всѣхъ другихъ формъ благочестія. Стали думать, что „въ міру спастись не можно“, ибо міръ—„мятежъ“, „злоба“, спасеніе возможно только въ монастырѣ, подъ черной мантией. Подъ вліяніемъ такихъ возрѣвій въ монастыряхъ начинаютъ стремиться цѣлыя массы всякаго люда, которыя, на самомъ дѣлѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ могли удовлетворять строгимъ требованіямъ иночества. Безпечальная жизнь монастырская еще болѣе привлекала къ себѣ вниманіе такихъ ревнителей благочестія. Само собою понятно, что монастырь и черная мантия не могли служить преградой низкимъ страстямъ и порокамъ людей, приходившихъ въ монастырь „не ради искуса, а ради хлѣба куса“. Отсюда понятно и то, какимъ анахронизмомъ являлся среди такихъ иноковъ челоѣкъ, дѣйствительно стремившійся къ подвигамъ и смотрѣвшій на монастырь, какъ на средство для своего духовнаго просвѣщенія. Въ Кирилловѣ монастырѣ монахи стали глумиться надъ подвигами преподобнаго Корнилія Комельскаго: „нѣкто бо отъ ту сущихъ брать поругася ему и обольсти его коварствомъ. Виною благоговѣйною взявше у его ихъ-же ношаше желѣза и повелѣ изъ ихъ прековати топоры“. Такое отношеніе братіи къ подвижнику побудило его оставить Кириллову обитель. Подобнымъ же образомъ нѣсколько ранѣе должны были оставить эту обитель еще два подвижника—учитель и ученикъ, Нилъ Сорскій и Иннокентій Комельскій, по причинѣ паденія тамъ монашеской жизни. Когда св. Діонисій Глушицкій подвизался на св. Лукѣ въ сообществѣ только еще двухъ братій, одинъ изъ нихъ (Пахомій), „зря его начастѣ молящася и вида труды его и подвизи, начаса его срамлати и удалитися“.

Святой скоро оставил это мѣсто и удалился на Глушицу. Преподобнаго Павла Обнорскаго игуменъ и братія Богородицкаго Галицкаго монастыря выгнали изъ обители. Подобныя отношенія братія къ подвижнику не только не ослабляются, но еще болѣе усиливаются съ тѣхъ поръ, когда подвижникъ изъ послушника превращался въ начальника, дѣлался игуменомъ своей обители. Преподобнаго Корнилія Комельскаго, во время его игуменства въ основанномъ имъ монастырѣ, нѣсколько разъ подстерегали два брата—нарядчики рабочихъ, скрываясь подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, съ преступнымъ намѣреніемъ убить святаго. Но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости привести въ исполненіе свое злое намѣреніе, такъ что, наконецъ, они рѣшились принести святому чистосердечное раскаяніе. Инокъ обители преподобнаго Діонисія Глушицкаго, желая положить преграду щедрости этого святаго на милостыню, пустились на хитрость. Они взяли одного брата, переодѣли его странницею и подослали къ святому просить крупной милостыни для выкупа. Когда эта милостыня была выпрошена обманщикомъ, братія съ упрекомъ положили выпрошенное къ ногамъ святаго съ такими словами: „честный отче, похабъ приде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ, далъ еси ему сребро, мы же взяхомъ у его, се есть“.

Всѣ подобнаго рода факты и можно объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только паденіемъ иноческой жизни. Это паденіе вызывало подвижника на усиленную борьбу съ братією, оставившую глубокіе слѣды въ исторіи древне-русскаго подвижничества. Въ біографіяхъ подвижниковъ нѣтъ недостатка въ подобнаго рода фактахъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что во всѣхъ, сохранившихся до насъ уставахъ или краткихъ извлеченіяхъ изъ уставовъ монашеской жизни, есть особая заповѣдь подвижника о такъ называемыхъ „самочинникахъ“, т. е. братіяхъ, не хотѣвшихъ подчиняться въ своей жизни требованіямъ монастырскихъ правилъ, а хотѣвшихъ „самочиніемъ и самовольствомъ водитися“. Преподобный Корнилій Комельскій писалъ въ своемъ уставѣ: „смыслахъ азъ, иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: нинѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по волѣ своей пожити, а егда умретъ, мы перейдемъ во свой монастырь и по волѣ нашей поживемъ, яко же хошемъ“. Противъ такихъ и предостерегаетъ преподобный братію, запрещая принимать ихъ въ монастырь и повелѣвая изгонять, если они „лицемѣріемъ вознѣзятся въ немъ“. Подобное же заповѣданіе оставилъ своей братіи преподобный Иннокентій Комельскій: „аще который въ пустыни братъ нашъ не восхощетъ управляти свое жителство... по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и само-

вольствомъ восхощетъ водитися, такового настоятель и братія да накажутъ. Аще и по наказаніи не исправится, сего убо настоятель и братія да измещутъ изъ пустыни яко плеву отъ жита безо всякой боязни по сіему нашему заповѣданію“. Преподобный Павелъ Обнорскій заповѣдуетъ братіи: „аще-ли кто нѣчто иметъ изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонять такового“.

Итакъ, паденіе иноческой жизни вызывало игумена-подвижника на строгія мѣры въ отношенія къ братіи, а со стороны братіи нетерпимое отношеніе къ подвижнику, доходившее до покушенія на его жизнь.

Всѣ эти обстоятельства много способствуютъ къ объясненію того факта, весьма часто упоминаемаго біографами, что подвижникъ, физически и нравственно утомленный дѣломъ управленія обители, часто тайно покидалъ ее и искалъ болѣе спокойнаго мѣста для своихъ подвиговъ,—„безмолвія“, какъ выражались древніе біографы. Такъ, преподобный Димитрій Прилуцкій оставилъ первооснованную свою Переяславскую обитель и, удалившись изъ нея, избралъ мѣсто для своихъ подвиговъ въ лѣсахъ Вологодскихъ. Пр. Діонисій Глушицкій, устроивъ свой монастырь на Глушицѣ, скоро оставилъ его: „исшедше тай изъ обители, никому же вѣдуще... и устремися въ пустыню, въ полуденную страну отъ большія лавры“. Св. Григорій Пельшемскій, поставленный архіепископомъ Ростовскимъ Діонисіемъ архимандритомъ одного Ростовскаго монастыря (Всемиловскаго Спаса на Песку), пожилъ только „два лѣта въ монастырѣ томъ“, а потомъ „утаявся всѣхъ изыде цюцію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студеннаго моря-окіана“. Мы упоминали аналогичный случай со старцемъ Паисіемъ Ярославскимъ, оставившемъ игуменство въ Сергіевой лаврѣ, отказавшемся даже и отъ митрополіи, послѣ того, какъ иноки означенной лавры хотѣли убить его за попытку исправить монастырскіе нравы.

Спустя нѣкоторое время подобный случай произошелъ здѣсь съ другимъ подвижникомъ, преподобнымъ Арсеніемъ Комельскимъ. До своего игуменства, по замѣчанію біографовъ, онъ жилъ въ лаврѣ „лѣта довольно“, но какъ только сдѣлался игуменомъ, вскорѣ же возымѣлъ желаніе покинуть ее. Когда намѣреніе его стало извѣстно братіи, она просила великаго князя Василія Іоанновича „понудить“ святаго остаться въ обители. Не смотря на это, мы видимъ, что, послѣ двухлѣтняго игуменства, преподобный покинулъ лавру и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. До какой степени иногда было трудно подвижнику управлять обителью и насколько велико было его стремленіе оставить ее—

это весьма характеристично изображается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Отагощенный долговременными трудами и многочисленными нестроениями своей обители, этотъ игумень, въ глубокой старости, рѣшается покинуть ее. Онъ „призываетъ къ себѣ дванадесать ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, прося отъ нихъ отпущенія... И взя мало отъ братій, отъиде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семьдесятъ... Братія же совѣтъ сотвориша послати въ бѣки отъ братіи къ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святый же отречесе имъ“. Той зимой проѣзжалъ мимо Корниліева монастыря великій князь Василій Іоанновичъ съ княгинею на богомолье въ Кирилловъ монастырь. Братія просила самодержца „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. Самодержавный послалъ въ пустыню къ старцу Корнилію своего слугу и велѣлъ подвижнику ожидать своего возвращенія въ основанной имъ обители. Встрѣченный здѣсь на обратномъ пути преподобнымъ Корниліемъ, великій князь велѣлъ святому „пребывать въ монастырѣ“. Но послѣдній, „предлагая старость и немощь, глагола и моляше великаго князя, да отуститъ его въ пустыню плакаться грѣховъ своихъ“. Князь, видѣвъ добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его², и подвижникъ снова удалился въ пустыню. Когда же здѣсь онъ вознамѣрился основать церковь и отправился за разрѣшеніемъ въ Москву, то князь, вспомнивъ просьбу братіи, „не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше его и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, въ своемъ монастырѣ, со ученики своими. Отцу же нашему тяжело сіе вмѣняся... Скрыся блаженный и пребываше у нѣкоего христіянина въ тайнѣ мѣстѣ... Князь же великій посла на взисканіе святаго по всему царствующему граду“. Узнавъ объ этомъ, святый удалился въ Сергіеву лавру. Когда это стало извѣстно великому князю, онъ послалъ къ святому Корниліевскихъ монаховъ, „да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ“. И только послѣ этого преподобный пошелъ къ князю съ просьбою отпустить его въ монастырь свой. Братія встрѣтила своего игумена съ великою радостію: „ови отъ ихъ руцѣ его лобзаху, ови ногамъ касахуся, ии ризамъ². Братъ Кассіанъ, избранный въ отсутствіи старца игуменомъ, „устидеся отпа своего и остави игуменство“. Но подвижника опять встрѣтили въ монастырѣ обычныя невзгоды, вслѣдствіе чего онъ снова скоро оставилъ свою обитель и удалился въ обитель своего постриженія—Кирилловъ монастырь, чтобы въ затворѣ скончать теченіе духовнаго подвига. Братія опять послала „старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему... да, возвратився въ свой монастырь,

безмолствуетъ“. Пришедши въ Кирилловъ, Корниліевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ купно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да некако стуживъ си разыдутся“. Послѣ долгихъ усилій преподобный уступилъ просьбѣ и рѣшился возвратиться въ свою обитель, подѣ условіемъ избранія въ ней другаго игумена. По возвращеніи его, игуменство вручено было брату Лаврентію, а самъ подвижникъ „крайнее безмолвіе любомудрствовати начать, затворися въ келліи“, въ которой и пребывалъ до конца жизни. Въ этомъ правдивомъ разсказѣ, какъ нельзя болѣе, обрисовано, насколько трудно было подвижнику управлять братіей и съ другой стороны насколько необходимо было для братіи его пребываніе въ обители. Пока подвижникъ живетъ въ обители, онъ нетерпимъ для братіи за свою строгость, но лишь только онъ оставитъ монастырь, братія не можетъ уже существовать безъ него и молить его „не оставитъ чадъ своихъ сирыхъ, да не разыдутся“. Бывали примѣры, когда подвижникъ, основавъ обитель и собравъ братію, не хотѣлъ принимать на себя игуменства. Таковъ былъ преподобный Павелъ Обнорскій. Любитель безмолвія, три года подвизавшійся въ дуплистой липѣ, пустынникъ этотъ не захотѣлъ нарушать своего безмолвія и съ основаніемъ обители. Предоставивъ игуменство одному изъ братіи, онъ самъ затворился въ келліи.

Иное было отношеніе къ подвижнику въ монастырскомъ міра. Здѣсь онъ всюду встрѣчалъ по отношенію къ себѣ великую любовь и уваженіе. Біографъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго разсказываетъ, что всѣ жители города Вологды и ея окрестностей съ великою радостію привѣтствовали приходъ преподобнаго на Прилуку: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и велиции, богатіи и убозіи и всякъ возрастъ, другъ друга предваряюще, течаху благословеніе оного святаго пріяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей“. Два благоговѣйные мужа—Илія и Нисдоръ Выпрягъ „дарствуютъ святому земли довольно на поставленіе обители и за любовь свою, еже имяху къ ему, небрегутъ тогда и насянныя своя озимныя нивы, уже совершенныя класы издавши, но въ поспраніе ногамъ человѣческимъ быша“. Біографъ препод. Корнилія замѣчаетъ, что „множество людей отъ многихъ странъ приходяху къ ему, ови благословеніе, хотя получить, ови вопросы, о ихъ же имѣяху недоразумѣваемыхъ, ии разрѣшеніе имуще различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ“. Обитель была обычнымъ мѣстомъ, гдѣ находилъ для себя радушный пріятель всякій ея посѣтитель, безъ различія возраста и положенія; въ тяжелыя годины здѣсь питались цѣлыя массы нищихъ и голодныхъ.

Подвижникъ замѣнилъ всѣмъ все: онъ былъ отцемъ для сирыхъ, утѣшителемъ печальныхъ, ходатаемъ за гонимыхъ и угнетенныхъ. Этимъ и объясняется та любовь къ подвижнику и то великое уваженіе къ нему, которымъ онъ пользовался еще при жизни среди окрестнаго населенія.

Начинаясь съ простолюдина, благоговѣйное отношеніе къ подвижнику доходило до княжескихъ палатъ. Русскіе князья, въ дѣлѣ почитанія подвижниковъ, всегда служили примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Подвижникъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ князя; князья и сами часто посѣщали обители подвижниковъ, часто также призывали ихъ въ свои дома „благословенія ради“, и „бесѣды ради духовныя“. Біографъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго такъ описываетъ отношенія великаго князя Дмитрія Донскаго къ сему преподобному: „предержай начальство россійскаго царствія, благовѣрный и христілюбивый князь Дмитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобіи, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго, почиташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія и церковными дары почте и велию честь воздаде ему.“ По сказанію второй редакціи житія преподобнаго Григорія Пельшемскаго, этотъ подвижникъ, во время своего игуменства въ обители Рождества Пресвятой Богородицы, „близъ езера“, сдѣлался извѣстнымъ князю Юрію Дмитровичу, отъ котораго „и умоленъ бысть, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія“. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ эта редакція, слава о подвижникѣ дошла до самого великаго князя Василія Дмитріевича, который призывалъ его къ себѣ „благословенія ради“. Сколь велико было уваженіе великаго князя Василія Іоанновича къ преподобному Корнилию Комельскому—это видно изъ слѣдующихъ словъ біографіи послѣдняго: „князь радовался вельми о пришествіи старца (Корпилия), почте его, бесѣдова съ имъ и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога, воеже дароватися ему чадородію“. Вскорѣ послѣ рожденія своего наслѣдника, великій князь пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру и, снова встрѣтивъ здѣсь подвижника, „радостенъ бысть о пришествіи старца, и почте его вельми, и пріимъ благословеніе отъ его, и послалъ его прежде себѣ въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына“. По возвращеніи въ Москву великій князь призывалъ блаженнаго „всегда къ себѣ и въ домъ потребная посылая ему во вся дни“.

Питая такое глубокое уваженіе къ подвижникамъ, князья были щедрыми благотворителями основанныхъ ими обителей. Біографъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго замѣчаетъ: „слышавъ же благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, (близъ Вологды, на Прилукѣ), прислалъ ему довольно на потребу монастырскаго строенія“. Великій князь Василій Іоанновичъ былъ благотворителемъ обители преподобнаго Корпилия. Біографъ его сообщаетъ слѣдующее: „благовѣрный князь великій глагола святому: слышавъ, отче, яко отнели же сотворивъ монастырь, не имѣши селъ и деревень, но ихъ же требуещи, проси и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привидоша близъ монастыря деревни и починки и со всяцѣмъ угодіемъ вдаде“. Заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ, по просьбѣ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, посылалъ къ нему своихъ слугъ, чтобы разчистить лѣсное мѣсто для созданія обители и „не токмо древодѣлія посылаетъ, но и милостиву доволну и села и деревни подаетъ монастырю“. Бохтюжскій князь Юрій, узнавъ, что по сосѣдству съ нимъ основалъ свою обитель Глушицкій подвижникъ, призвалъ его къ себѣ и предлагалъ ему: „иже, отче, хочещи, проси имѣнія на потребу и дамъ ти“. Преподобный сталъ отказываться отъ имѣнія. Тогда самъ князь просилъ святаго что-нибудь взять у него, „да благословится отъ его“. Преподобный уступилъ просьбѣ и князь „отъ того дне нача удовляти, дающе потребная монастырю“. Упомянутый князь Дмитрій Заозерскій благотворилъ обители и другаго подвижника, преподобнаго Александра Куштскаго, давая ему потребное къ созиданію обители. Дѣло благотворительности раздѣляла съ нимъ и его супруга, посылавшая въ обитель „ово питія, ово яденія“.

Благодаря великому уваженію народа, подвижники, по требованію обстоятельствъ, обращали иногда и свое обличительное слово, по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые того заслуживали. Это грозно-обличительное слово не щадило и сильныхъ міра сего. Весьма знаменательные факты сообщаетъ намъ біографъ преподобнаго Григорія Пельшемскаго. Когда великокняжескій престолъ отнять былъ у князя Василія Темнаго соперникомъ его княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, случайно пришедшій въ Москву подвижникъ явился обличителемъ отпавшаго: „о княже Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. Не по Божіему строенію хочещи власть пріяти... Князь Юрій, по замѣчанію біографа Григорія, почитавшій этого подвижника, послушалъ его

обличеніе „и отъиде на отца своего благословеніе—въ Галичъ“. Этотъ же преподобный, когда князь Дмитрій Шемяка „съ силою мноюю около града Вологды села воеваша и христіанство губяше“, пришелъ ко князю съ такими рѣзко-обличительными словами: „не своя дѣла, княже, твориши, поганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предають воинство твое, и аще, княже, не останешься отъ такого кровопролитія, скорѣ отпадеши славы и княженія своего отщетишися“. Но нечестивый князь не послушалъ обличителя и въ гнѣвѣ на св. старца велѣлъ столкнуть его съ мосту.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ нельзя не видѣть сколь велико было значеніе св. подвижниковъ въ древне-русскомъ мірѣ и сколь сильно было вліяніе ихъ на окружающихъ, вліяніе далеко преступавшее стѣны ихъ обители и простиравшееся отъ совѣта и наставленія простому поселянину, случайному посѣтителю ихъ обители, до наставленія въ дѣлахъ государственной важности „предержащимъ престолъ російскаго царства“.

Отъ личности св. подвижниковъ обратимся къ основаннымъ ими обителямъ.

Въ описаніи внѣшняго устройства этихъ обителей біографы, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что преподобный все устроилъ „по чину“. Подробнѣе чинъ этотъ описывается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Прежде всего біографъ повѣствуетъ о созданіи монастырской церкви: „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика... украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру... И потомъ (святый) созда другую церковь со трапезою... и по семъ велѣніе начать зданіе и устроивъ четвероугленно образъ монастырю, веллю въ келліи совокупи, ихъ-же посредеъ стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зряще всюду. И потомъ постави больницю и хлѣбопещницю и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой“.

Характеристическою чертою въ устройствѣ древне-русскихъ обителей служило раздробленіе обители на нѣсколько отдѣленій, отстоящихъ одно отъ другаго на значительныхъ разстояніяхъ. Такъ, біографъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, сказавъ объ устройствѣ имъ главной обители, сдѣланной какъ-бы „великой лаврой“, упоминаетъ далѣе, что чрезъ нѣсколько времени за четыре поприща отъ нея (въ Основнѣ) преподобный создалъ отдѣленіе главной своей обители, въ которомъ устроилъ церковь во имя св. Іоанна Крестителя „и созда ту келлію по чину и нѣкоихъ отъ братіи устрои тамо жити и урече

имъ всяко требованіе пріимати отъ большія лавры“. Впослѣдствіи преподобный устроилъ и другое отдѣленіе своей обители, разстояніемъ около двухъ поприщъ отъ большія лавры; въ немъ также создалъ церковь во имя святителя Леонтія Ростовскаго „и устрои тамо инокинямъ пребываніе и устави (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна и урече имъ потребная отъ фмилевней“ (окрестныхъ селъ).

Для насъ важнѣе вопросъ о внутреннемъ устройствѣ обителей, устройствѣ монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи, какъ мы имѣли возможность замѣтить, всѣ обители отъ основателей своихъ получили общежительное устройство, за исключеніемъ скитской обители преподобнаго Иннокентія Комельскаго. Такъ св. Стефанъ Махрищскій, по сказанію его біографіи, далъ общежительное устройство своей Махрищской обители. Такимъ же образомъ онъ устроилъ и другую, созданную имъ, обитель „на Авнезѣ“. Преподобный Дмитрій Прилуцкій, по свидѣтельству его житія, часто навѣщалъ друга своего, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Во время взаимныхъ посѣщеній оба подвижника бесѣдовали другъ съ другомъ „како-бы общее житіе управити“. Оба монастыря, созданные Дмитріемъ, имѣли общежительное устройство. Преподобные Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій были постриженниками общежительнаго Спасо-Каменнаго монастыря и своимъ обителямъ дали общежительное устройство. Преподобный Григорій Пельшемскій въ дѣлѣ устройства своего общежитія является ученикомъ св. Діонисія Глушицкаго, а святые Сергіи Нуромскій и Павелъ Обнорскій — учениками преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сохранились извѣстія, что въ пользу общежительнаго устройства монастырей стремились вліять и сами Ростовскіе архіереи, въдомству которыхъ принадлежала чуть-ли не болѣшая часть Вологодской епархіи. Такъ, Ростовскій архіепископъ Григорій, когда пришелъ къ нему за благословеніемъ на созданіе обители преподобный Діонисій Глушицкій, далъ такой совѣтъ подвижнику: „... испытай разумомъ вся, ничто же ино похвали, еже жити братія вкупѣ... и азъ совѣтъ ти даю, сказалъ архіепископъ въ заключеніе своего наставленія, да составиши общій монастырь“. Подобнымъ образомъ одинъ изъ преемниковъ Григорія архіепископъ Діонисій (Святогорецъ), по замѣчанію лѣтописи Памсіа Ярославова, ознаменовалъ свое игуменство въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, предшествовавшее его архіепископству, введеніемъ общежительнаго устава.

Какимъ же, въ частности, уставомъ руководилось русское иночество въ устройствѣ своего общежитія—рѣшить трудно. Болѣе или менѣе значительныя произведенія въ области русскаго иноческаго за-

человѣка". Преподобный Сергій Нуромскій, „пришедъ въ лѣсы великіе, мха и блата и обрѣте мѣсто на великомъ лѣсу, на рѣцѣ на Нурѣ, въ которомъ и основалъ свою обитель. Другъ его, св. Павелъ Обнорскій, „пріиде на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и обрѣте лѣсу дуплянѣ, въ которой и подвизался нѣсколько лѣтъ, а потомъ вблизи создалъ свою обитель. Мѣсто подвиговъ преподобнаго Арсенія Комельскаго „тогда блатно бысть ту и водяно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людемъ". Преподобный Корнилій Комельскій „пріиде на великій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ и ту обрѣте хижину разбойническую и вселися въ ню".

Таковы были мѣста, въ которыхъ полагалось основаніе монастырской колонизаціи. Отсюда уже можно судить, сколько удобствъ и преимуществъ было на сторонѣ земской колонизаціи, напротивъ, сколько борьбы требовала колонизація монастырская. Агіобіографическія памятники сохранили намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой борьбѣ подвижниковъ съ дикой природой, насколько туго поддавалась она культурѣ и какому самоотверженнаго труда стоилъ каждый шагъ въ ея завоеваніи. Свѣдѣнія эти заключаются въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Біографъ его повѣствуетъ, что, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія (разбойничьей хижиной), святой началъ „трудатися вельми на мѣстѣ томъ... лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая... Но кто доволень словеса обличити и сказати ми повѣсть, яже сотвори труды и подвиги на мѣстѣ томъ: ово убо отъ злодѣй бѣнъ бысть, едва дышаше пріиде, ово же древо паде нанъ безъ вѣтра и болѣзнуя близъ смерти дванадцать седмиць со одра недвижимъ пребысть; и едва оздоровѣ отъ болѣзни той, пріиде же нѣкогда къ дѣлательмъ и сѣде на стражницѣ и абіе внезапно падеся долъ и возболѣся паче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда-же приведенъ бысть, зѣльне главу извену имѣя отъ древа, падшаго нанъ". Однажды, зажигая хворостъ, подвижникъ чуть не сдѣлался жертвою пламени и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру, могъ выйти изъ него невредимъ.

Впрочемъ, и не одна дикая природа была предметомъ борьбы подвижника. Не менѣе сильную борьбу онъ долженъ былъ вести и съ дикими обитателями, имѣвшими свои притоны въ непроходимыхъ лѣсахъ дѣйствительнаго сѣвера. Поселившись по сосѣдству съ разбойниками, а иногда даже и въ самой разбойничьей хижинѣ, подвижникъ естественно подвергалъ свою жизнь серьезной опасности. Разбойники два раза нападали на преподобнаго Сергія Нуромскаго и одинъ разъ избили его до полу-смерти. Подобнымъ же образомъ нападенію

со стороны разбойниковъ не разъ подвергался и другъ его преподобный Павелъ Обнорскій. Преподобный Корнилій Комельскій, занявъ хижину разбойниковъ, былъ ограбленъ ими, при чемъ злые люди похитили единственное достояніе подвижника, книги. Но, проблудившись всю ночь, разбойники возвратились къ святому, отдали ему похищенное и оставили въ его владѣніе свою хижину. Разбойники ограбили обитель преп. Діонисія Глушицкаго. По сказанію второй редакціи некролога Авнежскихъ подвижниковъ, эти же самые грабители предали смерти Авнежскихъ подвижниковъ и сожгли ихъ обитель.— Такимъ образомъ, если борьба съ дикой природой часто подвергала жизнь подвижника серьезной опасности, то еще большей опасности подвергала его борьба съ дикими ея обитателями.

Не смотря, однако, на всѣ препятствія, самоотверженная борьба подвижника торжествовала свою побѣду. Онъ, наконецъ, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія, устраивалъ свое жилище и нѣкоторое время подвизался среди безмолвія. Но, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ долго скрывать мѣсто своего уединенія отъ людскаго взора. Подвижникъ удалялся обыкновенно въ пустыню, спустя много лѣтъ послѣ своего подвижничества въ разныхъ обителяхъ, а часто и послѣ своего игуменства, когда многіе прежніе его сподвижники проникались къ нему великимъ благоговѣніемъ и любовію, а иногда безъ его руководства не могли даже продолжать своего подвижничества, что видимъ, на примѣръ, въ житіи преподобнаго Корнилія. Тайно удалившись въ уединеніе подвижникъ былъ, поэтому, предметомъ тщательныхъ розысканій прежнихъ своихъ иноковъ. И стоило кому нибудь открыть мѣсто его уединенія, какъ пустыня его наполнялась иноками. Тогда подвижникъ снова принималъ на себя трудъ созданія обители: подъ его руководствомъ иноки разчищали мѣсто, устраивали монастырскія зданія, сѣкли лѣсъ, насѣвали ниву и проч. Такъ мало по малу устраивалась первая колонія въ пустынѣ, куда, можетъ быть, не проникала ранѣе человѣческая нога и гдѣ не раздавался еще звукъ человѣческаго голоса...

Лѣсная и болотистая пустыня, пока не пройдетъ въ нее подвижникъ и не водрузитъ въ ней креста, представлялась русскому человѣку полною страшныхъ силъ и видѣній, обиталищемъ многочисленныхъ сонмовъ бѣсовскихъ. Но какъ только войдетъ туда подвижникъ, никакихъ страховъ болѣе не существовало: молитва святаго старца разсѣвала бѣсовскія силы, прогоняла всѣхъ демоновъ. Тогда уже безпрепятственно шелъ туда русскій человѣкъ, неся за собой топоръ и соху. Выписатели повѣствуютъ, что монастырскія окрестности за-

селились съ чрезвычайною быстротой, такъ что вскорѣ же послѣ своего основанія пустынная обитель становилась центромъ колоніи или цѣлаго рода колоній, превращаясь, такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ „въ градъ обительный“.

Монастырская колонизація началась, какъ мы видѣли, въ восточной части Вологодскаго края; ранѣе другихъ была колонизована Авнежская страна. Почти одновременно съ двухъ противоположныхъ окраинъ колонизаторами ея являются преподобные Стефанъ Махрищскій съ учениками своими Григоріемъ и Кассіаномъ Авнежскими, и преподобный Димитрій Прилудскій. Печальная судьба, постигшая Авнежскую обитель и ея подвижниковъ была причиною забвенія ихъ памяти. Но уже и въ небольшого некролога ихъ можно усматривать несомнѣнные успѣхи монастырской колонизаціи. При первоначальномъ поселеніи подвижниковъ Авнежская страна представляется лѣсною пустынею, царствомъ разбойниковъ, которые, можетъ быть, и прекратили существованіе первой ея монастырской колоніи—Авнежской обители, предавъ смерти ея основателей. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обрѣтеніи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, она уже является многолудною страной, съ удѣльными князьями во главѣ и многими церквами. Съ противоположной (западной) стороны колонизаторомъ Авнеги является преподобный Димитрій Прилудскій, въ одно время избравшій для своихъ подвиговъ пустынное мѣсто при слияніи двухъ рѣчекъ, Лежи и Великой. Но едва успѣлъ создать онъ небольшую церковь Воскресенія Христова, полагая тѣмъ основаніе обители, какъ окрестности ея наполнились крестьянами, которые изъ своекорыстныхъ цѣлей изгнали подвижника изъ мѣста его избранія. Такимъ образомъ, упомянутые подвижники, положивъ основаніе колонизаціи Авнеги съ двухъ противоположныхъ сторонъ, способствовали наискорѣйшему заселенію всей страны, насчитывающей на своемъ протяженіи нѣсколько десятковъ верстъ.

Почти одновременно съ этимъ совершалась колонизація и сѣверной части Вологодскаго края. Центромъ ея является здѣсь Спасо-Каменный монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ Бѣзозерскимъ. Изъ числа его постриженниковъ извѣстно нѣсколько подвижниковъ, положившихъ основаніе колонизаціи въ пустынныхъ и болотистыхъ окрестностяхъ Кубенскаго озера. Особенно замѣчательнымъ изъ нихъ является преподобный Діонисій Глушицкий. Основавъ двѣ обители въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, чрезъ это онъ положилъ основаніе колонизаціи весьма значительной части Вологодскаго сѣвера. Окрестности основанныхъ имъ обителей

такъ быстро наполнились населеніемъ, что святой, кромѣ монастырскихъ церквей создалъ, по просьбѣ крестьянъ-колонизаторовъ, еще три приходскія. „По времени нѣкоемъ, замѣчаетъ біографъ преп. Діонисія, нача умножатися близъ монастыря фмкливніи (вариантъ другой редакціи: „умножишася села близъ монастыря“) и созда преподобный отъ большія лавры въ пощѣй странѣ далѣ дву поприщъ церковь во имя святителя Христова Леонтія, да тамо на мольбу приходятъ изъ фмikleвнѣ“. Другую церковь онъ создалъ за восемнадцать поприщъ отъ главной обители во имя Воскресенія Христова и третью въ „Двиницкой веси“, во имя святителя Христова Николая. Вслѣдъ за преподобнымъ Діонисіемъ колонизаторами здѣсь являются преподобный Александръ, основатель Куштской обители и преподобный Григорій, основатель Пельшемскаго монастыря.

Подѣйе совершалась колонизація въ южной части Вологодскаго края. Первыми колонизаторами ея являются два друга пустытника, преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій. Несмотря на большія препятствія для колонизаціи этой части, по причинѣ болотистой почвы, мы имѣемъ свидѣтельства несомнѣннаго и здѣсь успѣха монастырской колонизаціи. Преподобный Арсеній Комельскій поселился въ одной изъ неудобобитаемыхъ мѣстностей Вологодскаго края. Густой, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то хлпый лѣсъ, по причинѣ болотистой почвы, еще до сихъ поръ наполняетъ ее. Житіе повѣствуетъ, что святой, дойдя до этого мѣста, настолько былъ утомленъ тяжестью болотистаго пути, что совершенно изнемогалъ подъ бременемъ той ноши, которая была на его плечахъ, и послѣдняя невольно упала на землю. Но стоило только показаться здѣсь подвижнику, какъ тотчасъ же вслѣдъ за нимъ является населеніе и начинается колонизація. Вскорѣ послѣ своего поселенія святой жаловался великому князю: къ той-де его пустыни крестьяне лѣсъ сѣкутъ, и починки⁴⁸ ставятъ, и съ выжаты гонюють, и бѣлуютъ“. Основанный этимъ подвижникомъ монастырь при жизни своего основателя имѣлъ уже пять починковъ, возникшихъ на монастырской землѣ⁴⁹. Обитель другого соотчужаго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилія, при первомъ преем-

⁴⁸ Починками, по объясненію автора „Исторіи Россійской іерархіи“, въ сѣверной Россіи назывались „вновь разработанныя для пашни мѣста, при коихъ и разработыватель дворомъ своимъ иногда поселялся. Изъ таковыхъ починковъ послѣ дѣлались деревни и села“. т. IV, стр. 706—707.

⁴⁹ Ibidem, III, стр. 280 и слѣд. Жалованная грамота великаго князя Василія Ивановича старцу Арсенію.

никъ своего основателя, игуменъ Лаврентій, проходившемъ свою должность еще при жизни преподобнаго, имѣла на своей землѣ семьдесятъ восемь починовъ⁵⁰.

Столь быстро заселялись окрестныя монастырскія земли. Такимъ успѣхамъ монастырской колонизаціи много способствовало то обстоятельство, что, вскорѣ послѣ основанія, монастыри получали отъ князей дарственные грамоты на окрестныя земли, при чемъ землямъ этимъ давались различныя привилегіи: онѣ освобождались отъ тягла, различныхъ оброковъ и податей, вслѣдствіе чего весьма быстро и заселялись крестьянами.

Обычай отчужденія окрестныхъ земель подъ монастырь былъ причиною и еще одного весьма любопытнаго явленія въ исторіи монастырской колонизаціи. Поселившись по сосѣдству съ обителью подвижника и завладѣвши участками земли, еще монастырю не принадлежащими, крестьяне, опасаясь, какъ-бы занятые ими земельные участки, которые они считали уже своею собственностію, по обыкновению, не отошли подъ монастырь, воздвигали гоненіе на подвижника. Явленіе это особенно наблюдалось въ тѣхъ случаяхъ, когда слава о подвижникѣ разносилась далеко по окрестностямъ и доходила даже до „предержащихъ престолъ Россійскаго царства“. Замѣчательно, что гоненіе это простиралось именно на личность самого подвижника, не касаясь остальной братіи. Такъ, зная уваженіе великаго князя Дмитрія Донскаго къ преподобному Стефану, основателю Махрищской обители, сосѣдніе землевладѣльцы братья Юрковскіе, „мняху себе, яко (св. Стефанъ) имать владѣти (ихъ) селомъ и нивами“, принуждали подвижника оставить свою обитель. Кроткія увѣщанія послѣдняго привели къ тому, что дерзкіе люди устремляются на святаго, „дышуще убійствомъ“. Преподобный, избравъ себѣ преемника, покинулъ свой монастырь, который послѣ его ухода благополучно продолжалъ свое существованіе. По подобнымъ же побужденіямъ преподобный Дмитрій Прилуцкій былъ изгнанъ Авнежскими крестьянами. Зная, какое уваженіе питалъ къ Дмитрію тотъ же великій князь, крестьяне обратились къ нему со слѣдующими словами: „отче, не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиша бо въ себѣ, яко аще сей великій ста-

⁵⁰ Дарственная грамота Корниліеву монастырю отъ великаго князя Ивана Васильевича послѣ разграбленія монастырскихъ земель татарами. Исторія Россійской іерархіи, IV томъ, 707—711 стр. Это разграбленіе, по свидѣтельству житія преподобнаго Корнилія, совершилось еще при его жизни.

рецъ близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими)“... и великій старецъ долженъ былъ оставить Авнегу.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи фактъ сообщаетъ некрологъ Авнежскихъ подвижниковъ, который показываетъ, что подвижники были предметомъ гоненія своекорыстныхъ людей не только при жизни, но и по смерти.

Когда обрѣтены были мощи Авнежскихъ святыхъ и стали совершаться отъ нихъ чудеса, одинъ человекъ, именовъ Гавріилъ, по прозванію Ушакъ, „еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба святыхъ: бѣ-бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ, глаголя: яко аще не престанутъ бывати чудеса отъ гроба святыхъ и паче множатися и состроятся монастырь и вселятъ ту мниси, и азъ не токмо мѣсто оно себѣ наслѣдую, но и села отщепитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Гавріилъ Глушицкаго игумена Іоакима и старца Илиарха, савомъ суща священника. И сотвори на ихъ учрежденіе веліе и съ ими о себѣ совѣтъ сотвори и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идѣже святіи лежаху. Объяродѣша сіявствомъ, паче же завистию и несытствомъ: раззориха гробницу, иже надъ мощми святыми и святія иконы, иже въ ней, повергну на землю, тако отыдоша“. Они надѣялись чрезъ это положить конецъ прославленію святыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить опасность, которая могла угрожать имѣнію Гавріила...

Можно думать, что случаи подобныхъ столкновеній подвижниковъ съ крестьянами изъ за мѣста ихъ общаго поселенія были не рѣдки, такъ что иногда сами подвижники, при избраніи мѣста для созданія своей обители, избѣгали встрѣчи съ крестьянами. Въ житіи преподобнаго Александра Куштскаго разсказывается, что первоначально мѣстомъ своего жительства подвижникъ этотъ избралъ весь Сянжему, въ которой и подвизался нѣкоторое время, намѣреваясь создать здѣсь свою обитель. Но какъ только онъ узналъ, что здѣсь „имать быти непустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ“, оставилъ Сянжескую и ушелъ на Кушту, гдѣ и основалъ свой монастырь.

Исторія колонизаціи представляетъ, впрочемъ, и обратные случаи, когда подвижникъ не хотѣлъ уступать крестьянамъ мѣста своего избранія и предпринималъ противъ нихъ дѣятельную борьбу. Такого рода примѣръ мы встрѣчаемъ въ лицѣ преподобнаго Арсенія Комельскаго. Какъ только поселился этотъ подвижникъ среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, вслѣдъ за нимъ, по обыкновению, пришли и крестьяне. Среди нихъ нашлись „зловѣрные люди“, причинявшіе свя-

тому „мнози скорби и пакости“, съ явнымъ намѣреніемъ выжить свя-
таго старца изъ его пустыни. Тогда старецъ жаловался великому кня-
зю Василию Іоанновичу, отъ котораго и получилъ жалованную гра-
моту, запрещающую крестьянамъ „около тое пустыни лѣсъ сѣщи, по-
чинки ставити и съ выжаты гоняти и бѣловати“ (по своей волѣ вла-
дѣть). Но эта грамота еще болѣе раздражила злонаправленныхъ людей, ко-
торые въ своей дерзости дошли до того, что „подруга преподобнаго,
старца, бывше безъ милости, злой смерти предаша“. Подобная участь
угрожала и самому подвижнику, вслѣдствіе чего онъ „далъ мѣсто гнѣ-
ву“ и удалился оттуда.

Изгнанные изъ своей обители подвижники шли еще далѣе въ
глубь лѣсовъ и пустынь, пролагая, такимъ образомъ, пути къ даль-
нѣйшей колонизаціи. Преподобный Стефанъ, изгнанный изъ Махрищ-
ской обители, удалился въ Авнежскую пустыню и здѣсь, вмѣстѣ съ
ученикомъ своимъ Григоріемъ, положилъ основаніе Авнежской оби-
тели, преподобный Александръ Куштскій, удалившись изъ Сявжемы,
основалъ обитель на рѣкѣ Куштѣ, преподобный Арсеній Комельскій,
оставивъ Комельскую пустыню, положилъ основаніе пустыни Шпе-
ленгской.

Такимъ образомъ, благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, мно-
гія пустынные и болотистыя мѣста дѣйствительнаго сѣвера превратились
„въ грады обительные“. Конечно, и теперь заселена была далеко не
вся обширная территорія Вологодскаго края, значительная часть ко-
торого и до нашихъ дней остается еще лишенною человѣческихъ жи-
лищъ, тѣмъ не менѣе монастырская колонизація въ весьма значитель-
ной степени способствовала ея заселенію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	3— 10
Глава I. Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые свя- тые, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Кипріанъ и Прокопій Устюжскіе.....	11— 23
Глава II. Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авнеж- скіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій.....	23— 38
Глава III. Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастыр- ской колонизаціи сѣверной части Вологодскаго края.—Постриженники его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменскій.—Преподобный Григорій Пельшемскій.....	38— 64
Глава IV. Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Уче- ники преподобнаго Сергія Радонежскаго: святые Сергій Нуромскій, Навелъ Обнорскій и Арсеній Комельскій.....	65— 76
Глава V. Последніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иноче- ства, преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго: святые Ино- кеній и Корипій Комельскіе. Братія свѣдѣнія о позднѣйшихъ свя- тыхъ: Пигатіѣ Прилуцкомъ и Галактіонѣ Вологодскомъ.....	76—130